

Dohnal, Josef

**Русская литература XVIII века. Избранные тексты II.,
Хрестоматия**

*Русская литература XVIII века. Избранные тексты II.,
Хрестоматия* 1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 2014

ISBN 978-80-210-7065-3; ISBN 978-80-210-7068-4 (online :
Mobipocket)

Stable URL (handle):

<https://hdl.handle.net/11222.digilib/130389>

License: [CC BY-NC-ND 3.0 CZ](#)

Access Date: 23. 02. 2024

Version: 20220902

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Русская литература XVIII века

*Избранные тексты II.
Хрестоматия*

Josef Dohnal

Masarykova univerzita

Brno 2014

INVESTICE DO ROZVOJE VZDĚLÁVÁNÍ

Русская литература XVIII века

Избранные тексты II. Хрестоматия

Josef Dohnal

Masarykova univerzita
Brno 2014

INVESTICE DO ROZVOJE VZDĚLÁVÁNÍ

Dílo bylo vytvořeno v rámci projektu Filozofická fakulta jako pracoviště excelentního vzdělávání: Komplexní inovace studijních oborů a programů na FF MU s ohledem na požadavky znalostní ekonomiky (FIFA), reg. č. CZ.1.07/2.2.00/28.0228 Operační program Vzdělávání pro konkurenceschopnost.

Autoři:

Tomáš Dvořák, Lukáš Fasora, Bronislav Chocholáč, Tomáš Malý,
Denisa Nečasová, Zdeňka Stoklásková, Martin Wihoda

© 2014 Masarykova univerzita

Toto dílo podléhá licenci Creative Commons Uveďte autora-Neužívejte dílo komerčně-Nezasahujte do díla 3.0 Česko (CC BY-NC-ND 3.0 CZ). Shrnutí a úplný text licenčního ujednání je dostupný na:

creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/cz.

Této licenci ovšem nepodléhají v díle užitá jiná díla.

Poznámka: Pokud budete toto dílo šířit, máte mj. povinnost uvést výše uvedené autorské údaje a ostatní seznámit s podmínkami licence.

ISBN 978-80-210-7065-3 (brož. vaz.)

ISBN 978-80-210-7066-0 (online : pdf)

ISBN 978-80-210-7067-7 (online : ePub)

ISBN 978-80-210-7068-4 (online : Mobipocket)

Obsah

ÚVODEM	8
Василий Васильевич Капнист	9
ЯБЕДА	10
Александр Онисимович Аблесимов	61
ДВОРЯНКА В КУПЧИХАХ	62
КУПЧИХА ВО ДВОРЯНКАХ	63
ПРИКАЗНАЯ УЛОВКА	66
МЕЛЬНИК – КОЛДУН, ОБМАНЩИК И СВАТ	68
Денис Иванович Фонвизин	79
НЕДОРОСЛЬ.	80
ПОСЛАНИЕ К СЛУГАМ МОИМ ШУМИЛОВУ, ВАНЬКЕ И ПЕТРУШКЕ	92
ВСЕОБЩАЯ ПРИДВОРНАЯ ГРАММАТИКА	97
Николай Иванович Новиков	102
ТРУТЕНЬ Еженедельное издание на 1769 год месяц май	103
ИЗ ПЕРЕПИСКИ „ТРУТНЯ“ СО „ВСЯКОЙ ВСЯЧИНОЙ“	106

Иван Андреевич Крылов	112
ПОХВАЛЬНАЯ РЕЧЬ В ПАМЯТЬ МОЕМУ ДЕДУШКЕ, ГОВОРЕННАЯ ЕГО ДРУГОМ В ПРИСУТСТВИИ ЕГО ПРИЯТЕЛЕЙ ЗА ЧАШЕЙ ПУНША	113
КАИБ	119
РЕЧЬ, В КОТОРОЙ ЖАЛУЕТСЯ САПОЖНИК НА ЖЕНУ СВОЮ,	129
ПОСЛАНИЕ О ПОЛЬЗЕ СТРАСТЕЙ	131
Яков Борисович Княжнин	137
СУДЬЯ И ВОР	138
ДУБ И ТРОСТЬ	140
ЛАДНО И ПЛОХО	142
ОТРЫВОК ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ	144
Михаил Дмитриевич Чулков	150
В ЧУЖОМ ПИРУ ПОХМЕЛЬЕ	151
СТАВЛЕННИК	155
ДРАГОЦЕННАЯ ЩУКА	159
ПРИГОЖАЯ ПОВАРИХА, ИЛИ ПОХОЖДЕНИЕ РАЗВРАТНОЙ ЖЕНЩИНЫ	165
Федор Александрович Эмин	184
ПИСЬМА ЭРНЕСТА И ДОРАВРЫ	185
АДСКАЯ ПОЧТА ИЛИ КУРИЕРЪ ИЗЪ АДА СЪ ПИСЬМАМИ	197

НАГРАЖДЕННАЯ ПОСТОЯННОСТЬ,
ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛИЗАРКА И САРМАНДЫ 205

Николай Михайлович Карамзин 214

БЕДНАЯ ЛИЗА 215

ЕВГЕНИЙ И ЮЛИЯ 233

ПИСЬМА РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА 242

Гавриил Романович Державин 254

РАЗЛУКА 255

СОНЕТ 256

ПИКНИКИ 257

ПРАВИЛО ЖИТЬ 259

НЕВЕСТЕ 260

НА РОЖДЕНИЕ В СЕВЕРЕ ПОРФИРОРОДНОГО
ОТРОКА 262

НА СМЕРТЬ КНЯЗЯ МЕЩЕРСКОГО 265

НА МОДНОЕ ОСТРОУМИЕ 1780 ГОДА 269

ФЕЛИЦА 270

БЛАГОДАРНОСТЬ ФЕЛИЦЕ 279

ВИДЕНИЕ МУРЗЫ 281

ПРАВЕДНЫЙ СУДИЯ 287

ИЗОБРАЖЕНИЕ ФЕЛИЦЫ 289

ПРОГУЛКА В ЦАРСКОМ СЕЛЕ 305

АНАКРЕОН В СОБРАНИИ 308

СКРОМНОСТЬ 310

ВЛАСТИТЕЛЯМ И СУДИЯМ 311

БОГ	313
МОЛИТВА	317
НА ТЩЕТУ ЗЕМНОЙ СЛАВЫ	318

Александр Николаевич Радищев 321

ВОЛЬНОСТЬ	322
ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ	347

ÚVODEM

Tento svazek vybraných textů z ruské literatury 18. století navazuje na čítanku Русская литература XVIII века. Избранные тексты I.

Princip uspořádání je stejný – dostáváte možnost přečíst si v originále texty, které jsou považovány za klasické a které umožňují seznámit se s tím, co ruská literatura přinesla před vstupem do svého mimořádně úspěšného rozkvětu v XIX. století, tedy to, z čeho mohli později oni „klasikové“ po tematické i tvarové stránce čerpat.

Když budete pečlivě číst, zjistíte, že jazyk textů je oproti textům z prvního dílu čítanky vesměs jiný, „přístupnější“, bližší normě, kterou známe. Je to doklad rychlé evoluce, kterou „literární“ ruština v XVIII. století procházela – i to je možno považovat za nezanedbatelný přínos právě tohoto období ruské literatury společnosti.

I pro tento díl platí, že si znalosti můžete rozšířit i prohloubit, zdrojů v knižní i elektronické podobě je pro to k dispozici dost.

Josef Dohnal

Василий Васильевич Капнист

(1758–1823)

В. В. Капнист – продолжатель традиции русской литературной сатиры. Комедия «Ябеда» была даже после постановки запрещена, в XIX веке она стала очень популярной.

Этические вопросы сопровождают человечество во всех веках. XVIII век не является ни в каком смысле исключением, так что этические принципы входят в качестве основной темы в произведения классиков русской литературы.

Заметьте, какими именами пользуется Капнист и как он таким образом с первого момента намекает на то, каким характером наделены действующие лица. Обратите внимание на диалоги и их характер. Впрочем, что значит на чешском языке слово «ябеда»?

ЯБЕДА

Комедия в пяти действиях

ЛИЦА:

Праволов, отставной ассессор

Кривосудов, председатель гражданской палаты

Фекла, жена его

София, дочь его

Прямиков, подполковник служащий

члены гражданской палаты

— Бульбулькин

— Агуев

— Радбын

— Паролькин

Хватайко, прокурор

Кохтин, секретарь гражданской палаты

Добров, понытчик

Анна, служанка

Наумыч, поверенный Праволова

Архип, слуга Праволова

Действие происходит в доме Кривосудова. В углу комнаты стоит стол красным сукном покрытый. В комнате три двери.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Прямиков и Добров.

Прямиков

Я рад, мой друг, что мы с тобою здесь столкнулись.

Добров

Да вы, сударь, зачем в дом этот завернулись?

Неужли за грехи какая вас напасть

Иль тяжба, бог храни, втащила в эту пасть?

Прямиков

Та именно: процесс на шею навязался;

Я от него уйти хоть всячески старался,

Мирился, уступал, но потерял весь труд.

И так уездный уж и верхний земский суд

Прошел, где моему не льстили супостату,

Вступило дело к вам в гражданскую палату.

Добров

Боюсь я, чтоб оно не оступилось здесь.

Да с кем же вы, сударь, имеете процесс?

Прямиков

Сосед мой Праволов не ведь с чего вцепился...

Добров

Кто? Праволов?

Прямиков

Да, он. Чему ж ты удивился?

Добров

Дивлюся, право, я, как с умной головой
Могли связаться вы с такой, сударь, чумой?

Прямиков

Сутяга хитрый он, однако ж не опасен.

Добров

Кто? Он?

Прямиков

Уж в двух судах был труд его напрасен.

Добров

Не знаете, сударь, сего вы молодца.
Другого в свете нет такого удалца.
Напрасен в двух судах! Да там лишь разбирают,
А ведь в гражданской вдруг решат и исполняют.
Что за беда ему, что в тех его винят;
Лишь только для него в палате был бы лад.
То он получит вдруг и право и именье.
Вам с Праволовым в суд? Какое дерзновенье!

Прямиков

Да чем же страшен так он мне? Прошу сказать.
Я, в армии служа, не мог соседей знать.
По замирении я в отпуск отпросился;
Лишь в дом, – он на меня с процессом и взвалился;
И тут-то я узнал уж не от одного,
Что он злой ябедник; да только и всего.

Добров

Да только и всего! Так этого и мало?
Вы добрый человек; мне жаль, сударь, вас стало!
Покойный ваш отец мне благодетель был;
Я милостей его отнюдь не позабыл:
Я помню, что его хлеб-соль едал довольно.
В сетях сих видеть вас мне, право, очень больно.
Коль нужен в чем, готов для ваших я услуг.

Прямиков

Чувствительно тебя благодарю, мой друг!
Я должен искренно теперь тебе признаться,
Что я не знаю, как за дело мне приняться.
Во-первых, мне скажи: чем так соперник мой
Мне страшен?

Добров

Господи! что за вопрос такой!
Он ябедник: вот все уж этим вам сказали.
Но чтоб его, сударь, получше вы узнали,
То я здесь коротко его вам очерчу:
В делах, сударь, ему са м чорт не по плечу.
В гражданской уж давно веду я протоколы;
Так видны все его тут шашни и крамолы,
Которы, зеркалу судебной правоты
Представ, невинности явили в нем черты.
А сверх того еще, глас божий – глас народа,
Подлоги, грабежи, разбои разна рода,
Фальшивы рядные, уступки, векселя.
Там отмежевана вдруг выросла земля;
Тут верхни мельницы все нижни потопили;
Там двести десятин два борова изрыли;
Здесь выморочных сел наследничек воскрес;
Там, на гумне, его дремучий срублен лес;

На брата иск за брань и за бесчестье вносит,
А пожилых с того и за умерших просит;
Там люди пойманы его на воровстве
Окраденным купцам сыскалися в родстве
И брали то, что им лишь по наследству должно:
Но всех его проказ пересказать не можно:
Довольно и того, что вам слегка сказал.
Притом, как знает он всех стряпчих наповал!
Как регламент нагнуть, как вывернуть указы!
Как все подъячески он ведает пролазы!
Как забежать к судье, с которого крыльца;
Кому бумажек пук, кому пуд сребреца;
Шестерку проиграть, четверку где иль тройку;
Как залучить кого в пирушку, на попойку;
И словом: дивное он знает ремесло,
Неправду мрачную так чистить, как стекло.
Так вам возможно ли с сим молодцом тягаться?

Прямиков

И подлинно, его мне должно опасаться.
Но дело ведь мое так право, ясно так!..

Добров

Как солнце ясно будь, то будет аки мрак.

Прямиков

Но на судей ужли не можно положиться?
Хозяин здешний?..

Добров (осматриваясь кругом)

Ах! Боюсь проговориться;
Но вы не скажете, не слышит нас никто.

Извольте ж про себя, сударь, вы ведать то,
Что дому господин, гражданский председатель,
Есть сущий истины Иуда и предатель,
Что и ошибкой он дел прямо не вершил;
Что с кривды пошлиной карманы начинил;
Что он законами лишь беззаконье удит
(Показывая, будто считает деньги.)
И без наличного довода дел не судит.
Однако хоть и сам всей пятерней берет,
Но вящую его супруга дань дерет:
Съестное, питейцо – пред нею нет чужаго;
И только что твердит: даянье всяко благо.

Прямиков

Вот на! Возможно ль быть? А члены?

Добров

Все одно:

У них все на один салтык заведено.
Один член вечно пьян, и протрезвленья нету;
Так тут какому быть уж путному совету?
Товарищ же его до травли русаков
Охотник страстный: с ним со сворой добрых псов
И шедшую с небес доехать правду можно.

Прямиков

А заседатели?

Добров

Когда, сказать не ложно,
В одном из них души хотя немножко знать;
Так что ж? Лих та беда, что не горазд читать,

Писать и поготовь, а на словах заика;
И так, хотя б и рад, помеха лих велика.
Другой себя к игре так страстно прирастил,
Что душу бы свою на карту посадил.
В суде по Чермному с ним фараон гуляет,
И у журналов он углы лишь загибает.

Прямиков

А прокурор? Ужли и он...

Добров

О! прокурор,

Чтоб в рифму мне сказать, существеннейший вор.
Вот прямо в точности всевидящее око:
Где плохо что лежит, там зетит он далеко.
Не цапнет лишь того, чего не досягнет.
За праведный донос, за ложный он берет;
Щечит за пропуск дел, за голос, предложенья,
За нерешение решимого сомненья,
За поздний в суд приход, за пропущенный срок,
И даже он дерет с колодников оброк.

Прямиков

А о секретаре?..

Добров

Дурак, кто слово тратит.
Хоть гол будь, как ладонь, он что-нибудь да схватит.
Указы знает все, как пальцев пять своих.
Экстрактец сочинить без точек, запятых,
Подчистить протокол, иль лист прибавить смело,
Иль стибрить документ – его все это дело;

И с Праволовым он запазушны друзья.
Он вам накаверзит, весьма уверен я.
И дельцо, знать, к себе он прибрал по секрету;
По крайности, его в моем повытье нету.

Прямиков

Изрядно эту мне ты шайку описал!
Какая сволочь!

Добров

Я вам истину сказал:
Но, бога ради!..

Прямиков

Будь, пожалуй, будь спокоен.
Но чем же мне начать? Я, право, так расстроен...

Добров

Из слов, сударь, моих могли вы то понять,
Что нечем тут начать, как тем, что дать да дать.

Прямиков (дает ему кошелек)

Изволь, тебе, мой друг! Так, как знакомцу древню.

Добров (не принимая)

Никак: благодарю. – Давно бы я деревню
Купил, когда б так брал, как многие берут,
Впредь до решенья дел, за подлежащий труд.
Таких несправедных нажитков я чуждаюсь;
С женой, с детьми трудом и правдою питаюсь.
А если правое чье дело верх берет,
И правый мне за труд в признательность дает,

То, признаюсь, беру. Мне совесть не пеняет:
Я принимаю дар, бездельник вынуждает.
И не из прибыли я вам служить хотел;
Я уж сказал, сударь, я вашу хлеб-соль ел.

Прямиков

Ну, как же ты, мой друг, совет мне предлагаешь,
Которого ты сам исполнить не желаешь?
Ты бедный человек, имеешь малый чин;
Породы ты простой, не князь, не дворянин;
Ты дому моему уже служил довольно;
Но ты не взял, что я хотел дать добровольно.
А мне советуешь, чтоб я пошел дарить,
Кого ж? Мне равного! Как может это быть!
И как мне сметь его унижить, уничтожить!

Добров

Не должно это вас, поверьте мне, тревожить.
До рода, до чинов, какая нужда тут?
Давайте тем, сударь, которые берут.
А чтоб предохранить их от уничтоженья,
То придержитесь вы только умноженья:
Чтоб чина пред другим вам не уничтожать,
То по чинам лишь им извольте прибавлять.

Прямиков

Не сроден я, мой друг, на эдакие штуки.
Пускай подарками мой враг марает руки.
Я мыслю, что мою тем правость помрачу,
Когда я за нее монетой заплачу.

Добров

Вы слишком песенку поете нам высоко;
А на Руси твердят: не всяко лыко в строку.

Прямиков

Но я все правдою привык, мой друг, строчить.
Имений могут всех они меня лишить,
Но не принудят ввек на подлость и пронырства.

Добров

Что ж вам от этого прибудет богатырства?

Прямиков

Честь.

Добров

Честь, сударь, не в честь, как нечего с ней есть!
Но надобно же вам подумать, как ни есть...

Прямиков

Я думаю, я прав.

Добров

И неужель стоите
Упрямо в том?..

Прямиков

Стою.

Добров

И им вы не дадите?

Прямиков

Ни шеляга не дам.

Добров

Однако истец ваш,

Я думаю, прислал тяжелый свой багаж,
И под фортецию суда подкоп уж роет.

Прямиков

Пусть.

Добров

Ну, а как он залп из кошелька откроет,
То праву вашему
(свищет)
на воздухе гулять.

Прямиков

Ну, что ж? Хоть здесь они изволят сплутовать,
То я наместнику на них подам прошение.

Добров (закрывая рукою рот)

О боже! Положи устам моим хранение!
Но хоть подумайте, – и это, ей, не вздор –
Что исполняется палатской приговор
И что оциплют вас, как коршуны синицу;
А с апелляцией уж голый
(свищет)

дуй в столицу.

Прямиков

Нет, права моего ничто не помрачит.

Я не боюсь: закон подпора мне и щит.

Добров

Ах! Добрый господин, ей-ей! законы святы,
Но исполнители – лихие супостаты.
Закон желает нам прямого всем добра;
Но мы хотя и все из одного ребра,
Но не равно мы все к добру расположены.
В зеркало взглянь судов: Петра черты священны
Безмездно там велят по истине судить;
Божествен суд таков! Да где судей найти?
Закон старается вселить в нас души новы,
Навычки умягчить развратны и суровы,
Ко бескорыстию желание вперить,
И с правдою судей сколь можно примирить;
Наградю их льстит и казнь угрожает;
Но против ябеды ничто не помогает.
Ее-то бойтесь вы, сударь, а то роса,
Покуда солнышко взойдет, пробьет глаза;
И чтоб насущного вам хлеба не лишиться,
То должно с ябедой как ни на есть сойтиться.

Прямиков

Все так, мой друг, но я из правил уж моих
Ни для каких причин не выйду ни на миг.
И я решился раз; что скажешь, все пустое.

Добров

Но...

Прямиков

Перестань, прошу. Да это что такое?

Судейский красный стол, мой друг, я вижу здесь!

Добров

Не знаю как сказать: иль ангел, или бес,
Вняв челобитчиков умильному моленью,
Присутственны места все предал всесожженю;
А как домов таких нельзя здесь вдруг найти,
Где выгодно суды могли бы поместить,
То председатель наш в свой дом вместил палату,
С казны за то себе приобретая плату.
(Показывает, будто деньги считает.)

Прямиков

Так мы нечаянно в святыню забрели?

Добров

Но святость, знать, в ней спит; а день уж на земли.
Дивлюсь; для праздника хозяйска именинна,
И для сговора...

Прямиков

Чей сговор?

Добров

У них едина

Лишь дочь. Я слышал вскользь, – таят.

Прямиков

Да за кого?

Добров

Не знаю истинно. Да вам что до того?

Прямиков

Как что? Но на тебя могу ль я положиться?

Добров

Я предан вам, сударь! Нет нужды и божиться,
Уж после всех тех тайн, что вам...

Прямиков

Так знай, мой друг,
Что страстью нежною пылает к ней мой дух,
Но кто соперник мой?

Добров

Таят, сударь, к чему-та.
Да вот, ее идет служанка к нам.

ЯВЛЕНИЕ II

Прямиков, Добров и Анна.

Прямиков

Анюта!

Ах! как я рад тебе!..

Анна

И я вам. Да отколь
Принес вас бог?

Прямиков

Постой, и прежде мне позволь
Спросить, правдив ли слух по городу несется,
Что барышня твоя уж замуж отдается?

Анна

Что отдается, в том, наверное, вам лгут;
Но то не солгано, сударь, что отдают.

Прямиков

Скажи мне искренно, скажи все, что ты знаешь;
Или и ты меня в печали оставляешь?
Хоть словом успокой, Анютушка! меня.

Анна

Да что мне вам сказать?

Прямиков

Скажи, любим ли я?

Анна

Хотя и не совсем, сударь, вы правы сами;
Но правды потаить я не хочу пред вами.
Вас любят; но беда, что принуждают нас
Женою быть того, кто не похож на вас.

Прямиков

Ах, боже мой! поди ж скажи ты ей, Анюта!

Анна

Да вот она сама.

ЯВЛЕНИЕ III

София, Прямиков, Анна и Добров.

Прямиков (цалует у Софии руку)

Счастливая минута!
С какую радостью я вижу вас опять!

София
Ах, да откуда вы?

Прямиков
Могу ль себя ласкать
Надеждой, что моей вы к вам любви сердечной...

София
Вы позабыли нас!

Прямиков
Ах, нет; я помнил вечно,
И вечно образ ваш в душе моей...

Анна (к Софии)
Но вот
Сюда ваш батюшка, сударыня, идет.

ЯВЛЕНИЕ IV
Те ж и Кривосудов.

Прямиков (к Кривосудоеу)
Позвольте вам, сударь, отдать мое почтение.
Я Прямиков. Процесс мой к вам на рассмотрение
Вступил. Я в правости на ваш надеюсь суд.

Кривосудов
А! знаю...

(к Софии.)

А ты что, чего зеваешь тут?..

Поди в уборную: ты видишь, челобитчик.

София и Анна уходят.

ЯВЛЕНИЕ V

Кривосудов, Прямиков и Добров.

Прямиков

Осмелюсь вам сказать...

Кривосудов

А! господин повытчик!

Добров

С днем ангела, сударь, я поздравляю вас,
Желаю новых благ на всякий день и час.

Кривосудов

Благодарю, дружок!

Прямиков

Я смелость принимаю...

О деле вам моем...

Кривосудов

Да я сказал, что знаю.

Надолго ль в город к нам?

Прямиков

То должно вам решить.

Кривосудов

Мы рады гостю.

Прямиков

И... без тяжбы здесь прожитьи
Я несколько хотел. Позвольте мне о деле...

Кривосудов

Рассмотрим мы его на этой же неделе.

Прямиков

Но я хотел, сударь, вам прежде изъяснить...

Кривосудов

Напрасно вы себя изволите трудить:
Мы дело на письме увидеть можем ясно;
И предуведомлять хотите вы напрасно.

Прямиков

Однако я прошу...

Кривосудов

Вам не о чем просить:
Мы по законам все должны дела вершить.
Без просьбы оправдим, коль право ваше свято;
А сколько ни просить, коль дело плоховато...

Прямиков

Не о потачке я упрашивать хотел;

Бесчестьем вам и мне такую б просьбу счел.
Но дело в сторону; я к вам имею нужду,
Процесса всякого и всякой тяжбы чужду,
Важнейшую всего на свете для меня.
Простите мне, что вам откроюсь прямо я.
Вам дом известен мой, порода и поместья:
Я льщусь, сударь, что вам не сделаю бесчестья
И искренность моих поступков докажу,
Когда вам, как отцу, признательно скажу,
Что вашей дочери прелестной красотою
Пленен смертельно я; что счастливой судьбою
Почту я сыном вам, а ей супругом быть.

Кривосудов

Дочь! Как? – Где вы ее успели полюбить?

Прямиков

В столице, как она у тетушки бывала,
Имел я счастье...

Кривосудов

И тетка это знала?

Прямиков

Я страсти перед ней не думал и скрывать.

Кривосудов

Она с ума сошла! Да как же так спущать?

Прямиков

Мне странно: неужель я этим вас обижу?

Кривосудов

Никак: но в первый раз я вас сегодня вижу.

Она же молода; у ней же есть и мать.

Прошу за честь сию спасибо вас принять:

Однако же нельзя так скоро нам решиться.

Прямиков

Я только лишь хотел об этом изъясниться;

Узнать, могу ль себя я хоть надеждой льстить?

Кривосудов

На сей седмице вас потщимся мы решить.

Прямиков

Так вы даете мне надежду, что я буду?..

Кривосудов

Надейтесь, вашего я дела не забуду.

Прямиков

Я с восхищеньем вас, сударь, благодарю.

Кривосудов

Добро; явитесь лишь вы к секретарю.

Прямиков

Зачем к секретарю?

Кривосудов

Он силу в деле знает.

Да, ба! Повытчик тут с делами ожидает:

Мне резолюцию на них потребно дать.
(Берет бумаги.)

Прямиков

Позвольте ль мне честь к вам и вперед бывать?

Кривосудов

Добро пожаловать. – Я ваш слуга покорный.

Прямиков уходит.

...

ЯВЛЕНИЕ VI

Кривосудов и Добров.

Кривосудов

Вот на! Какой востряк! о! да какой проворный!
Лишь только на порог – и к дочке уж успел!
Да как сестра моя?.. кто ей на шею сел?
Знать, что волочутся, и не сказать ни слова!

Добров

Да может быть, сударь, что женишка такова
Хотела приласкать. Ведь с тысячью-то душ
Красавец эдакой хоть бы кому так муж.
Чин подполковничий; через четыре года
Полк тысячный; а бог коли не даст похода,
То с сих двух тысяч душ! – Позвольте мне сказать
Преданнейшу слуге, чем он и вам не зять?

Кривосудов

Вот эти молодцы все ветер лишь гоняют;

И родовых наследств беречь они не знают;
А что говорить о благонажитых!
Кто первый захотел, тот и ощиплет их.
Не знают, что за зверь экстракт и протоколы;
Лишь только разными языки и глаголы,
С своими ж русскими на площади, везде
Лепечут; а язык прильпе их на суде.
Ты знаешь, нажил я ведь лишь трудом да потом,
Ну, так не жаль ли, брат! как в прах пойдет все мотом?
Такого зятя я хочу себе найтишь,
Который бы умел к нажитому нажать.
Да у меня и есть уж некто на примете.
(Кладет бумаги на стол.)

Добров (берет бумаги и подносит ему)
Три дела тут, сударь, которы, по помете,
Уж более трех лет не решены лежат:
Пора бы кончить их...

Кривосудов
Да кто же виноват?
Лежат! – вот на! затем, что николи не ходят
Просители ко мне.

Добров
Да чай они и бродят
Под окнами, сударь, но чтоб сюда прийтишь,
Так не с чем им.

Кривосудов
Так что ж? За ними мне ходить
Прикажешь?

Добров

Нет, сударь! но я за них таскаюсь,
Их прав иск: я нашел...

Кривосудов

Так я и не мешаюсь,
Когда ты что нашел; находка пред тобой.

Добров

Что вот у этого последнею землей
Грабительски его соседи завладели
И дом зимой сожгли.

Кривосудов

Хозяина, знать, грели.

Добров

А бедных сих дворян в подушный всех оклад
Помещик записал.

Кривосудов

Я был бы очень рад,
Когда б в крестьянску чернь, чтоб носа не вносили.
Всех мелкотравчатых дворян перекрестили.

Добров

А этот, наконец, за поземельный спор,
Обманом заведен к помещику на двор,
Обруган там, прибит; домой чуть дотащился,
И в три дни отдал дух.

Кривосудов

Знать дурно он лечился.

Добров (в сторону)

Ну! вот и приговор!

(Вслух.)

Да что ж хоть первым двум?..

Кривосудов

Да дела не могу решить я наобум:

Кто прав, кто виноват, мне это видеть должно.

Добров

Из дела...

Кривосудов

Ничего увидеть невозможно.

Добров

Но внятно говорит тут письменный довод.

Кривосудов

Потребен – слышишь ли? – изустный перевод.

Добров

Но дело на письме гласит довольно ясно.

Кривосудов (вырывает бумаги, бьет об стол и бросает)

Но дело на письме, хоть бей об стол, безгласно.

Да полно пустошью мне голову ломать;

Поди: к обедне мне пора уж поспешать.

Добров (поднявши бумаги)
Хоть взгляните...

Кривосудов
Ох! поди, не говори мне боле.

Добров
При белом их, сударь, принес я протоколе;
Лишь подписать.

Кривосудов
Поди.

Добров
Для ангела!

Кривосудов
Поди!

Добров
Для праздника!

Кривосудов
Поди, поди и пропади!
(Выталкивает вон.)

ЯВЛЕНИЕ VII
Кривосудов (один).

Кривосудов
Тьфу! бешеный какой! чуть к горлу не придрался,

И с челобитчиком скорее б развязался!

(Передразнивает.)

Лишь только подписать, готов и протокол;

Нет, друг мой! да и я, ведь, также не осел.

Когда все наголо подписывать я буду,

То скоро работать

(делая, будто жует)

и челюстями забуду.

Перо, и то в себя чернила ведь берет:

Так мне ли одному сидеть разиня рот,

И видя под носом летящих куропаток,

Из сотни не схватить одну или десяток?

Прост был бы я и впрям!

ЯВЛЕНИЕ VIII

Кривосудов, Фекла, Наумыч и Архип с подарками в корзинах.

Фекла

Вот, милый муженек!

К нам Праволов прислал Наумыча.

Кривосудов (надевая перстни, шпагу и проч.)

Дружок!

Здорово. Господин каков твой?

Наумыч

Вас проздравить

Велел с днем ангела, и сим...

(Показывая подарки.)

Фекла (Архипу)

Изволь поставить.

Наумыч

Поклон вам отдает.

Кривосудов

Благодари его;

Но много так на что?

Наумыч

И, сударь! ничего!

Кривосудов

Но, право, совестно.

Наумыч

Домашне все ведь это.

Фекла

А нам бы все платить наличною монетой.

Наумыч

Неуж, сударыня?

Кривосудов

Но будет ли он к нам

На дружеской обед?

Наумыч

Когда угодно вам.

Кривосудов
Пожалуй, попроси.

Фекла
Мы будем дорогова
Ждать гостя.

Наумыч
Я скажу.
(Кривосудову.)
О деле я два слова
Хотел промолвить вам. Соперник прибыл наш...

Кривосудов
Он был уж у меня.

Наумыч (Фекле, рассматривающей и
раскладывающей подарки)
В бутылках эрмитаж.

Кривосудов
Но я его оттер. О деле небылицы
Занес было; но я замаял речь.

Наумыч (Фекле)
Фунт горчицы.

Кривосудов
И с рук сжил.

Наумыч

Сколько ж вам мой господин, сударь,
Обязан!

(Фекле.)

На роброн атлас.

Фекла

Какой хабар!

Кривосудов

Но как он намекнул, то дело плоховато!

Наумыч

Все ложно.

(Фекле.)

На кафтан тут бархатец косматой.

(Кривосудову.)

И вы словам, сударь, не верьте.

Кривосудов

Ну, добро;

Посмотрим.

Наумыч (Фекле)

Флер цветной невесте на фуру.

(Кривосудову, указывая на подарки.)

На деле мы, сударь, доказываем ясно.

Кривосудов

Добро, добро.

Наумыч (Фекле)

За нас словцо. – Шампанско красно..

Кривосудов
Ужо посмотрим.

Фекла
Да, мой милый, посмотри:
Одной провизии не съесть недели в три.

Кривосудов (смотря на подарки)
Ба, ба! что вижу впрям! да это двор гостиной!

Наумыч
Изволите шутить.

Фекла (Наумычу)
Обернуто холстиной?

Наумыч (Фекле)
Швейцарской сыр...
(Кривосудову.)
Так мы надеемся на вас?

Кривосудов
Ну, кланяйся; добро.

Фекла
Обед наш ровно в час.

Наумыч
Наверно будет.

Фекла

Ну, спасибо!

Кривосудов
Ну, спасибо.

Фекла (проводя Наумыча)
Спасибо!

Наумыч (возвратись, Фекле)
Там, в сенях, в кульке повесна рыба.
(Уходит с Архипом.)
Слуга выносит подарки.

ЯВЛЕНИЕ IX

Кривосудов и Фекла.

Фекла
Какой же умница Наумыч!

Кривосудов
Не дурак!

Фекла
И Праволов какой досужий!

Кривосудов
Не простяк!

Фекла
Как любит он наш дом и как не оставляет!

Кривосудов

Зато и делать уж чего не заставляет!

Фекла

Вот друг, каких теперь в диковинку сыскать!
Все знает наперед, что думаешь сказать;
Все помнит дни: крестины, именины,
Родины...

Кривосудов

Плохо лишь он помнит день кончины!

Фекла

Им живы, кормит нас, и дом наш, и весь скот;
И словом: им живем без нужды, без хлопот.

Кривосудов

Но до хлопот, смотри, чтоб с ним нам не добиться.
Уж стал он несколько тяжел мне становиться:
Я слышу, на него отовсюду вопиют.
Лишь утушим одно, другое дело в суд;
И сделал для него уж я таких премного,
Из коих и одно б могло, судить коль строго,
Во уголовный суд меня препроводить,
Чтоб лакомством его оскомы не набить!

Фекла

Пустое: ты веришь ведь все дела чистенько.

Кривосудов

Что черно, как ни чисть, а будет все черненько.

Фекла

Пустое: мы ль одни! всех не переведут,

Кривосудов

А как по жеребью придет отведасть кнут?..

Фекла

Пустое; знать, с утра ты левой встал ногою,

Что голову набил такую чепухою.

Ты только посмотри, как оборотлив он:

В Сенате у него, ты знаешь, есть патрон;

А у наместника приятелей имеет.

Куда ни кинется, везде уж он поспеет.

Так ты, пожалуйста, пустого не страшись

И на него в делах его ты положишься.

Кривосудов

Что делать!

Фекла

Ах, на ум теперь пришло мне кстате,

На Прямикова иск в гражданской ведь палате.

Кривосудов

Так точно.

Фекла

Он о нем давно мне говорил.

Кривосудов

А мне не так давно.

Фекла

Как он со мной судил,
То с стороны его казалось дело свято.

Кривосудов

А я скажу тебе, что очень плоховато;
И я не знаю, как уж тут поворотить.

Фекла

Однако ж, милый мой, ты должен пособить.
Ведь вспомни, как он нам...

Кривосудов

Да помню так, как должно;
Но памятью одной тут пособить не можно:
Тут надобен указ, иль право, иль закон.

Фекла

Законов столько!

Кривосудов

Так.

Фекла

Указов миллион!

Кривосудов

И это истинно.

Фекла

Прав целая громада!

Кривосудов
Все неоспоримо.

Фекла
Ну, так чего же нада?

Кривосудов
Безумна! надобно такой закон прибрать,
Чем виноватого могли бы оправдать.

Фекла
Да ведь закон прибрать – секретарево дело,
А ваше лишь решить; и я ручаюсь смело,
Что секретарь прибрал закон уж для него:
Из пропасти такой не выбрать одного!

Кривосудов
Да я же не один: ведь у меня есть члены.

Фекла
Вот на еще! да им и море по колены:
Так много ль надобно их уломать труда!

Кривосудов
Ин быть так; если он спроворит до суда
Всех членов склонить; то вот-те слово свято,
Что уж и я пушусь... хоть дело плоховато!

Фекла
Притом для дочери он не жених, а клад:
А свой ведь своему и поневоле брат.

Кривосудов

Ба! я и позабыл сказать тебе, что снова
Господь нам женишка дарует и другова.
Как на голову снег сегодня...

Фекла

Кто таков?

Кривосудов

Он подполковник; дай мне вспомнить... Прямиков.

Фекла

Что с Праволовым?..

Кривосудов

Да, тот самый.

Фекла

И на эту

Весть не дал ты ему ответа прямо?

Кривосудов

Нету.

Фекла (с жаром)

Как! хочешь нам его на шею навязать?

Кривосудов

Никак; я лишь хотел сперва тебе сказать.

Фекла

Я слышать не хочу; чтоб не было и духу
Его у нас в дому.

Кривосудов
Он нашу дочь-воструху
В Москве уж знал.

Фекла
Как знал?

Кривосудов
Знал у сестры в дому.

Фекла
Возможно ль быть?.. Да я... Да я ей!.. я ему!..

Кривосудов
Спокойся же, мой друг! ведь отказать нам можно.

Фекла
Не только отказать, но заказать тут должно,
Чтоб к нам он ни ногой. – Он хочет забежать
И сватовством тебя к себе лишь привязать,
Чтоб в деле ты ему помочь не отказался.
Но не на олухов молодчик расакался:
Нам Праволов давно знаком; а старый друг,
И по пословице, ведь лучше новых двух.
Не правда ль, миленькой? ась?

Кривосудов
Правда присносушна.
Но, кажется, к нему дочь очень равнодушна.

Ей что-то Праволов не понутру.

Фекла

Так что ж?

Так на нее смотреть? что стар он, не пригож,
Не финтоват, не враль, так дуре и не нравен;
Но ум его уж зрел и кошелек исправен,
Полюбятся они, как лет пять поживут.
Не так ли?

Кривосудов

Точно так. Что за сомненье тут?

Фекла

Ну! так оставивши пустые, вздорны бредни,
Пойдем; чтоб эдак нам не проболтать обедни.
Давно молебен уж я приказала петь.

Кривосудов

У чудотворной? Что ль?

Фекла

Туда нельзя поспеть:

Там барынь тьма старух, и дорого платящих.
Велела Фильке я отпеть у Всескорбящих.

Кривосудов

Да как-то весть господь и там успеть ему:
Я челобитчиков всегда видал там тьму.
(Уходят.)

...

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Наумыч и Архип вносят корзину с бутылками.

Архип (поставив корзину)

Тьфу, пропасть! как устал! я думал, надорвуся,
Покуда с ношей сей на лестницу вздеруся.
В высоких так домах, на пагубу людей,
Сам чорт, зная, научил проклятых жить судьей
И выдумал для них таки крутые крыльца.
Схватясь, чтоб не упасть, я вырвал два перильца.
Ну, барина пока судьи пооберут,
Проклятые, меня безвинно надорвут.
Уж лучше б в яме жить пиявкам сим годилось:
Что б с улицы пустил, само бы к ним вкатилось.

Наумыч

Ну, что ты вопишь, брат? о чем твоя тоска?
О, если б стряпчим был ты хотя полгода,
То б, верно, проклинать не стал твою судьбину.
Когда б был принужден нагнуть сто раз в день спину;
Верст тридцать обежать по городу пешком
В дождь, слякоть иль мороз и зной бумаг с мешком;
Пред солнцем на поклон не опоздать до члена;
Ждать часик у ворот, хоть грязь и по колена;
И как ни гнали б прочь, а доступ получить;
Указов наизусть сто сотен затвердить;
Иль просидеть с пером тут ночи без засыпу,
А до удушья там в архивну врыться кипу;
Того ласкать, кого душой нельзя терпеть;
От всякого сносить, ко всякому поспеть;
А что несноснее: так целы дни поститься,

И всех перепоить, а самому трезвиться!
Со всем тем, после всех докук, трудов, хлопот,
Как дело иногда бывает в черный год,
В непользу барина свихнется сатаною,
То придет тут еще отдуться и спиною.
Вот жизнь! так ты, мой друг, Архипушка, молчи;
Поди и около теленков хлопочи.

Архип уходит.

ЯВЛЕНИЕ II

Анна и Наумыч, расставляя бутылки.

Анна

Ну! как же тянут там!

(Увидя вино и корзину.)

Да ба! и это ново!

Вино к десерту, знать, иль полднику готово.

(К Наумычу.)

А вы зачем?

Наумыч

Зачем, не спрашивай; а с чем!

Запасец этот я своим принес плечем.

Зато меня, когда б была не столько люта,

Ты подарить должна, бесценная Анюта!

Анна

Мне нечем подарить.

Наумыч

Хоть малый поцалуй.

Анна

ТЬфу! эдакой наглец!

Наумыч

Пожалуй же не плюй

В колодезь: может быть, испить ведь доведется.

(Хочет ее обнять.)

Анна (отпихивая его)

Поди же, отвяжись.

Наумыч

Ну! кто слегка так бьется?

Коли ж скупись ты... так я тебе дарю...

(Хочет ее побаловать.)

Анна (поцаловав свою руку, дает ему оплешину)

Ин, вот мой поцалуй тебе.

Наумыч

Благодарю.

ЯВЛЕНИЕ III

Фекла, Анна и Наумыч.

Фекла (входя, видит, как Анна

Наумычу оплешину дала.)

Что вижу, дерзкая! Кто больно так дерется?

Анна

Да он, сударыня, не ведь куда несется...

За вашу же я честь, – не вытерпя, – с сердца...
Чтоб он с переднего не заходил крыльца
С подарками.

(Указывая на бутылки)

Наумыч (к Фекле)
Теперь ее измеря пяди,
Я буду заходить, сударыня, уж сзади.

Фекла (к Анне)
Но, дура! не давай ты воли-та рукам.
(к Наумычу)
А ты, мой милый друг, Наумыч, ведь и впрям,
Что прямо лезешь так, то делаешь не гоже;
Иному с стороны покажется похоже
На нечто странное, и весть господь на что!
(Между этим Анна ставит столик с картами.)
Спасибо; но поди, чтоб не увидел кто.
Как из-за столика они десертна встанут
И на простор сюда гуртом уж все нагрянут,
То приходи и ты.

Наумыч уходит.

Фекла (к Анне)
А ты поторопися.
Стулья для гостей расставь: вот оглянися,
Все идут.

Анна (в сторону)
Пьяные.

Фекла (услышав и замахнувшись на Анну)
Знать, хочешь ты румян?

ЯВЛЕНИЕ IV

Фекла, София, Анна, Кривосудов, Праволов, Бульбулькин, Атуев, Радбын, Паролькин, Хватайко, Кохтин, Наумыч, выходят все полупьяные.

Хватайко
Ну, стол, уж прямо стол! – Всё вместе: сыт и пьян.

Паролькин
Десерт!

Бульбулькин
Напиточки!

Атуев
Откудова что взято!

Кривосудов
Нет; что-то повар наш сегодня плоховато...

Фекла
Немного запился.

Бульбулькин
Да празднику кто рад,
Тот до света уж пьян.
(К Хватайку.)

А что? не правда ль, брат?

Хватайко

Пословица не лжет.

Праволов

А тот, кто время тратит,

Она ж ведь говорит, что дорого заплатит.

Хватайко

К чему словцо?

Праволов (указывая на карты)

К тому, что множество червей

В колодах сих давно свободы ждут своей.

Паролькин (к Кривосудову)

Он прав: пора пустить их по зеленому полю.

Ну, прокурор! реши колодничью неволю;

Тебе вступиться долг.

Кривосудов

Изволь, мой друг, изволь!

Кто как?

Праволов (раздает карты)

Мы наберем; я с вами в рокамболь,

Советник в помощь вам.

(Указывая на Бульбулькина, который берет карту).

Паролькин

А кто ж в заповедную?
Я банка не мечу.

Праволов
Добро; и вас обдую:
Я делаю вам банк. Наумыч! ты мечи;
(Дает ему ассигнации.)
Да знаешь, пяль глаза и всячески щечи.

Фекла
А кто ж со мной в пикет?

Праволов
Сударыня, простите;
Вы нашу партию ведь окончать хотите.
Я к вам.
(Кривосудову.)
А за себя, чтоб вас не разлучить,
Позвольте моего мне друга посадить.
(Указывая на Кохтина.)

Кривосудов
По мне вы как хотя.

Бульбулькин
А я и рад размену.

Кривосудов
Какую ж нашей мы игре поставим цену?

Праволов
Я по пяти рублей; а меньше николи.

(К Кохтину.)

Садись, мой друг, но лишь, пожалуй, не соли.

Бульбулькин

Да годовой оклад с нас эдак сбрить изволишь
В три пули, ежели да нам не помирволишь.

Кривосудов

Не горячись: а то и впрям как раз бобыль.

Бульбулькин

Я рад бы; но когда пожалует шпадиль;
Она не документ: не выбросишь из дела.

Все садятся; посредине в ломбер играющие. На одной
стороне Фекла с Праволовым, а на другой играющие в банк.
Близ Феклы на канапе София, которая потом, сыскав тут
книжку, читает.

Наумыч

Да что же на столе наличного нет мела?

Хватайко

А много ль в банке-та наличных?

Наумыч

Сотни три.

Праволов

Наумыч, не ударь ты в грязь лицом, смотри!

Паролькин

Как ни смотри, ни зги в два талии не взвидит.

Атуев

А я боюсь, что он вельми нас всех обидит.

Хватайко

Снимайте: полно вам пороть-та дребедень.

Фекла

А мы постарине? по четверце поэнь?

Праволов

Когда угодно вам.

Фекла

И также все с рефетом?

Праволов

На что, сударыня, и спрашивать об этом.

Кривосудов

Жена, рефетом ты не замори гостей.

Фекла

Ах! кстати ль! – Софьюшка! ну! встань, почародей

И пуншик изготовь.

София

Ай, я ведь не умею.

Фекла

Какая ты и впрям!

(К Анне.)

А ты что пялишь шею?

Ну, двинься же хоть ты.

Хватайко

Нет, дама не везет.

Так атанде; авось мне вывезет валет.

Тьфу пропасть! соника: и этот вон из кона!

Кривосудов

Вот штраф за то, что ты идешь против закона,

И в запрещенную игру...

Хватайко

Да, видно, нам

В нее играть судьба, с поры той, как Адам

В нее наследное все проиграл именье.

Бульбулькин

Ха, ха, ха, экой вздор! какое заключенье!

Вот в мнения твоих всегда подобный вздор.

Ты предлагаешь нам, почтенный прокурор!

Ну, от кого, скажи, наследие Адаму?

Хватайко

Да от кого-нибудь, а надобно ж...

Паролькин

Тьфу! даму

Я, слушая ваш вздор, как олух, прозевал.

Праволов

Позвольте, чтобы я за прокурора стал.
И я готов теперь представить вам уroda,
Который без отца, без племени, без рода,
Наследие берет: а именно таков
Точь-в-точь соперник мой, молодчик Прямиков.

Бульбулькин

Ну! докажи же нам; то быть так, всем собором
Пожалуем тебя мы нашим прокурором.

Атуев (вполголоса)

Эк он объехал след!

Паролькин (вполголоса)

Ей-ей, не без ума.

Хватайко (вполголоса)

Великий тут скачок, хоть линия пряма!

Радбын (вполголоса)

От Пря-Прямико-кова до-до Ада-дама?

Паролькин

Насилу наконец мне выиграла дама.

Праволов (оборачивается к ним, а между тем
Фекла подбирает карты)

Охотно; и на ваш я посылаюсь суд.
Покойный Прямиков, и нет сомненья тут,
Имел лишь одного во всю свою жизнь сына,
Которого уж нет: скоро была кончина.

Где точно умер он, вам не могу сказать;
Сколь ни желал, о том не мог узнать.
Но эвался он Федот; так вписан в родословной,
И даже у отца так назван и в духовной.
Сей, напротив того, зовется уж Богдан;
И так вы видите, что явный тут обман:
И что чрез хищное, несправедное средство,
Федотово к себе Богдан прибрал наследство.

Наумыч (Хватайку)

Вы лишний уголок...

Бульбулькин (Праволону)

Прямой ты прокурор!

Отдать я должен честь.

Хватайко (Бульбулькину)

Кто я? Да я не вор.

Бульбулькин (Хватайку)

Льнет разве и к тебе?

Хватайко

Не гну и пальца даром.

Наумыч (Хватайку)

Берете шутку вы с таким, как правду, жаром.

Радбын

Ра-разве Бо-Богдан не-не Фе-Фе-Федот?

Атуев

Ты видишь, тут сбылось: Федот-де, да не тот.

...

az.lib.ru/k/kapnist_w_w/text_0090.shtml

Александр Онисимович Аблесимов

(1742–1783)

Сатира имеет в русской литературе XVIII века прочное место, это мы уже знаем. Традиционным жанром, который изобличает человеческие пороки, является басня. Однако, Аблесимов не единственный писатель, который уделяет внимание именно басне – вы сможете назвать других писателей-баснописцев XVIII века?

Комическая опера была во второй половине XVIII века довольно популярным жанром, вписывающимся в русло «демократической литературы». Попробуйте определить и характеристику данного слоя зрителей, и жанра комической оперы.

Басни

ДВОРЯНКА В КУПЧИХАХ

Чиновного отца дочь, девка-сирота,
По бедности купцом в супружество взята:
 Купецкой став молодкой,
Другою начала ходить походкой!
 Во девушках она
 Не кушала вина
 И презирала водку.
Одну имела лишь охотку:
 Почасту кушать чай!
 Читатель, примечай:
 Придвинувшись к купчищу.
 Придвинулась к винищу
 И к крепкому пивищу.
Пустилась в чарку нос частехонько втыкать.
 Привыкла куликать...
И ныне уже пьет она с охоткой
 Поутру тот же чай;
 Но пьет его уж с водкой...
 Читатель, примечай:
Плотненько ежель кто вокруг кого потрется
Иль с кем дружненько поведется
Ума и разума того и наберется.

КУПЧИХА ВО ДВОРЯНКАХ

Купеческая дочка,
На возрасте девочка,
Смазливенька лицом,
В замужестве быть никак не мнила за купцом...
Отец ее имел достаточек свободный;
Так ей желалось быть, конечно, благородной!
Не стало дело в том,
Старуха шасть к ним в дом!
Невесте роспись в руки,
И ей за женихов сама бралась в поруки...
Старик свое дитя,
Утешить захотя,
Не размышляя более,
Желая следовать во всем дочерней воле:
Заметил женишка в сей росписи с чинком,
Которого отец ему бывал знаком...
Откладывая сего вдаль дела не хотели,
Условились: жених, на смотр явясь,
Невесте полюбясь,
Ударив по рукам... подружки песни пели;
Потом и свадебку немедленно свертели.
Причина скорости такой сия была:
Невесте честь мила...
Жених же выгоды свои, напротив, числил;
Он состояние свое поправить мыслил:
Деревню чтоб купя, иметь с нее доход...
Но сказан вдруг ему нечаянный поход!
Пришло супружнику с супругой расставаться;
Однако ж не забыл он к денежкам прибратся
И, нагрянувшись всем, сел на воз как-нибудь,

Да и отправился в свой путь...

Осталась молодая,

Об муже потужа

И всю потом печаль на радость проложа...

Затейливостей тех своих не покидая,

Какие в девушках приятны были ей,

На воле став своей,

Приданое она довольное имея;

Но как себя вести, того не разумея,

Не в зрелом возрасте она еще была, -

По-новомодному во всем себя вела:

Уборы и наряды

Брала всегда без ряды.

Сначала чистые платила рубельки;

А после начала давать и вексельки,

Лишь только чтобы ей со вкусом нарядиться...

Не слушалась ни в чем родимого отца,

Не знала, как себе уставить и лица!

И вздумала гордиться

Перед купчихами, их стала презирать,

Пустилась картами исправно козырять!..

Убит в походе муж, супружница осталась...

Родня ей новая немедленно сыскалась:

Кто кум, кто сват, кто брат...

Недолго ж это длилось,

Повсюду вексельков довольно расплодилось;

Голубушку сию стащили в _магистрат_.

Отец хоть выкупил ее из сей неволи,

Но уж восстановить не мог ей прежней доли.

Купец при свадьбе щедренько поступил:
За дочерью он все именье укрепил,
Сам чистым чист остался
И после только чуть не по миру скитался.

ПРИКАЗНАЯ УЛОВКА

Читал печатное, не помню, где-то я

А повесть вот сия:

Когда б подъячих мы не сами баловали

И повод им к тому не сами подавали,

Они б не плутовали,

Они б не воровали,

И в век свой в сем грехе они бы не бывали...

А я скажу на то:

Вы спросите... а что?

Не пременю я слова,

Рассказка вот готова:

Кто в свете жив, нельзя порока избежать,

Или болтливому рот накрепко зажать,

Или ленивому к наукам прилежать,

Так точно всякого подъячего от взяток

Не можно вовсе удержать...

Прибыток сей им сладок,

А путь к нему так гладок;

Хоть с первых дней указ подъячих испужал,

Да брать им за труды никак не удержал!

Приказный выдумал тотчас такие хватки:

Как брать тайком им взятки.

Дабы просильщикам о том не докучать,

А прибыль получать

Подъячески головки

Легко изобретут надежные уловки,

И вот что вымыслил писец: его возьми

В свою просильщик норку,

Напой и накорми;

Потом в нехитрую игорку,

Что вычислил писец с просильщика содрать,
То должно тут ему, конечно, проиграть...

И в этом,

Что взятки не берут, клянутся белым светом.

Я здесь про них сказал лишь только что вершки:

А в их казну рублей скопляются мешки.

az.lib.ru/a/ablesimow_a_o/text_0040.shtml

МЕЛЬНИК – КОЛДУН, ОБМАНЩИК И СВАТ

Комическая опера в трех действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Анкудин, крестьянин.

Фетинья, жена его.

Анюта, дочь их.

Филимон, жених Анюты.

Фаддей, мельник, колдун, обманщик и сват.

Несколько подруг Анюты.

Действие в деревне.

ДЕЙСТВИЕ 1

Театр представляет с одной стороны лес, вдали по холмам малые деревеньки, а с другой стороны – мельницу и при ней телеги с мешками. Наперед ж всего дерево.

ЯВЛЕНИЕ 1

Мельник (один).

Мельник (стругая доску, поет только тон песни без речей и музыки, потом говорит). Какая бишь это песня?.. Да: „Как вечер у нас с полуночи...“ Так... (Зачинает петь на этот тон песню, продолжая сам свою работу.)

Как вечер у нас с полуночи,

Со полуночи до бела света...

Какой проливной бола пошел дождик, да перестал скоро.
(Так же поет и продолжает работу.)

На заре-то было да на утренней,
На закате ведь светлого месяца...

Ну уж был ветер! то-то, слышь ты, дул сильно, что чуть бола и мельницу-та мою совсем не спрорухил, в пень бы я стал, да спасибо! хоть исковеркал, да немного; а хоть и немного, да наделал дела. (Приноравливает доску.) Ну, будет ладно, пойдет опять заново. (Подошел к оркестру.) Смешно, право, как я вздумаю: говорят, будто мельница без колдуна стоять не может, и уж-де мельник всякой не прост – они-де знают с домовыми, а домовые-то у них на мельнице как черти ворочают... Ха! ха! ха!.. какой сумбур мелют? А я, кажется, сам коренной мельник: родился, вырос и состарился на мельнице, а ни одного домового сроду в глаза не видывал. А коли молвить правду-матку, то кто смышлен и горазд обманывать, так вот и нее колдовство тут... Да пускай что хотят, они, то и бредят, а мы наживаем этим ремеслом себе хлебец.

Кто умеет жить обманом,
Все зовут того цыганом;
А цыганскою ухваткой
Прослывешь, колдун, угадкой.
И колдовки-колотовки
Те жа делают уловки.
Много всякого есть сброду:
Наговаривают воду,
Решетом вертят мирянам
И живут таким обманом.

Как и аз грешный!..

ЯВЛЕНИЕ 2

Филимон и прежний.

Мельник (его увидя). А!.. это ко мне гость. На сей день будет поживка.

(К Филимону.) Путь-дорога доброму молодцу!

Филимон. Челом бью, старинушка.

Мельник. Издалеча ль бредешь, куда путь держишь?..

Филимон. Не пуще дальнее дело.

Мельник. Да волею или неволею?

Филимон. Коней ищущу: савраско да гнедко вдвоем куда-то запропастились; а кони-та, кони-та какие добрые были. (Особливо.) Это он-та ворожейка: попытаюсь у него поколдоваться. (К Мельнику.) Что, старинушка, хочу спросить тебя...

Мельник. О чем поволишь? Изволь-ста, мы ваши работники.

Филимон. Доброе дело... и мы вам плательщики... Итак, поворожи мне: найдутся ли мои кони?

Мельник. Найдутся ли кони?..

Филимон. Так, старинушка; мне об них очень хочется сведать.

Мельник. А вот эдак, например, как будет ли от тебя что? (Подставляет руку.)

Филимон. Наперед угадай, дедушка, а там мы посмотрим.

Мельник (отворачивается, сердится и zaczynaет петь).

Угадать,

Не устать;

Да как дело плоховато,

Так и платят торовато.

Филимон. Да я тебе, старинушка, плательщик буду.

Мельник.

На посуле,
Как на стуле,
Посидя да не поешь,
Так живот не будет свеж.

Филимон. Ни из чего не солгу, поверь, пожалуй...
Мельник.

В тот черед,
Наперед
Эти басни не под нужу,
Вынь-ка мошну-та наружу,
И пустого не болтай,
Да нам денежки считай.
(Подставляет руку, смотря ему в глаза.)

Филимон. Ну, коли так, изволь, пожалуй: мы вам и наперед
дадим посильно место копеек.

Мельник. Это только-та?

Филимон. Будет покамест: чего больше?

Мельник (особо). Ладно, ты без полтинника-та от меня не
отъедешь.

Филимон. Что ж ты мне скажешь?

Мельник. А как теперь на дворе – рано?

Филимон. Не больно еще поздно, и сонце за лес не село.

Мельник. Перевернись жа три раза по сонцу.

Филимон. Что бы так?

Мельник. Что бы так!.. в ворожбе это нада... Ну, делай что
велят!..

Филимон. Во твою угоду мы и повернемся. (Вертится один
раз.)

Мельник. Еще против сонца.

Филимон (вертясь). Ещo-таки и против сонца.

Мельник. Теперь стань вот к этому дереву. (Филимон хочет иттить, а мельник говорит.) Нет, нет, постой... есть ли у тебя плат?

Филимон (вынимает платок). Есть вот.

Мельник. Зажми жа глаза плотно... завяжи платом крепче... еще крепче... Ну! ладно... теперь слушай жа: стой да нишкни, с места не двигайся и никому не аукайся, а я пойду к старшому...

Филимон (исполняя все, что только мельник ему ни приказывал). А буде кто без тебя ко мне придет и станет меня спрашивать: зачем-де ты стоишь так, добрый молодец, ясные твои очи завязаны?..

Мельник. Ни с кем ни словечка, а ворчи, коли хочешь, про себя.

Филимон. А песню спеть в потребу ли будет?

Мельник. Всполошишь всех, не нада.

Филимон (про себя). Эдакая причина!

Мельник. Стой же плотно.

Филимон. Ин добро быть так.

Мельник, отходя от Филимона, примечает его движения; а он покушается глаза немного открыть. Мельник, воротясь, подходит крадучись и говорит, с сердцем.

Мельник. Тють!.. тють!.. что ты это чудесишь?.. этакой рахманной, ведь испужаешься... (Взяв его за руку.) Поди за мною... стой, ухватись вот за это дерево. (Потом очерчивает его мелом.) Ну, стой жа, слышь ли ты, плотно, не трожься и за черту ни ногою, а то быть худу... (Отходит.)

ЯВЛЕНИЕ 3

Филимон (один).

Филимон (приклоняя голову в ту сторону, куда мельник ушел, слушает). Слышится, колдун ушел... так, ушел теперь. Что-та он мне скажет?.. Ну, да что ни будет, то будет!.. (Открывает немного глаза.) Да... нет... уж меня, ничего не видя, от страху как будто мороз по коже подирает... Что ж мне делать? ничего иного, как орать что есть мочи... Нет! стану курныкать помаленьку, только чтоб не так страшно мне было.

Не тронемся, не ворохнемся,
Не кликнемся, не аукнемся;
Спою песню; да какую ж я спою?..
А! любиму свою...

Музыка зачинает в это время, как Филимон готовится петь.

ЯВЛЕНИЕ 4

Мельник и прежний.

Мельник выносит жернова, ставит их у мельницы.

Филимон (продолжает петь на голос: „Как ходил, гулял молодчик..“).

Вот спою какую песню:
Ходил молодец на Пресню,
 Под вечерок,
 Путь недалек.
Ходил молодец на Пресню
Из Сесвяцкова села,
 Под вечерок,
 Путь недалек.
Из Сесвяцкова села,
Красна девка там жила,
 Девка душа

Там хороша,
Красна девка там жила,
Молодца с ума свела.

Мельник вертит жерновом и сим делает шум; а Филимон,
продолжая петь, пугается.

Девка... ду... ша
Там... хо... ро... ша..
(Оканчивает диким голосом.)

Мельник. Расступись, вода!.. Растворись, мельница!.. Явись
ко мне, седой демон!..

(Вертит опять жерновом сильнее и производит шум.)

Филимон (дрожит). Чур меня!.. чур меня!.. с нами
невидимая сила...

Мельник (подбегая к Филимону). Ухватись, ухватись за
дерево плотнее.

Филимон, хватаясь за дерево, и сам дрожит.

Мельник (обходя его кругом). Будут кони?.. Будут кони?..
Таки будут?.. (Сипо ватым голосом.) Нет, не будут. (Об-
ходит другой раз.) Придут кони?.. Таки придут ли ко-
ни?.. (Также сиповато.) Нет, не придут... Что за дьяволь-
щина! (Обходит третий раз.) Найдутся ли кони?.. Да
найдутся ли кони?.. (Притворным голосом с сердцем.)
Хоть найдутся, да не скоро... (Своим голосом.) Исчезни
ж, окаянной! (Сам подбегает опять к жернову и вертит
оное.

Потом, подошед к Филимону.) Теперь поди сюда, развяжи

глаза и не бойся ничего. Филимон (развязав глаза). У!..
(Дрожа поет.)

О ты, дедушка Фаддей!
И ты сильный ворожища!
Ты могучий чародей.

Мельник.

Кабы ковш теперь пиваща:
Я в него бы поглядел,
То наделал бы уж дел.

Филимон.

Ты нам, дедушка, помога,
У кого кручины много.

Мельник (особо).

Я тем, детушки, помога,
У кого есть денег много.

Филимон. Ты нам, дедушка, помога |
Мельник. Я вам, детушки, помога, | (Вместе.)
Филимон. У кого кручины много. |
Мельник. У кого есть денег много. | (Вместе.)
Филимон. Итак, дедушка, пропали мои кони?..
Мельник (поет).

Я вам, детушки, помога,
У кого есть денег много.

Филимон. Что ж ты мне скажешь?

Мельник (еще поет).

Я вам, детушки, помога,
У кого есть денег много.

Филимон. Да вот, пожалуй, я и еще дам тебе денег, только отгадай мне. (Дает ему денег.)

Мельник (заикаясь). А!.. а кармливал ты их овсом?

Филимон. О! нет, они сроду зерна не видали.

Мельник. Ну, так век не найдутся...

Филимон. Этакое мое горе!

Мельник. Постой еще... подай-ка мне свою руку! (Филимон жмет руку, а мельник водит по ладони пальцем.) Так, в твоей руке их нету; только корысть будет, лихих людей переможешь; а на сердце кручина пала...

Филимон (особливо). Как сказали об нем, так и подлинно, что он все подноготное узнавает!

Мельник. Погляди-тка сюда пряменько!.. Что-та есть у тебя на мысли?..

Филимон. Ох! старинушка, есть... да боюсь молвить.

Мельник. Небось, небось, поведай мне свою крепкую думу, авось-либо в чем и пособить можно.

Филимон. Нет, дедушка, кажется, несбыточное дело, и статься-та этому не можно.

Мельник. Не болтай пустого.

Филимон (поет на голос: „Западала путь-дороженька моя...“).

Я поведаю тоску-печаль ему:
Отчего так больно сердцу моему,
Ведь он сильной ворожища
И мне стался быть дружища,
Так я думушку свою
Перед ним не потаю...

Мельник. Не утай, не утай ничего, а мы посмотрим, как пособить будет можно.

Филимон. Ну, ин быть так, правду молвить: я приобрёл бола к тебе кручину свою размыкать; придумай, пригадай

мне, я задумал, доброй молодец, жениться и пришла мне одна красная девица по обычью; да вот беда моя! отец и мать ее друг с другом не согласны: старухе как-то исстари случилось быть дворянского отродья, а выдана в крестьянство поневоле; старикат ведь и хочет дочку выдать за детину-хлебопашца, а старуха-хлопотунья за дворянского сыночка... и за то-та муж с женою и хлопочут.

Мельник. О! о! это плевое дело; я смекнул, как быть этому: девка будет наша! Что за работу?

Филимон. Четверть доброй ржи старинушке челом бью.

Мельник. Ну-тка по рукам... ладно!.. (Поет на голос: „Вы реченьки, реченьки...“)

Не кручинься, молодец,
Горю сделаем конец,
Назову тебя я братом
И пойду к невесте сватом,
Ты об этом не тужи,
Припасай лишь четверть ржи.

Филимон.

О том, дедушка, ни слова,
Будет рожь тебе готова;
О дарах ты не тужи,
Делом сам лишь не держи.

Мельник.

Я тебе жену добуду,
Иль я мельник ввек не буду!..

Филимон.

Чудеса ты все творишь,
Как рублем меня даришь.

Мельник.

Мы пойдем приготовляться,
Как с невестой повидаться.

Филимон.

Пойдем к делу поспешать.

Мельник.

Пойдем свадьбу затевать.

Оба.

А чтоб быть нам посмелея
И приттить повеселея,
Так зайдем мы в кабачок:
Тяпнем там винца крючок.

...

az.lib.ru/a/ablesimow_a_o/text_0030-1.shtml

Денис Иванович Фонвизин

(1744–1792)

Фонвизин – писатель, произведения которого по резкости сатиры можно считать действительно мастером этого жанра. Его произведения принадлежат к лучшему из того, что в литературе этого времени показывало несостоятельность крепостного права и галломании.

Найдите, что такое галломания и откуда она берется.

При Екатерине II (1729–1796) произошло крестьянское восстание, во многом определившее способ, которым императрица владела Россией. Определите, когда это восстание проходило. Кто стоял во главе восстания? Стоит напомнить о том, что это восстание стало одной из тем произведения А. С. Пушкина «Капитанская дочка»...

НЕДОРΟΣЬ.

Комедия в пяти действиях

Действующие лица:

Простаков.

Гж.* Простакова, жена его.

Митрофан, сын их, недоросль.**

Еремеевна, мама*** Митрофанова.

Правдин.

Стародум.

Софья, племянница Стародума.

Милон.

Г-н Скотинин, брат гж. Простаковой.

Кутейкин, семинарист.

Цыфиркин, отставной сержант.

Вральман, учитель.

Тришка, портной.

Слуга Простакова.

Камердинер Стародума.

Действие в деревне Простаковых.

* Гж. – сокращенное написание слова „госпожа“. В дальнейшем принято более употребительное сокращение – г-жа.

** Так официально назывались дворяне, преимущественно молодые, не получившие документа об образовании и не поступившие на службу. Вместе с тем слово „недоросль“ обозначало любого дворянина, не достигшего совершеннолетия.

*** Мама, то есть кормилица.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Простакова, Митрофан, Еремеевна

Г-жа Простакова (осматривая кафтан на Митрофане). Кафтан весь испорчен. Еремеевна, введи сюда мошенника Тришку. (Еремеевна отходит.) Он, вор, везде его обузил. Митрофанушка, друг мой, я чаю, тебя жмет до смерти. Позови сюда отца.

Митрофан отходит.

ЯВЛЕНИЕ II

Г-жа Простакова, Еремеевна, Тришка

Г-жа Простакова (Тришке). А ты, скот, подойди поближе. Не говорила ль я тебе, воровская харя, чтоб ты кафтан пустил шире. Дитя, первое, растет, другое, дитя и без узкого кафтана деликатного сложения. Скажи, болван, чем ты оправдаешься?

Тришка. Да ведь я, сударыня, учился самоучкой. Я тогда же вам докладывал: ну да извольте отдавать портному.

Г-жа Простакова. Так разве необходимо надобно быть портным, чтобы уметь сшить кафтан хорошенько. Экое скотское рассуждение!

Тришка. Да ведь портной-то учился, сударыня, а я нет.

Г-жа Простакова. Еще он же и спорит. Портной учился у другого, другой у третьего, да первоет портной у кого же учился? Говори, скот.

Тришка. Да первоет портной, может быть, шил хуже и моего.

Митрофан (вбегаёт). Звал батюшку. Изволил сказать: тотчас.

Г-жа Простакова. Так поди же вытащи его, коли добром не дозовешься.

Митрофан. Да вот и батюшка.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Простаков

Г-жа Простакова. Что, что ты от меня прятаться изволишь? Вот, сударь, до чего я дожила с твоим потворством. Какова сыну обновка к дядину сговору? Каков кафтанец Тришка сшить изволил?

Простаков (от робости запинаясь). Ме... мешковат немного.

Г-жа Простакова. Сам ты мешковат, умная голова.

Простаков. Да я думал, матушка, что тебе так кажется.

Г-жа Простакова. А ты сам разве ослеп?

Простаков. При твоих глазах мои ничего не видят.

Г-жа Простакова. Вот каким муженьком наградил меня господь: не смыслит сам разобрать, что широко, что узко.

Простаков. В этом я тебе, матушка, и верил, и верю.

Г-жа Простакова. Так верь же и тому, что я холопям потакать не намерена. Поди, сударь, и теперь же накажи...

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Скотинин

Скотинин. Кого? за что? В день моего сговора! Я прошу тебя, сестрица, для такого праздника отложить наказание до завтра; а завтра, коль изволишь, я и сам охотно помогу. Не будь я Тарас Скотинин, если у меня не всякая вина виновата. У меня в этом, сестрица, один обычай с тобою. Да за что ж ты так прогневалась?

Г-жа Простакова. Да вот, братец, на твои глаза пошлюсь. Митрофанушка, подойди сюда. Мешковат ли этот кафтан?

Скотинин. Нет.

Простаков. Да я и сам уже вижу, матушка, что он узок.

Скотинин. Я и этого не вижу. Кафтанец, брат, сшит изряднехонько.

Г-жа Простакова (Тришке). Выйди вон, скот. (Еремеевне.) Поди ж, Еремеевна, дай позавтракать ребенку. Ведь, я чаю, скоро и учителя придут.

Еремеевна. Он уже и так, матушка, пять булочек скушать изволил.

Г-жа Простакова. Так тебе жаль шестой, bestия? Вот какое усердие! Изволь смотреть.

Еремеевна. Да во здравие, матушка. Я ведь сказала это для Митрофана же Терентьевича. Протосковал до самого утра.

Г-жа Простакова. Ах, мати божия! Что с тобою сделалось, Митрофанушка?

Митрофан. Так, матушка. Вчера после ужина схватило.

Скотинин. Да, видно, брат, поужинал ты плотно.

Митрофан. А я, дядюшка, почти и вовсе не ужинал.

Простаков. Помнится, друг мой, ты что-то скушать изволил.

Митрофан. Да что! Солонины ломтика три, да подовых, не помню, пять, не помню, шесть.

Еремеевна. Ночью то и дело испить просил. Квасу целый кувшинец выкушать изволил.

Митрофан. И теперь как шальной хожу. Ночь всю такая дрянь в глаза лезла.

Г-жа Простакова. Какая ж дрянь, Митрофанушка?

Митрофан. Да то ты, матушка, то батюшка.

Г-жа Простакова. Как же это?

Митрофан. Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь бить батюшку.

Простаков (в сторону). Ну! беда моя! сон в руку!

Митрофан (разнежась). Так мне и жаль стало.

Г-жа Простакова (с досадою). Кого, Митрофанушка?

Митрофан. Тебя, матушка: ты так устала, колотя батюшку.

Г-жа Простакова. Обойми меня, друг мой сердечный! Вот сынок, одно мое утешение.

Скотинин. Ну, Митрофанушка! Ты, я вижу, матушкин сынок, а не батюшкин.

Простаков. По крайней мере я люблю его, как надлежит родителю, то-то умное дитя, то-то разумное, забавник, затейник; иногда я от него вне себя, от радости сам истинно не верю, что он мой сын, Скотинин. Только теперь забавник наш стоит что-то нахмурься.

Г-жа Простакова. Уж не послать ли за доктором в город?

Митрофан. Нет, нет, матушка. Я уж лучше сам выздоровлю.

Побегу-тка теперь на голубятню, так авось либо...

Г-жа Простакова. Так авось либо господь милостив. Поди, порезвись, Митрофанушка.

Митрофан с Еремеевной отходят.

ЯВЛЕНИЕ V

Г-жа Простакова, Простаков, Скотинин

Скотинин. Что ж я не вижу моей невесты? Где она? Ввечеру быть уже сговору, так не пора ли ей сказать, что выдают ее замуж?

Г-жа Простакова. Успеет, братец. Если ей это сказать прежде времени, то она может еще подумать, что мы ей докладываемся. Хотя по муже, однако, я ей свойственница; а я люблю, чтоб и чужие меня слушали.

Простаков (Скотинину). Правду сказать, мы поступили с Софьюшкой, как с сущою сироткой. После отца осталась она младенцем. Тому с полгода, как ее матушке, а моей сватьюшке, сделался удар...

Г-жа Простакова (показывает, будто крестит сердце). С нами сила крестная.

Простаков. От которого она и на тот свет пошла. Дядюшка ее, г. Стародум, поехал в Сибирь; а как несколько уже лет не было о нем ни слуху, ни вести, то мы и считаем его покойником. Мы, видя, что она осталась одна, взяли ее в нашу деревеньку и надзираем над ее именем, как над своим.

Г-жа Простакова. Что ты сегодня так разоврался, мой батюшка? Еще братец может подумать, что мы для интересу ее к себе взяли.

Простаков. Ну как, матушка, ему это подумать? Ведь Софьюшкино недвижимое имение нам к себе придвинуть не можно.

Скотинин. А движимое хотя и выдвинуто, я не челобитчик.хлопотать я не люблю, да и боюсь. Сколько меня соседи ни обижали, сколько убытку ни делали, я ни на кого не бил челом, а всякий убыток, чем за ним ходить, сдери с своих же крестьян, так и концы в воду.

Простаков. То правда, братец: весь околоток говорит, что ты мастерски оброк собираешь.

Г-жа Простакова. Хотя бы ты нас поучил, братец батюшка; а мы никак не умеем. С тех пор, как все, что у крестьян ни было, мы отобрали, ничего уже содрать не можем. Такая беда!

Скотинин. Изволь, сестрица, поучу вас, поучу, лишь жените меня на Софьюшке.

Г-жа Простакова. Неужели тебе эта девчонка так понравилась?

Скотинин. Нет, мне нравится не девчонка.

Простаков. Так по соседству ее деревеньки?

Скотинин. И не деревеньки, а то, что в деревеньках-то ее водится и до чего моя смертная охота.

Г-жа Простакова. До чего же, братец?

Скотинин. Люблю свиней, сестрица, а у нас в околотке такие крупные свиньи, что нет из них ни одной, которая, став на задни ноги, не была бы выше каждого из нас целой головою.

Простаков. Странное дело, братец, как родня на родню походить может! Митрофанушка наш весь в дядю – и он до свиней сызмала такой же охотник, как и ты. Как был еще трех лет, так, бывало, увидя свинку, задрожит от радости.

Скотинин. Это подлинно диковинка! Ну пусть, братец, Митрофан любит свиней для того, что он мой племянник. Тут есть какое-нибудь сходство; да от чего же я к свиньям так сильно пристрастился?

Простаков. И тут есть же какое-нибудь сходство. Я так рассуждаю.

ЯВЛЕНИЕ VI

Те же и Софья.

Софья вошла, держа письмо в руках и имея веселый вид.

Г-жа Простакова (Софье). Что так весела, матушка, чему обрадовалась?

Софья. Я получила сейчас радостное известие. Дядюшка, о котором столь долго мы ничего не знали, которого я люблю и почитаю, как отца моего, на сих днях в Москву приехал. Вот письмо, которое я от него теперь получила.

Г-жа Простакова (испугавшись, с злобою). Как! Стародум, твой дядюшка, жив! И ты изволишь затевать, что он воскрес! Вот изрядный вымысел!

Софья. Да он никогда не умирал.

Г-жа Простакова. Не умирал! А разве ему и умереть нельзя? Нет, сударыня, это твои вымыслы, чтоб дядюшкою своим нас застращать, чтоб мы дали тебе волю. Дядюшка-де человек умный; он, увидя меня в чужих руках, найдет способ меня выручить. Вот чему ты рада, сударыня; однако, пожалуй, не очень веселись; дядюшка твой, конечно, не воскресал.

Скотинин. Сестра! Ну, да коли не умирал?

Простаков. Избави боже, коли он не умирал!

Г-жа Простакова (к мужу). Как не умирал! Что ты бабушку путаешь? Разве ты не знаешь, что уж несколько лет от меня его и в памятках за упокой поминали? Неужто-таки и грешные-то мои молитвы не доходили! (К Софье.) Письмецо-то мне пожалуй. (Почти вырывает.) Я об заклад бьюсь, что оно какое-нибудь амурное. И догадываюсь, от кого. Это от того офицера, который искал на тебе жениться и за которого ты сама итти хотела. Да которая bestия без моего спросу отдает тебе письма! Я доберусь. Вот до чего дожили. К девушкам письма пишут! Девушки грамоте умеют!

Софья. Прочтите его сами, сударыня. Вы увидите, что ничего невиннее быть не может.

Г-жа Простакова. Прочтите его сами! Нет, сударыня, я, благодаря бога, не так воспитана. Я могу письма получать, а читать их всегда велю другому. (К мужу.) Читай.

Простаков (долго смотря). Мудрено.

Г-жа Простакова. И тебя, мой батюшка, видно, воспитывали, как красную девицу. Братец, причти, потрудись.

Скотинин. Я от роду ничего не читывал, сестрица! Бог меня избавил этой скуки.

Софья. Позвольте мне прочесть.

Г-жа Простакова. О, матушка! Знаю, что ты мастерица, да лих не очень тебе верю. Вот, я чаю, учитель Митрофанушкин скоро придет. Ему велю...

Скотинин. А уж зачали молодца учить грамоте?

Г-жа Простакова. Ах, батюшка братец! Уж года четыре как учится. Нечего, грех сказать, чтоб мы не старались воспитывать Митрофанушку. Троим учителям денежки платим. Для грамоты ходит к нему дьячок от Покрова, Кутейкин. Арихметике учит его, батюшка, один отставной сержант Цыфиркин. Оба они приходят сюда из города. Ведь от нас и город в трех верстах, батюшка. По-французски и всем наукам обучает его немец Адам Адамыч Вральман. Этому по триста рубликов на год. Сажаем за стол с собою. Белье его наши бабы моют. Куда надобно – лошадь. За столом стакан вина. На ночь сальная свеча, и парик направляет наш же Фомка даром. Правду сказать, и мы им довольны, батюшка бра-

тец. Он ребенка не неволит. Ведь, мой батюшка, пока Митрофанушка еще в недорослях, пота^[1] его и понежить а там лет через десяток, как войдет, избави боже, в службу, всего натерпится. Как кому счастье на роду написано, братец. Из нашей же фамилии Простаковых смотри-тка, на боку лежа, летят себе в чины.^[2] Чем же плоше их Митрофанушка? Ба! Да вот пожаловал кстати дорогой наш постоялец.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и Правдин

Г-жа Простакова. Братец, друг мой! Рекомендую вам дорогого гостя нашего, господина Правдина; а вам, государь мой, рекомендую брата моего.

Правдин. Радуюсь, сделав ваше знакомство.

Скотинин. Хорошо, государь мой! а как по фамилии? Я не дослышал.

Правдин. Я называюсь Правдин, чтобы вы дослышали.

Скотинин. Какой уроженец, государь мой, где деревеньки?

Правдин. Я родился в Москве, ежели вам то знать надобно, а деревни мои в здешнем наместничестве.

Скотинин. А смею ли спросить, государь мой, имени и отчества не знаю, – в деревеньках ваших водятся ли свинки?

Г-жа Простакова. Полно, братец, о свиньях-то начинать.

Поговорим-ка лучше о нашем горе. (К Правдину.) Вот, батюшка! Бог велел нам взять на свои руки девицу. Она

[1] До тех пор.

[2] Дворяне в XVIII веке могли получать чины и звания не служа, числясь в многолетнем отпуске.

изволит получать грамотки от дядюшек. К ней с того света дядюшки пишут. Сделай милость, мой батюшка, потрудишься, прочти всем нам вслух.

Правдин. Извините меня, сударыня, Я никогда не читаю писем без позволения тех, к кому они писаны.

Софья. Я вас о том прошу. Вы меня тем очень одолжите.

Правдин: Если вы приказываете. (Читает.) „Любезная племянница! Дела мои принудили меня жить несколько лет в разлуке с моими ближними; а дальность лишила меня удовольствия иметь о вас известий! Я теперь в Москве, прожив несколько лет в Сибири. Я могу служить примером, что трудами и честностию состояние свое сделать можно. Сими средствами, с божьей помощью счастья, нажил я десять тысяч рублей дохода..“

Скотинин и оба Простаковы. Десять тысяч!

Правдин (читает). „Которым тебя, моя любезная племянница, тебя делаю наследницею..“

Г-жа Простакова. Тебя наследницею!

Простаков. Софью наследницею!

Скотинин. Ее наследницею!

Г-жа Простакова (бросаясь обнимать Софью) Поздравляю, Софьюшка! Поздравляю, душа моя! Я вне себя с радости! Теперь тебе надобен жених. Я, я лучшей невесты и Митрофанушке не желаю. То-то дядюшка! То-то отец родной! Я и сама все-таки думала, что бог его хранит, что он еще здравствует.

Скотинин (протянув руку). Ну, сестрица, скорей же по рукам.

Г-жа Простакова (тихо Скотинину). Постой, братец. Сперва надобно спросить ее, хочет ли еще она за тебя выйти?

Скотинин. Как! Что за вопрос! Неужто ты ей докладываться станешь?

Правдин. Позвольте ли письмо дочитать?

Скотинин. А на что? Да хоть пять лет читай, лучше десяти тысяч не дочитаешься.

Г-жа Простакова (к Софье). Софьюшка, душа моя! пойдём ко мне в спальню. Мне крайняя нужда с тобой поговорить. (Увела Софью.)

Скотинин. Ба! Так я вижу, что сегодня сговору-то вряд и быть ли.

ЯВЛЕНИЕ VIII

Правдин, Простаков, Скотинин, Слуга

Слуга (к Простакову, запыхавшись). Барин, барин! солдаты пришли, остановились в нашей деревне.

Простаков. Какая беда! Ну! разорят нас до конца.

Правдин. Чего вы испугались?

Простаков. Ах ты, отец родной! Мы уж видали виды. Я к ним и появиться не смею.

Правдин. Не бойтесь. Их, конечно, ведёт офицер, который не допустит ни до какой наглости. Пойдём к нему со мною. Я уверен, что вы робеете напрасно.

Правдин, Простаков и слуга отходят.

Скотинин. Все меня одного оставили. Пойти было прогуляться на скотный двор.

Конец первого действия

...

ПОСЛАНИЕ К СЛУГАМ МОИМ ШУМИЛОВУ, ВАНЬКЕ И ПЕТРУШКЕ

Ода

Скажи, Шумилов, мне: на что сей создан свет?
И как мне в оном жить, подай ты мне совет.
Любезный дядька мой, наставник и учитель,
И денег, и белья, и дел моих рачитель!
Боишься бога ты, боишься сатаны,
Скажи, прошу тебя, на что мы созданы?
На что сотворены медведь, сова, лягушка?
На что сотворены и Ванька и Петрушка?
На что ты создан сам? Скажи, Шумилов, мне!
На то ли, чтоб свой век провёл ты в крепком сне?
О, таинство, от нас сокрытое судьбою!
Трясёшь, Шумилов, ты седой своей главою;
„Не знаю, – говоришь, – не знаю я того,
Мы созданы на свет и кем и для чего.
Я знаю то, что нам быть должно век слугами
И век работать нам руками и ногами,
Что должен я смотреть за всей твоей казной,
И помню только то, что власть твоя со мной.
Я знаю, что я муж твоей любезной няньки;
На что сей создан свет, изволь спросить у Ваньки “.

К тебе я обращаю теперь мои слова,
Широкие плеча, большая голова,
Малейшего ума пространный столица!
Во области твоей кони и колесница,
И стало наконец угодно небесам,

Чтоб слушался тебя извозчик мой и сам.
На светску суету вседневно ты зриаешь
И, стоя назади, Петрополь обтекаешь;
Готовься на вопрос премудрый дать ответ,
Вещай, великий муж, на что сей создан свет?
Как тучи ясный день внезапно помрачают,
Так Ванькин ясный взор слова мои смущают.
Сумнение его тревожить начало,
Наморщились его и харя и чело.
Вещает с гневом мне: „На все твои затеи
Не могут отвечать и сами грамотеи.
И мне ль о том судить, когда мои глаза
Не могут различить от ижицы аза!
С утра до вечера держася на карете,
Мне тряско рассуждать о боге и о свете;
Неловко помышлять о том и во дворце,
Где часто я стою смиренно на крыльце.
Откуда каждый час друзей моих гоняют
И палочьем гостей к каретам провожают;
Но если на вопрос мне должно дать ответ,
Так слушайте ж, каков мне кажется сей свет.

Москва и Петербург довольно мне знакомы,
Я знаю в них почти все улицы и дома.
Шатаясь по свету и вдоль и поперёк,
Что мог увидеть, я того не простерёг,
Видал и трусов я, видал я и нахалов,
Видал простых господ, видал и генералов;
А чтоб не завести напрасный с вами спор,
Так знайте, что весь свет считаю я за вздор.
Довольно на веку я свой живот помучил,
И ездить назади я истинно наскучил.
Извозчик, лошади, карета, хомуты

И всё, мне кажется, на свете суеты.
Здесь вижу мотовство, а там я вижу скупость;
Куда ни обернусь, везде я вижу глупость.
Да, сверх того, ещё заметил я, что свет
Столь много времени неправдою живет,
Что нет уже таких кощеев на примете,
Которы б истину запомнили на свете.
Попы стараются обманывать народ,
Слуги – дворецкого, дворецкие – господ,
Друг друга – господу, а знатные бояря
Нередко обмануть хотят и государя;
И всякий, чтоб набить потуже свой карман,
За благо рассудил приняться за обман.
До денег лакомы посадские, дворяне,
Судьи, подьячие, солдаты и крестьяне.
Смиренны пастыри душ наших и сердец
Изволят собирать оброк с своих овец.
Овечки женятся, плодятся, умирают,
А пастыри при том карманы набивают.
За деньги чистые прощают всякий грех,
За деньги множество в раю сулят утех.
Но если говорить на свете правду можно,
Так мнение моё скажу я вам неложно:
За деньги самого всевышнего творца
Готовы обмануть и пастырь, и овца!
Что дурен здешний свет, то всякий понимает.
Да для чего он есть, того никто не знает.
Довольно я молел, пора и помолчать;
Петрушка, может быть, вам станет отвечать“.

„Я мысль мою скажу, – вещает мне Петрушка,
Весь свет, мне кажется, – ребятская игрушка;
Лишь только надобно потвёрже то узнать,

Как лучше, живучи, игрушкой той играть.
Что нужды, хоть потом и возьмут душу черти,
Лишь только б удалось получше жить до смерти!
На что молиться нам, чтоб дал бог видеть рай?
Жить весело и здесь, лишь ближними играй.
Играй, хоть от игры и плакать ближний будет,
Щечи его казну, – твоя казна прибудет;
А чтоб приятнее ещё казался свет,
Бери, лови, хватай всё, что ни попадет.
Всяк должен своему последовать рассудку:
Что ставишь в дело ты, другой то ставит в шутку.
Не часто ль от того родится всем беда,
Чем тешиться хотят большие господа,
Которы нашими играют господами
Так точно, как они играть изволят нами?
Создатель твари всей, себе на похвалу,
По свету нас пустил, как кукол по столу.
Иные резвятся, хохочут, пляшут, скачут,
Другие морщатся, грустят, тоскуют, плачут.
Вот как вертится свет! А для чего он так,
Не ведает того ни умный, ни дурак.
Однако, ежели какими чудесами
Изволили спознать вы ту причину сами,
Скажите нам её... “. Сим речь окончил он,
За речию его последовал поклон.
Шумилов с Ванькою, хваля догадку ону,
Отвесили за ним мне также по поклону;
И трое все они, возвыся громкий глас,
Вещали: „Не скрывай ты таинства от нас;
Яви ты нам свою в решениях удачу,
Реши ты нам свою премудрую задачу!“

А вы внимлите мой, друзья мои, ответ:

„И сам не знаю я, на что сей создан свет!“

az.lib.ru/f/fonwizin_d_i/text_0050.shtml

ВСЕОБЩАЯ ПРИДВОРНАЯ ГРАММАТИКА

Предуведомление

Сия Грамматика не принадлежит частно ни до которого двора: она есть всеобщая, или философская. Рукописный подлинник оной найден в Азии, где, как сказывают, был первый царь и первый двор. Древность сего сочинения глубочайшая, ибо на первом листе Грамматики хотя год и не назначен, но именно изображены сии слова: вскоре после всеобщего потопа.

Глава первая: ВСТУПЛЕНИЕ

Вопр. Что есть Придворная Грамматика?

Отв. Придворная Грамматика есть наука хитро льстить языком и пером.

Вопр. Что значит хитро льстить?

Отв. Значит говорить и писать такую ложь, которая была бы знатным приятна, а льстецу полезна.

Вопр. Что есть придворная, ложь?

Отв. Есть выражение души подлой пред душою надменною. Она состоит из бесстыдных похвал большому барину за те заслуги, которых он не делал, и за те достоинства, которых не имеет.

Вопр. На сколько родов разделяются подлые души?

Отв. На шесть.

Вопр. Какие подлые души первого рода?

Отв. Те, кои сделали несчастную привычку, без малейшей нужды, в передних знатных господ шататься вседневно.

Вопр. Какие подлые души второго рода?

Отв. Те, кои, с благоговением предстоя большому барину, смотрят ему в очи раболепно и алчут предузнать мысли его, чтобы заранее угодить ему подлым таканьем.

Вопр. Какие суть подлые души третьего рода?

Отв. Те, которые пред лицом большого барина, из одной трусости, рады все всклепать на себя небывальщины и от всего отпереться.

Вопр. А какие подлые души рода четвертого?

Отв. Те, кои в больших господах превозносят и то похвалами, чем гнушаться должны честные люди.

Вопр. Какие суть подлые души пятого рода?

Отв. Те, кои имеют бесстыдство за свои прислуги принимать воздаяния, принадлежащие одним заслугам.

Вопр. Какие же суть подлые души .рода шестого?

Отв. Те, которые презрительнейшим притворством обманывают публику: вне двора кажутся Катонами, вопиют против льстецов; ругают язвительно и беспощадно всех тех, которых трепещут единого взора; проповедают неустрашимость; и по их отзывам кажется, что они одни своею твердостью стерегут целость отечества и несчастных избавляют от погибели; но, переступя чрез порог в чертоги государя, делается с ними совершенное превращение: язык, ругавший льстецов, сам подлаживает им подлейшею лестью; кого ругал за полчаса, пред тем безгласный раб; проповедник неустрашимости боится некстати взглянуть, некстати подойти; страж целости отечества, если находит случай, первый протягивает руку ограбить отечество; заступник несчастных, для малейшей своей выгоды, рад погубить невинного.

Вопр. Какое разделение слов у двора примечается?

Отв. Обыкновенные слова бывают: односложные, двусложные, троесложные и многосложные. Односложные: так, князь, раб; двусложные: силен, случай, упал; троесложные: милостив, жаловать, угождать, и наконец многосложные: Высокопревосходительство.

Вопр. Какие люди обыкновенно составляют двор?

Отв. Гласные и безгласные.

Глава вторая: О ГЛАСНЫХ И О ЧАСТЯХ РЕЧИ

Вопр. Что разумеешь ты чрез гласных?

Отв. Чрез гласных разумею тех сильных вельмож, кои по большей части самым простым звуком, чрез одно отверстие рта, производят уже в безгласных то действие, какое им угодно. Например: если большой барин, при докладе ему о каком-нибудь деле, нахмурясь скажет: О! – того дела вечно сделать не посмеют, разве как-нибудь перетолкуют ему об оном другим образом, и он, получая о деле другие мысли, скажет тоном, изъявляющим свою ошибку: А! – тогда дело обыкновенно в тот же час и решено.

Вопр. Сколько у двора бывает гласных?

Отв. Обыкновенно мало: три, четыре, редко пять.

Вопр. Но между гласными и безгласными нет ли еще какого рода?

Отв. Есть: полугласные, или полубояре.

Вопр. Что есть полубоярин?

Отв. Полубоярин есть тот, который уже вышел из безгласных, но не попал еще в гласные; или, иначе сказать, тот, который пред гласными хотя еще безгласный, но пред безгласными уже гласный.

Вопр. Что разумеешь ты чрез придворных безгласных?

Отв. Они у двора точно то, что в азбуке буква ъ, то есть, сами собою, без помощи других букв, никакого звука не производят.

Вопр. Что при словах примечать должно?

Отв. Род, число и падеж.

Вопр. Что есть придворный род?

Отв. Есть различие между душою мужескою и женскою. Сие различие от пола не зависит; ибо у двора иногда женщина стоит мужчины, а иной мужчина хуже бабы.

Вопр. Что есть число?

Отв. Число у двора значит счет: за сколько подлостей сколько милостей достать можно; а иногда счет: сколькими полугласными и безгласными можно свалить одного гласного; или же иногда, сколько один гласный, чтоб устоять в гласных, должен повалить полугласных и безгласных.

Вопр. Что есть придворный падеж?

Отв. Придворный падеж есть наклонение сильных к наглости, а бессильных к подлости. Впрочем, большая часть бояр думает, что все находятся перед ними в винительном падеже; снискивают же их расположение и покровительство обыкновенно падежом дательным.

Вопр. Сколько у двора глаголов?

Отв. Три: действительный, страдательный, а чаще всего отложительный.

Вопр. Какие наклонения обыкновенно у двора употребляются?

Отв. Повелительное и неопределенное.

Вопр. У людей заслуженных, но беспомощных, какое время употребляется по большей части в разговорах с большими господами?

Отв. Прошедшее, например: я изранен, я служил, и тому подобное.

Вопр. В каком времени бывает их ответ?

Отв. В будущем, например: посмотрю, доложу, и так далее.

Глава третья: О ГЛАГОЛАХ

Вопр. Какой глагол спрягается чаще всех и в каком времени?

Отв. Как у двора, так и в столице никто без долгу не живет, для того чаще всех спрягается глагол: быть должным. (Для примера прилагается здесь спряжение настоящего времени чаще всех употребительнейшего):

Настоящее:

Я должен. Мы должны.

Ты должен. Вы должны.

Он должен. Они должны.

Вопр. Спрягается ли сей глагол в прошедшем времени?

Отв. Весьма редко: ибо никто долгов своих не платит.

Вопр. А в будущем?

Отв. В будущем спряжение сего глагола употребительно: ибо само собою разумеется, что всякий непременно в долгу будет, если еще не есть.

(Конец.)

Николай Иванович Новиков

(1744–1818)

Н. И. Новиков вошел в историю русской литературы как выдающийся публицист, основатель журнала «Трутень», вступившего в прямую полемику с Екатериной II. Сама Екатерина II поощряла сатирическую литературу, создав для основания журналов более свободные условия. Как назывался журнал, основанный Екатериной II, выражающий ее взгляды и полемизирующий с «Трутнем»?

После закрытия «Трутня» Новиков издавал и другие журналы – найдите в подходящих источниках их названия.

Н. И. Новиков стал также издателем памятников русской истории – какое собирательное название он для них назвал?

ТРУТЕНЬ

Еженедельное издание на 1769 год месяц май

Они работают, а вы их труд ядите.
Г. Сумар. в XLIII притче, I книги.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Господа читатели!

Сколько вы ни думайте, однакож, верно, не отгадаете намерения, с которым выдаю сей журнал, ежели я сам о том вам не скажу. Впрочем, это и не тайна. Господа читатели, вы люди скромные, так я без всякого опасения на вас в том положиться могу. Послушайте ж, дело пойдет о моей слабости: я знаю, что леность считается не из последних пороков; знаю, что она непримиримый враг трудолюбия; ведаю, что она человека делает неспособным к пользе общественной и своей частной; что человек, обладаемый сим пороком, недостоин соблезнования; но со всем тем никак не могу ее преодолеть. Порок сей так мною овладел, что ни за какие не могу приняться дела и для того очень много у себя теряю. В праздничные дни к большим боярам ездить на поклон почитается за необходимость: ибо те, которые сие исполняют, находят свое счастье гораздо скорее; но меня к тому леность не допускает. Чтение книг почитаю весьма полезным; но лень не допускает сие исполнять. Просвещать разум науками и познаниями нужно; но лень препятствует: словом, я сделался вечным невольником презрения достойной лености и могу во оной равняться с наиленивейшими гишпанцами. Часто по целой

неделе просиживаю дома. Для того только, что лень одеться. Ни с кем не имею переписки затем, что лень не допускает. От лени никакой еще и службы по сие время не избрал: ибо всякая служба не сходна с моею склонностию. Военная кажется мне очень беспокойною и угнетающею человечество: она нужна, и без нее никак не можно обойтись; она почтенна; но она не по моим склонностям. Приказная хлопотлива, надобно помнить наизусть все законы и указы, а без того попадешь в беду за неправоe решение. Надлежит знать все проницательности, в делах употребляемые, чтобы не быть кем обмануто, и иметь смотрение за такими людьми, которые чаще и тверже всего говорят: «Дай за работу»; а это очень трудно. И хотя она и по сие время еще гораздо наживна, но, однакож, она не по моим склонностям. Придворная всех покойнее и была бы легче всех, ежели бы не надлежало знать наизусть науку притворства гораздо в вышнем степене, нежели сколько должно знать ее актеру: тот притворно входит в разные страсти временно; а сей беспрестанно то же делает; а того-то я и не могу терпеть. Придворный человек всем льстит, говорит не то, что думает, кажется всем ласков и снисходителен, хотя и чрезвычайно надут гордостью. Всех обнадеживает, и тогда же позабывает; всем обещает, и никому не держит слова; не имеет истинных друзей, но имеет льстецов; а сам также льстит и угождает случайным людям. Кажется охотником до того, от чего имеет отвращение. Хвалит с улыбкою тогда, когда внутренно терзается завистию. В случае нужды никого не щадит, жертвует всем для снискания своего счастья; а иногда, полно, не забывает ли и человечество! Ничего не делает, а показывает, будто отягощен делами: словом, говорит и делает почти всегда противу своего желанья; а часто и противу здравого рассудка. Сия служба блистательна, но очень скользка и скоро тускнеет; короче сказать, и она не по моим склонностям. Рассуждая таким образом, по сие время

не сделал еще правильного заключения о том, что подлинно ли таковы сии службы или леность, препятствуя мне в которую-нибудь из них вступить, заставляет о них неправильно думать: но утвердился только в том, чтобы ни в одну из них не вступать. К чему ж потребен я в обществе? *Без пользы в свете жить, тягчить лишь только землю*, сказал славный российский стихотворец. Сие взяв в рассуждение, долго помышлял, чем бы мог я оказать хотя малейшую услугу моему отечеству. Думал иногда услужить каким-нибудь полезным сочинением: но воспитание мое и душевные дарования положили к тому непреоборимые препоны. Наконец вспало на ум, чтобы хотя изданием чужих трудов принести пользу моим согражданам. И так вознамерился издавать в сем году еженедельное сочинение под заглавием «Трутня», что согласно с моим пороком и намерением: ибо сам я, кроме сего предисловия, писать буду очень мало; а буду издавать все присылаемые ко мне письма, сочинения и переводы, в прозе и в стихах; а особливо сатирические, критические и прочие, но исправлению нравов служащие: ибо таковые сочинения исправлением нравов приносят великую пользу; а сие-то и есть мое намерение. Чего ради всех читателей прошу сделать мне вспоможенне присылкою своих сочинений, которые все напечатаны будут в моих листках. Сочинения присылать можно к переплетчику, у которого продаваться будут сии листки, с надписанием: «Г. издателю «Трутня». Предисловие мое оканчиваю искренним желанием, чтобы издание сие какую-нибудь пользу и увеселение принесло читателям. Причина сему изданию леность. Дай бог, чтобы она хотя одиножды принесла пользу. Прощайте, г. читатели; я с вами долго говорить не буду для того, что я чрезвычайно устал.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ „ТРУТНЯ“ СО „ВСЯКОЙ ВСЯЧИНОЙ“ „ВСЯКАЯ ВСЯЧИНА“. 29 МАЯ

На ругательства, напечатанные в „Трутне“ под пятым отделением, мы ответственность не хотим, уничтожая оные; а только наскоро дадим приметить, что господин Правдулюбов нас называет криводушниками и потаччиками пороков для того, что мы сказали, что имеем человеколюбие и снисхождение ко человеческим слабостям и что есть разница между пороками и слабостями. Господин Правдулюбов не догадался, что, исключая снисхождение, он истребляет милосердие. Но добросердечие его не понимает, чтобы где ни на есть быть могло снисхождение; а может статься, что и ум его не достигает до подобного нравоучения. Думать надобно, что ему бы хотелось за все да про все кнутом сечь. Как бы то ни было, отдавая его публике на суд, мы советуем ему лечиться, дабы черные пары и желчь не оказывались даже и на бумаге, до коей он дотрогивается. Нам его меланхолия не досадна; но ему несносно и то, что мы лучше любим смеяться, нежели плакать. Если б он писал трагедии, то бы ему нужно было в людях слезливое расположение; но когда его трагедии еще света не узрели, то какая ему нужда заставляти плакать людей или гневаться на зубоскалов.

„ТРУТЕНЬ“. ЛИСТ VII. 9 ИЮНЯ

Издатель „Трутня“ обещался публике во своих листках не сообщать иных, как только ко исправлению нравов служащие сочинения; либо приносящие увеселение. О сем по

сие время всевозможное он прилагал попечение; и уверяет, что и впредь брани, не приносящие ни пользы, ни увеселения, в его листках места имети не будут. Ради чего издалека и с улыбкою взирает он на брань „Всякия всячины“, относящуюся к лицу г. Правдулюбова: ибо сие до него, как до чужих трудов издателя, ни почему не принадлежит; а только с нетерпеливостию желает он узнати, как таковые наполнения сих весьма кратких недельных листков благоразумными и беспристрастными читателями приняты будут.

ЛИСТ VIII. 16 ИЮНЯ

Господин издатель!

Госпожа Всякая всячина на нас прогневалась и наши нравоучительные рассуждения называет ругательствами. Но теперь вижу, что она меньше виновата, нежели я думал. Вся ее вина состоит в том, что на русском языке изъясняться не умеет и русских писаний обстоятельно разуметь не может; а сия вина многим нашим писателям свойственна.

Из слов, в разделении 52 ею означенных, русский человек ничего иного заключить не может, как только, что господин А. прав и что госпожа Всякая всячина его критиковала криво.

В пятом листе „Трутня“ ничего не писано, как думает госпожа Всякая всячина, ни противу милосердия, ни противу снисхождения, и публика, на которую и я ссылаюсь, то разобрать может. Ежели я написал, что больше человеколюбив тот, кто исправляет пороки, нежели тот, кто оным потакает, то не знаю, как таким изъяснением я мог тронуть милосердие? Видно, что госпожа Всякая всячина так похвалами избалована, что теперь и то почитает за преступление, если кто ее не похвалит.

Не знаю, почему она мое письмо называет ругательством? Ругательство есть брань, гнусными словами выраженная; но в моем прежнем письме, которое заскребло по сердцу сей пожилой дамы, нет ни кнутов, ни виселиц, ни прочих слуху противных речей, которые в издании ее находятся.

Госпожа Всякая всячина написала, что пятый лист „Трутня“ уничтожает. И это как-то сказано не по-русски; уничтожить, то есть в ничто превратить, есть слово, самовластию свойственное; а таким безделицам, как ее листки, никакая власть не прилична; уничтожает верхняя власть какое-нибудь право другим. Но с госпожи Всякой всячины довольно бы было написать, что презирает, а не уничтожает мою критику. Сих же листков множество носится по рукам, и так их всех ей уничтожить не можно.

Она утверждает, что я имею дурное сердце, потому что, по ее мнению, исключая моими рассуждениями снисхождение и милосердие. Кажется, я ясно написал, что слабости человеческие сожаления достойны, но что требуют исправления, а не потачки; и так думаю, что сие мое изъяснение знающему российский язык и правду не покажется противным ни справедливости, ни милосердию. Совет ее, чтобы мне лечиться, не знаю, мне ли больше приличен или сей госпоже. Она, сказав, что на пятый лист „Трутня“ ответственность не хочет, отвечала на оный всем своим сердцем и умом, и вся ее желчь в оном письме сделалась видна. Когда ж она забывается и так мокротлива, что часто не туда плюет, куда надлежит, то, кажется, для очищения ее мыслей и внутренности не бесполезно ей и полечиться.

Сия госпожа назвала мой ум тупым потому, что не понял ее нравоучений. На то отвечаю: что и глаза мои того не видят, чего нет. Я тем весьма доволен, что госпожа Всякая

всячина отдала меня на суд публике. Увидит публика из будущих наших писем, кто из нас прав.

Покорный ваш слуга

Правдулюбов.

6 июня, 1769 года.

ЛИСТ XVII И ПОСЛЕДНИЙ. 27 АПРЕЛЯ

Расставание, или последнее прощание с читателями

Против желания моего, читатели, я с вами разлучаюсь; обстоятельства мои и ваша обыкновенная жадность к новостям, а после того отвращение тому причиною. В минувшем и настоящем годах издал я во удовольствие ваше, а может быть, и ко умножению скуки ровно пятьдесят два листа, а теперь издаю 53 и последний: в нем-то прощаюсь я с вами и навсегда разлучаюсь. Увы! как перенести сию разлуку? Печаль занимает дух... Замирает сердце... Хладеет кровь, и от предстоящего несчастья все члены немеют... Непричесанные мои волосы становятся дыбом; словом, я все то чувствую, что чувствуют в превеликих печалях. Перо падает из рук... Я его беру опять, хочу писать, но оно не пишет. Ярость объемлет мое сердце, я бешусь: бешенство не умаляет моей скорби, но паче оную умножает; но я познаю мою ошибку, перо еще не очинено: я бросил его опять, беру другое и хочу изъяснить состояние души моей; но печаль затмевает рассудок; с какою скорбию возможно сравнить печаль мою? не столько мучится любовник при вечном разлучении со своею любовницею; не столько бесился подъячий, как читал указ о лихоимстве, повелевающий им со взятками навсегда разлучиться; не

столько печалится иезуит, когда во весь год не продаст ни единому человеку отпущения грехов или когда при последнем издыхании лежащего человека уговорит в пользу своей души лишить наследников своего имени, пустить их по миру, а имение, незаконно им нажитое и награбленное, отдать им в чистилище, будто бы тем учинить возмездие и чтобы омыть скверну души его; но больной сей выздоровеет и переменит свое намерение; не столько страдал Кащей, когда несправедливо захваченное им стяжание законно отдано, кому оно принадлежало; не столько бесится завистливый Злорад, когда при нем другие похваляются или когда он кого ругает и ему не верят; не столько терзается стихотворец, когда стихи его не похваляются; не столько бесится щеголь, когда портной испортит его платье, которого он с нетерпеливостью ожидал и в котором для пленения сердец хотел ехать в Екатерингоф на гулянье, или когда ему парикмахер волосы причешет не к лицу, а он хочет ехать на свиданье; не столько мучится и кокетка, когда любовник ее оставляет и предпочитает ей другую женщину или когда ее не хвалят... Нет? печали всего света с моею сравниться не могут! Я пишу мою скорбь и опять вычерниваю: буквы, мною написанные, кажутся малы и, следовательно, не могут изъяснить великость оных. Я черню и перечеркиваю, засыпаю песком: но ах! вместо песошницы я употребил чернильницу. Увы! источники чернильные проливаются по бумаге и по столу. Позорище сие ослабляет мои чувства... Я лишаюсь оных... падаю в обморок... упал на стол, замарал лицо и так лежу... Чернильный запах, коснувшись моего обоняния, возвращает мою память... открываю глаза... но при воззрении из глаз моих слезы проливаются реками и, смешавшись с чернилами, текут со стола на пол. В таком положении нечаянно взглянул я на читателей: но что я вижу? Ах, жестокие! вы не соболезнаете со мною? на лицах ваших изображается скука... Варвары,

тигры! вы не проливаете слез, видя мою горечь? так-то вас печали других трогают? теперь не удивительно мне, что при представлении трагедии в самом печальном явлении, на которое сочинитель всю полагал надежду и надеялся, что весь партер потопите слезами; но увы! ни у единого из вас не видно тогда было ни капли слез: жестокие! вместо пропролития слез вы тогда зевали, будто бы было вам то в тягость. Так-то награждаете вы труды авторские? но почто бесплодно терять слова? окамененных ваших сердец ничем не возможно тронуть! Я заклинаю себя наказать вас за вашу свирепость... бешенство мною владеет... так, я вас накажу... но... на что колебаться; слушайте приговор вашего наказания: впредь ни единой строки для вас писать не буду... Вы приходите во отчаяние... нет нужды, ничем вы меня не смягчите, и слово мое исполнится. Я столько ж буду жесток, как вы. Прощайте... Слушайте, читатели, я хотел было сочинить двенадцать трагедий в том вкусе, о которой трагедии недавно я упоминал, двадцать комедий, пятнадцать романов... но вы ничего этого не увидите. Читайте... Ну, прощайте, неблагодарные читатели, я не скажу больше ни слова.

az.lib.ru/n/nowikow_n_i/text_0060.shtml

Иван Андреевич Крылов

(1769–1844)

И. А. Крылов – наиболее известный русский баснописец, хотя басни не являются единственным жанром, которому он уделял свое внимание. Кроме того, крыловские басни печатаются только в XIX веке. Все-таки – какими основными характеристиками обладает басня?

Приводимые тексты дают возможность познакомиться и с менее известными произведениями Крылова. Какие сходства можно найти между этими произведениями и произведениями Д. И. Фонвизина?

И. А. Крылов является и издателем журналов – которых именно? Найдите их названия и узнайте, каково их направление!

ПОХВАЛЬНАЯ РЕЧЬ В ПАМЯТЬ МОЕМУ ДЕДУШКЕ, ГОВОРЕННАЯ ЕГО ДРУГОМ В ПРИСУТСТВИИ ЕГО ПРИЯТЕЛЕЙ ЗА ЧАШЕЙ ПУНША

Любезные слушатели!

В сей день проходит точно год, как собаки всего света лишились лучшего своего друга, а здешний округ — разумнейшего помещика: год тому назад, в сей точно день, с неустрашимостью гонясь за зайцем, свернулся он в ров и разделил смертную чашу с гнедою своею лошадью прямо побратски. Судьба, уважая взаимную их привязанность, не хотела, чтоб из них один пережил другого, а мир между тем потерял лучшего дворянина и статнейшую лошадь. О ком из них более должно нам сожалеть? Кого более восхвалить? Оба они не уступали друг другу в достоинствах: оба были равно полезные обществу, оба вели равную жизнь и, наконец, умерли одинаково славною смертью. Со всем тем дружество мое к покойнику склоняет меня на его сторону и обязывает прославить память его, ибо хотя многие говорят, что сердце его было, так сказать, стойлом его гнедой лошади, но я могу похвалиться, что после нее покойник любил меня более всего на свете. Но хотя бы и не был он мне другом, то одни достоинства его не заслуживают ли похвалы и не должно ли возвеличить память его, как память дворянина, который служит примером всему нашему окольному дворянству.

Не думайте, любезные слушатели, чтоб я выставлял его примером в одной охоте, — нет, это было одно из последних его дарований, кроме сего имел он тысячу других прилич-

ных и необхонашему брату дворянину: он показал нам, как должно проживать в неделю благородному человеку то, что две тысячи подвластных ему простолюдинов вырабатывают в год, он знаменитые подавал примеры, как эти две тысячи человек можно пересечь в год раза два-три с пользою, он имел дарование обедать в своих деревнях пышно и роскошно, когда казалось, что в них наблюдался величайший пост, и таким искусством делал гостям своим приятные нечаянности. Так, государи мои! часто бывало, когда приедем мы к нему в деревню обедать, то, видя всех крестьян его бледных, умирающих с голоду, страшимся сами умереть за его столом голодною смертью. Глядя на всякого из них, заключали мы, что на сто верст вокруг его деревень нет ни корки хлеба, ни чахотной курицы. Но какое приятное удивление! садясь за стол, находили мы богатство, которое, казалось, там было неизвестно, и изобилие, которого тени не было в его владениях, искуснейшие из нас не постигали, что еще мог он содрать с своих крестьян, и мы принуждены были думать, что он из ничего созидал великолепные свои пиры. Но я замечаю, что восторг мой отвлекает меня от порядку, который я себе назначил. Обратимся же к началу жизни нашего героя: сим средством не потеряем мы ни одной черты из его похвальных дел, коим многие из вас, любезные слушатели, подражают с великим успехом. Начнем его происхождением.

Сколько ни бредят философы, что по родословной всего света мы братья, и сколько ни твердят, что все мы дети одного Адама, но благородный человек должен стыдиться такой философии, и если уже необходимо надобно, чтоб наши слуги происходили от Адама, то мы лучше согласимся признать нашим праотцем осла, нежели быть равного с ними происхождения. Ничто столь человека не возвышает, как благородное происхождение: это первое его достоин-

ство. Пусть кричат ученые, что вельможа и нищий имеют подобное тело, душу, страсти, слабости и добродетели. Есть-ли это правда, то это не вина благородных, но вина природы, что она производит их на свет так же, как и подлейших простолюдинов, и что никакими выгодами не отличают нашего брата дворянина: его знак ее лености и нерачения. Так, государи мои! и естли бы эта природа была существо, то бы ей очень было стыдно, что тогда, как самому последнему червяку уделяет она выгоды, свойственные его состоянию; когда самое мелкое насекомое получает от нее свой цвет и свой способности; когда, смотря на всех животных, кажется нам, что она неисчерпаема в разновидности и в изобретении; тогда, к стыду ее и к сожалению нашему, не выдумала она ничего, чем бы отличился наш брат от мужика, и не прибавила нам ни одного пальца в знак нашего преимущества перед крестьянином. Неужели же она более печется о бабочках, нежели о дворянах? И мы должны привешивать шпагу, с которою бы, кажется, надлежало нам родиться. Но как бы то ни было, благодаря нашей догадке, мы нашли средство поправлять ее недостатки и избавились от опасности быть признанными за животных одного роду с крестьянами.

Иметь предка разумного, добродетельного и принесшего пользу отечеству, вот что делает дворянина, вот что отличает его от черни и от простого народа, которого предки не были ни разумны, ни добродетельны и не приносили пользы отечеству. Чем древнее и далее от нас сей предок, тем блистательнее наше благородство: а сим-то и отличается герой, которому дерзаю я соплетать достойные похвалы; ибо более трех сот лет прошло, как в роде его появился добродетельный и разумный человек, который наделал столь много прекрасных дел, что в поколении его не были уже более нужны такие явления, и оно до нынешнего времени пробавлялось

без умных и добродетельных людей, не теряя нимало своего достоинства. Наконец, появился наш герой Звениголов; он еще не знал, что он такое, но уже благородная его душа чувствовала выгоды своего рождения; и он на втором году начал царапать глаза и кусать уши своей кормилице. В этом ребенке будет путь, сказал некогда восхищаясь его отец: он еще не знает толком приказать, но учится уже наказывать; можно отгадать, что он благородной крови. И старик сей часто плакал от радости, когда видел, с такого благородною осанкою отродье его щипало свою кормилицу или слуг; не проходило ни одного дня, чтобы маленький наш герой кого-нибудь не оцарапал. На пятом еще году своего возраста заметил он, что окружен такою толпою, которую может перекусать и перещарапать, когда ему будет угодно.

Премудрый его родитель тотчас смекнул, что сыну его нужен товарищ; хотя и много было в околотке бедных дворян, но он не хотел себя унижить до того, чтоб его единородный сын разделял с ними время, а холопского сына дать ему в товарищи казалось еще несноснее. Иной бы не знал, что делать, но родитель нашего героя тотчас помог такому горю и дал сыну своему в товарищи прекрасную болонскую собачку. Вот, может быть, первая причина, отчего герой наш во всю свою жизнь любил более собак, нежели людей, и с первыми провождал время веселее, нежели с последними. Звениголов, привыкший повелевать, принял нового своего товарища довольно грубо и на первых часах вцепился ему в уши. Но Задорка, так звали маленькую собачку, доказала ему, как вредно иногда шутить, надеясь слишком на свою силу: она укусила его за руку до крови. Герой наш остолбенел, увидя в первый раз такой суровый ответ на обыкновенные свои обхождения; это был первый щипок, за который его наказали. Сколь сердце в нем не кипело, со всем тем боялся

отведать сразиться с Задоркою и бросился к отцу своему жаловаться на смертельную обиду, причиненную ему новым его товарищем. «Друг мой! — сказал беспримерный его родитель, — разве мало вокруг тебя холопей, кого тебе щипать? На что было трогать тебе Задорку? Собака ведь не слуга: с нею надобно осторожнее обходиться, естли не хочешь быть укушен Она глупа: ее нельзя унять и принудить терпеть не разевая рта как разумную тварь». Такое наставление сильно тронуло сердце молодого героя и не выходило у него из памяти. Возрастая, часто занимался он глубокими рассуждениями, к коим подавало оно ему повод: изыскивал способы бить домашних своих животных, не подвергаясь опасности, и сделать их столь же безмолвными, как своих крестьян, по крайней мере, искал причин, отчего первые имеют дерзости более огрызаться, нежели последние, и заключил, что его крестьяне ниже его дворовых животных.

...

Чадолюбивый отец, приметя, что дитя его начинает думать, заключил, что время начать его воспитание, и сам посадил его за грамоту. В пять месяцев ученик сделался сильнее учителя и с ним взапуски складывал гражданскую печать. Такие успехи устрашали его родителя. Он боялся, чтобы сын его не выучился бегло читать по толкам и не вздумал бы сделаться когда-нибудь академиком, а потому-то последнюю страницу букваря кончил его курс словесных наук. «Этой грамоты для тебя полно, — говорил он ему, — стыдись знать более, ты у меня будешь барин знатной, так не пристойно тебе читать книги».

Герой наш пользовался таким прекрасным рассуждени-
ем и привык все книги любить, как моровую язву.

...

[az.lib.ru/k/krylow i a/text 0160.shtml](http://az.lib.ru/k/krylow_i_a/text_0160.shtml)

КАИБ

Восточная повесть

Каиб был один из восточных государей; имя его наполняло вселенную. „Слава твоя, – говорил ему некто из его стихотворцев, – слава твоя была бы подобна солнцу, если бы оно не заходило“. Каибу нравились хорошие сравнения; и за это, пожаловав его в евнухи, сделал зрителем над своею сералью. Богатства Каибовы были неисчерпаемы; дворец его, говорит историк, был обнесен тысячу яшмовых столбов, коих капители были изумрудные, коринфского ордена, а тумбы из чистого литого золота; дворец сей был сделан из черного мрамора, и стены его были столь гладко вылощены, что лучшие щеголихи смотрелись в них, как в зеркало. Окны были пропорции новейшей италийской архитектуры, немного более того, как делаются городские ворота, и во всяком окне было только по одному стеклу, но которые были так тверды, что потачливейшие мужья нынешнего времени не в состоянии были бы прошибить их своим лбом. Крышка была из листового серебра, но столь чисто отработанного, что часто в ясные дни целый город сбегался ко дворцу, думая, что он горит, когда всю сию тревогу производило одно ее сияние. Заметь, любезный читатель, что все это говорит Каибов историк.

Внутреннее великолепие дворца поражало всякого, кто гуда ни входил: простолюдимов ослепляло золото, жемчуг и каменья, коих было более, нежели орфографических ошибок в наших новых писателях. Знатоков привлекало искусство, блистающее во всех украшениях дворца: там развевали завесы из непроницаемого штофу, который был толще всех четырех частей Беседующею Гражданина, переплетенных

вместе; там блистала резьба, отделанная с такою чистотою, что никакой бы автор не пожелал видеть лучшей чистоты на переплете своих сочинений; многие комнаты украшены были живописью, обманывающею зрение, и надобно отдать справедливость Каибу, что хотя не пушал он ученых людей во дворец, но изображения их делали не последнее украшение его стенам. Правда, стихотворцы его были бедны, но безмерная щедрость его награждала великий их недостаток: Каиб велел рисовать их в богатом платье и ставить в лучших комнатах своего дворца их изображения, ибо он искал всячески поощрять науки; и подлинно, не было в Каибовом владении ни одного стихотворца, который бы не завидовал своему портрету.

В другом месте, продолжает историк, видны были из драгоценных перьев чучелки, сделанные с таким вкусом, что сколько ни старались придворные дамы подражать им в пестроте своих одежд, но часто с досадою видели, что на прекрасных чучелок любовались более, нежели на них. В иных местах резвились на золотых цепочках забавные обезьяны, которые кривлялись с такою приятностию, что искуснейшие придворные ставили за честь у них перенимать, а нередко, по слабости человеческой, выдумки обезьян выдавали за свои, отчего между тогдашних обезьян и придворных была великая вражда, о коей историю в тридцати шести томах в лист издала тамошняя академия. Там, на великолепных пьедесталах, блистали Каибовых предков бюсты, которые высотой работы не уступали своим высоким подлинникам.

Внутренние комнаты его убраны коврами столь редкой красоты и цены, что величайшие цари, современники Каибовы, приезжали играть на них шемелой и приказывали историографам записывать это в число величайших своих подвигов. Зеркала его хотя были по двенадцати аршин длиною, из чистой стали, но не столько почитались редкими по своей

величине, как по свойству, данному им некоторою волшебницею: зеркала сии имели дар показывать вещи в тысячу раз прекраснее, нежели они есть. Старик видел себя в них молодым красавцем, изветшалая кокетка – пятнадцатилетнею девушкою, урод – пригожим, а разгильдяй – ловким. Со всем тем Каиб никогда в их не смотрелся, а держал для одних своих придворных, и то для того, чтоб забавляться, видя, как отвратительнейшие лица перед сими зеркалами спорят о своей красоте и заводят ссоры, которыми Каиб любовался. Тысячи попугаев говорили в его клетках скоропостижные вирши; многие из сих попугаев были красноречивее тогдашних академиков, хотя академия Каибова почиталась первою в свете потому, что ни в какой академии не было такого богатого набора плешивых голов, как у него, и все они бегло читали по толкам, а иногда очень четко писали к приятелям письма. Со всем тем многие уступали в красноречии попугаям, из коих многих Каиб, любя ученость, сделал членами академии только за то, что они умели выговаривать чистенько то, что выдумал другой. Что ж до изобилия, то Каибов двор превосходил оным все восточные дворы, и последний ложкомой Каибов ел вкуснее, нежели у Гомера цари. Календарь Каибова двора был составлен из одних праздников, и будни были там реже, нежели именины Касьянов.

Сераль его был наполнен первыми красавицами в свете, из коих не было ни одной старше семнадцати лет. Сколь фабрики ни стараются ныне доходить до совершенства в составлении румян, но лучшие румяны показались бы дикими в сравнении с природным румянцем последней из его султанш. Девушки его не портили своих прелестей излишними жеманствами, они не падали в обморок от пауков и тараканов, для того чтобы разметаться приятным для глаз образом. Когда находила на них задумчивость, столь обыкновенная семнадцатилетнему женскому возрасту, то не принимали

они очистительного, чтобы иметь лучший цвет лица Великолепные его конюшни наполнены были редкими лошадьми, которые были статнее наших щегольков и послушнее первых его визирей. Ледники его трещали под тяжестью вкуснейших вин. Сами боги, говорят, с удовольствием напивались в его погребках допьяна и предпочитали вина его нектару, который опостылел им с тех пор, как стихотворцы начали разливать его своим героям так же небрежно, как бабы льют коровам помои.

Весь свет, взирая на Каиба, почитал его счастливым; типографщики наживались, издавая претолстые книги о его блаженстве. Когда стихотворцы тогдашнего времени хотели описать торжества богов и райские веселия, то не иначе к тому приступали, как доставши через какого-нибудь евнуха случай втереться между музыкантов, чтобы посмотреть придворного великолепия и серальских праздников; однакож, и на то несмотря, описания их божеских пиров часто пахли гнилою соломою, на которой они сочинены. Весь свет кричал, что Каиб счастлив, и один только Каиб знал, что это неправда; но он никому этого не говорил, боясь, чтобы не сочли его неблагодарным противу благодеяний судьбы, чего он всегда остерегался. Он часто в своих стихотворцах читал описание своего счастья и смеялся пустому их воображению; или иногда завидовал, для чего не был он так же слеп, как они, чтоб видеть себя только со счастливой стороны. Как бы то ни было, а Каиб не столько был счастлив, сколько о нем кричали; в сердце его оставалась какая-то пустота, которую не могли дополнить окружающие его предметы. Придворные господчики, женщины, обезьяны, попугаи – ничто его не увеселяло: на все это с высокого своего престола смотрел он позевывая; иногда улыбался на скачки обезьян или на кривлянья придворных, но в сих улыбках видно было более сожаления, нежели удовольствия.

Весь двор примечал, что он был задумчив, но никто не мог выдумать, чем бы его позабавить; и обер-шут его двора, который был шутоватее всех италиянских опер вместе, с отчаянием видел, что высочайший его владетель уже два месяца не давал ему щелчков по носу; все это заметили и заключили, что он уже не в такой большой силе у двора, как был за два месяца, когда, к досаде своих завистников, всякий день получал он пинков по двадцати в зад, по стольку же щелчков по носу и показывал всем на боках своих знаки Каибовой к себе милости.

Но что была за причина Каибовой скуки? Вот чего никто не знал, а что всего чуднее, то это и самому ему было не известно. Он чувствовал, что ему чего-то недостает, но не мог познать, в чем этот недостаток; ему казалось, что он один во всей вселенной, или, что еще ближе, как будто был иностранец между миллионами людей, им одолженных, которые не могли его разуметь, ни помочь его скуке.

Сперва подумал он, что сему причиною любовные желания, и бросился искать счастья в серале; но самые скромные девушки показались ему кокетками, которые, желая ему угодить, искали только своей пользы; правда, всякая из них хотела, чтоб на нее брошен был султанский платок, но часто более для того, чтобы тем досадить своей совместнице, нежели сделать его счастливым. Желание ему нравиться было смешано во всех сердцах с желанием корысти или с честолюбием; он заметил по повторению, что все приветствия, все ласки выучены были наизусть, и в месяц сераль так ему наскучил, что он перестал в него заглядывать и заключил, что не с этой стороны должен искать счастья.

Каиб вздумал потом, что скорее всего разгонит грусть свою новыми победами; повелел – и вдруг армия, многочисленнее древней, Ксерксовой, и не уступающая в храбрости грекам, умершим при Термопилах, была готова и двинулась

сбирать лавры. Война загорелась, – открылось поле славы для героев и для стихотворцев; сочинители мелкого разбору зачали заготавливать пирамиды од, надеясь при первом случае сбыть их за хорошую цену. Многие жены поседелых героев заранее любовались перед зеркалами, сколь пристанет к ним траур, и твердили науку упадать в обморок, чтобы пользоваться ею, когда принесут к ним весть о кончине их мужей; купцы возвысили цену на черные материи; сочинители эпифагий сделались неприступны.

Первые две победы, одержанные Каибовыми войсками, привели его в восхищение; третью новость о победе слушал он равнодушнее; наконец зачал уже зевать, слушая такие новости, и решился дать свету отдых. Войска возвратились, обремененные славою и корыстями, а Каибова зевота не уменьшилась, и он не без зависти взирал, что полунагие стихотворцы его более ощущали удовольствия, описывая его изобилие, нежели он, его вкушая.

В одну ночь, удивляясь неодолимой своей скуке, ворочался Каиб на своих пышных пуховиках, и сон, как будто не смея войти в царскую спальню, заставлял храпеть в ближней комнате его служителей. Вдруг увидел он, что его любимец кот гонялся за мышью. Она всячески старалась от него увернуться. Так точно часто челобитчик желает увернуться от подарка своему судье; но напрасно заговаривает он с ним о дурной погоде и о хорошей, о старых временах и о нынешних, хотя бы заговорил он с ним о Эмпедокловых туфлях, взяткобратель и от них искусно склонит речь на то, что ему надобны деньги. То же происходило и у мыши с котом: стараясь его обманывать, металась она в разные стороны, искала спасения по всем углам... и вдруг вскочила к султану на кровать. Какая бы красавица утерпела при сем прекрасном случае, чтобы не броситься с постели стремглав, не поднять содому, не скликать весь свет, ежели можно и наконец что-

бы потом не упасть раза два, три в обморок? Но Каиб был неустрашим: он не боялся мышей, пауков, тараканов и с радостью бедную мышку принял под свое покровительство; притом же начитался, ибо он любил учености и Тысячу одну ночь всю знал наизусть; он начитался, что в таких случаях делаются великие чудеса, как прекрасная Шехеразада – сей неподражаемый историк его предков – свидетельствует; а Каиб верил сказкам более, нежели Алкорану, для того что они обманывали несравненно приятнее.

Дело и подлинно кончилось чудом: менее нежели в минуту гонимая мышь превратилась в прекрасную женщину. Какой вздор! – скажет любезный мой читатель, но прошу не дивиться: в Каибов век была такая мода на чудеса, как ныне на аглинские шляпки, и тот дом, в котором не случилось в неделю по крайней мере два чуда, был так же смешон, как ныне дом, где не играют в карты.

„Каиб, – сказала ему превращенная женщина, – ты спас мне жизнь; должно, чтоб я усладила твою: благодеяние рождает благодарность. Проси от меня, чего ты хочешь, и я в минуту исполню твое желание, хотя бы оно целило на богатства всего света“.

„Великодушная фея! – вскричал удивленный Каиб, – не имею я нужды в сокровищах; они столь велики, что сколь визири меня ни обворовывают, но ущерб в них так же мало приметен, как ущерб в Эзоповой реке, которую хотели выпить жадные собаки; и я надеюсь, что мои собаки так же перелопаются прежде, нежели вылакают море моих сокровищ; из сего можешь ты заключить, нужно ль мне желать их более? Сколь ни бесценною великий наш муфтий почитает свою бороду, но если бы захотел я соблазнить честного этого старца, то бы всю ее мог скупить по волоску, нимало не расстроив своих богатств. У меня нет также недостатка в красавицах; природа меня не обидела, и мой взгляд еще не

находил ни одной спорщицы в любви, – столько-то одарен я способностью нравиться! Впрочем, состояние мое столь блестяще, что спустя еще семьдесят лет не будет при моем дворе ни одной Венеры, которая бы не захотела меня иметь своим Адонисом; и хотя природа станет им противоречить, но воображение, конечно, ее победит. Может быть, пожелал бы я славы; но стихотворцы мои, хотя и спят сами на открытом воздухе, а мне настроили столько храмов славы, что если бы можно было их составить вместе на земле, то бы вышел из них город пространнее Пекина и великолепнее древнего Рима; итак, ты видишь, что мне ни в чем нет недостатка; со всем тем я зеваю, и по этому-то одному догадываюсь, что мне чего-нибудь недостает, но что это такое, того ученые из моих подданных отгадать не могут“.

„Каиб, – сказала ему волшебница, – желание твое исполнится: я знаю, что нужно к твоему блаженству. Исполни, что написано на этом перстне (при сем подала она ему перстень). Завтра поутру начни свой труд; но берегись его оставить; как же скоро успех увенчает его, то не будет человека на земле, который бы мог с тобою сравняться блаженством; прости и помни, что я всегда готова к тебе на помощь; как же скоро буду я тебе нужна для какого-нибудь совету, то вот тебе целый том од одного из бесприютных строителей храмов славы; едва прочтешь ты одну строфу, как на тебя найдет беспомытность; в сие-то время буду я тебе являться и давать нужные наставления. Прости, государь!“, – повторила волшебница и вмиг исчезла.

Каиб, отворотись к стене, захрапел, оставя до утра исследование дела; он даже – подивись, прекрасный и любопытный пол! – он даже не посмотрел, что написано на перстне.

На другой день нашел он на нем вырезанные сии слова: „Ступай немедля и ищи человека, который бы назывался

твоим врагом, не зная, что тебя любит, и который бы тогда ж назывался твоим другом, не зная, что тебя ненавидит; тот, в котором увидишь ты сие противоречие, один может излечить тебя от твоей зевоты“. – „Вот довольно огромная для перстня надпись, – скажет критик... Может ли она уместиться на перстне; это невероятность!“ – очень сожалею, когда свет ныне так испортился, что не верит сказкам; впрочем, вообрази, милостивый государь мой, такой перстень, на котором бы вся эта надпись поместилась, и критика исчезнет. „Но где же взять такую руку, которой бы впору был этот перстень?“ – спросят меня опять. О! кто знает Голиафа и Атланта, тот поверит, что на их перстнях можно было уписать более, нежели на надгробных досках людей нынешних веков.

„Милостивейший государь! – сказал Каибу шут, увидя сию надпись, – перстень этот есть явное на меня гонение моих неприятелей“. – „Почему ты это думаешь?“ – спрашивал его Каиб. – „Повелитель правоверных! – продолжал шут, – тебе советуют лечиться от скуки и не прописывают меня лекарством: не явное ли это желание унижить мой сан и силу? Как будто бы моя священная должность – смешить ваше величество – ничего не значила!“ – - „Не опасайся, – отвечал калиф, – изо всех моих визирей никто так хорошо, как ты, сорокою не скачет; итак, мои милости к тебе непоколебимы“. – „Еще слово, государь, – кричал шут, целуя его полу; – время, пожирающее все, может и меня лишить моих способностей служить вашему величеству, и я потеряю свою легкость; опасаясь, чтоб враги мои тогда не восторжествовали, предпринял я заранее оставить двор“. – „Пустое, пустое! – вскричал Каиб, – разве не можешь ты при моем дворе сыскать дела: выучись к тому времени ползать черепахою“. Шут еще раз поцеловал полу его одежды, а Каиб, не сказав

истинного происшествия своего перстня, зачал в самом деле
заниматься своим предприятием.

...

az.lib.ru/k/krylow_i_a/text_0120.shtml

РЕЧЬ, В КОТОРОЙ ЖАЛУЕТСЯ САПОЖНИК НА ЖЕНУ СВОЮ, написанная для примера риторических фигур

Когда я говорю да, она отвечает нет; вечер и утро, ночь и день — всё бранится (*Antithèse, противоположность*). Никогда, никогда нет с нею покоя (*Repetition, повторение*). Это фурия, дьявол (*Hyperbole, увеличение*). Но, несчастная, скажи (*Apostrophe, обращение*), что я тебе сделал (*Interrogation, вопрошение*)? О боже! как безумно поступил я, что на тебе женился (*Exclamation, восклицание*)! Зачем я не утопился прежде (*Optation, желание*)? Я не упрекаю тебя ни в том, чего ты мне стоишь, ни в заботах моих доставать нужное (*Prétention, прехождение*); а прошу тебя, заклинаю: оставь меня в покое и не мешай работать (*Obsécration, умоление*), или клянусь... страшись довести меня до крайности (*Imprecation et Réticence, заклинание и умолчание*). Она плачет; ах, смиренница! Вы увидите, что я же виноват во всем (*Ironie, ирония*). Хорошо! пусть так; я, конечно, скор, несколько вспылчив (*Concession, уступление*). Сто раз желал, чтобы ты была дурна; проклинал, ненавидел эти ехидные глаза, этот обманчивый вид, который меня с ума свел (*Asthéisme ou louange en reproche, похвала с упреком*). Скажи мне, не лучше ли бы ладить со мною добрым, ласковым обхождением (*Communication, общение*)? Наши дети, приятели, соседы, — все видят, что мы живем недружно (*Enumération, исчисление*). Они слышат вой твой, жалобы и ругательства, которыми ты меня потчуеть (*Accumulation, собрание*). Они видели, что ты, выпуча глаза, покраснев, как огонь, с растрепанными волосами, гонялась

за мною с угрозами (Description, *описание*). Все говорят о том с ужасом; придет соседка — рассказывают ей, прохожий слушает, пересказывает другим (Hypotypose, *изображение*). Подумают, что я грубиян, злодей, что во всем ты нуждаешься, что тебя бью, бью насмерть (Gradation, *восхождение*). Нет, все знают, что я тебя люблю, что сердце у меня доброе, что желаю видеть тебя спокойною и довольною (Correction, *поправление*). Небось, свет не обманешь неправда при неправом остается (Sentence, *изречение поучительное*). Увы! твоя бедная мать столько раз обещала мне, что будешь похожа на нее! Что скажет она? что теперь говорит? ведь она видит все, что делается. Так, я надеюсь, что она слышит; сам слышу, что упрекает она тебя за мои несчастья. Ах, мой бедный зять, говорит она, ты достоин лучшей участи (Prosopopée, *лицетворение*).

Фигуры суть орудия, которые натура дает в руки людям для нападения и защищения себя; человек, коим обладает страсть, употребляет оные слепо и по внутреннему вдохновению; рассказчик делает из них ремесло; красноречивый имеет ту выгоду, что действует ими сильно, проворно, благо-разумно и кстати.

ПОСЛАНИЕ О ПОЛЬЗЕ СТРАСТЕЙ

Почто, мой друг, кричишь ты так на страсти
И ставишь их виной всех наших зол?
Поверь, что нам не сделают напасти
Любовь, вино, гульба и вкусный стол.
Пусть мудрецы, нахмуря смуры брови,
Журят весь мир, кладут посты на всех,
Бранят вино, улыбку ставят в грех
И бунт хотят поднять против любви.
Они страстей не знают всей цены;
Они вещам дать силы не умеют;
Хотя твердят, что вещи все равны,
Но воду пьют, а пива пить не смеют.
По их словам, полезен ум один:
Против него все вещи в мире низки;
Он должен быть наш полный властелин;
Ему лишь в честь венцы и обелиски.
Он кажет нам премудрые пути:
Спать на жестке, не морщась пить из лужи,
Не преть в жары, не мерзнуть век от стужи,
И словом: быть бесплотным во плоти,
Чтоб, навсегда расставшись с заблужденьем,
Презря сей мир, питаться – рассужденьем.

Но что в уме на свете без страстей? -
Природа здесь для нас, ее гостей,
В садах своих стол пышный, вкусный ставит,
Для нас в земле серебро и золото плавит,
А мудрость нам, нахмуря бровь, поет,
Что здесь во всем для наших душ отравя,
Что наши все лишь в том здесь только права,

Чтоб нам на всё смотреть разинув рот.
На что ж так мир богат и разнообразен?
И для того ль везде природа льет
Обилие, чтоб только делать вред? -
Величеству ее сей суд обиден.
Поверь, мой друг, весь этот мудрый шум
Между людей с досады сделал ум.
И если б мы ему дались на волю,
Терпели бы с зверями равну долю;
Не смели бы возвесть на небо взор,
Питались бы кореньями сырыми,
Ходили бы нагими и босыми
И жили бы внутри глубоких нор.

Какие мы ни видим перемены
В художествах, в науках, в ремеслах,
Всему виной корысть, любовь иль страх,
А не запачканны, бесстрастны Диогены.

На что б вино и ткани дальних стран?
На что бы нам огромные палаты,
Коль были бы, мой друг, мы все Сократы?

На что бы плыть за грозный океан,
Торговлею соединять народы?
А если бы не плыть нам через воды,
С Уранией на что б знакомство нам?
К чему бы нам служили все науки?
Ужли на то, чтоб жить, поджавши руки,
Как встарь живал наш праотец Адам?

Под деревом в шалашике убогом

С праматерью не пекся он о многом.
Виньол ему не строивал палат,
Он под ноги не стлал ковров персидских,
Ни жемчугов не нашивал бурмитских,
Не иссекал он яшму иль агат
На пышные кубки для вин превкусных;
Не знал он резб, альфресков, позолот
И по стенам не выставлял работ
Рафаэлов и Рубенсов искусных.
Восточных он не нашивал парчей;
Когда к нему ночь темна приходила,
Свечами он не заменял светила,
Не превращал в дни ясные ночей.
Обедывал он просто, без приборов,
И не едал с фаянсов иль фарфоров.
Когда из туч осенний дождь ливал,
Под кожами зуб об зуб он стучал
И, щурясь на пасмурность природы,
Пережидал конца дурной погоды,
Иль в ближний лес за легким тростником
Ходил нагой и верно босиком;
Потом, расклав хворостинку беремя,
Он сиживал с женой у огонька
И проводил свое на свете время
В шалашике не лучше калмыка.
Все для него равно на свете было,
Ничто его на свете не манило;
Так что ж его на свете веселило?

А все-таки золотят этот век,
Когда труды природы даром брали,
Когда ее вещам цены не знали,
Когда, как скот, так пасся человек.

Поверь же мне, поверь, мой друг любезный,
Что наш златой, а тот был век железный,
И что тогда лишь люди стали жить,
Когда стал ум страстям людей служить.
Тогда пути небесны нам открылись,
Художества, науки водворились;
Тогда корысть пустилась за моря
И в ней весь мир избрал себе царя.
Тщеславие родило Александров,
Гальенов страх, насмешливость Менандров;
Среди морей явились корабли;
Среди полей – богатыри-полканы;
Там башни вдруг, как будто великаны,
Встряхнулись и встали из земли,
Чтоб вдаль блистать верхами золотыми.
Расстались с зверями люди злыми,
И нужды, в них роями разродясь,
Со прихотьюми умножили их связь;
Солдату стал во брани нужен кесарь,
Больному врач, скупому добрый слесарь.
Страсть к роскоши связала крепче мир.
С востока к нам – шелк, яхонты, рубины,
С полудня шлют сыры, закуски, вины,
Сибирь дает меха, агат, порфир,
Китай – чай, Левант нам кофе ставит;
Там сахару гора, чрез океан
В Европу мчатся, валы седые давит.

Искусников со всех мы кличем стран.

Упомнишь ли их всех, моя ты муза?
Хотим ли есть? – дай повара-француза,
Британца дай нам школить лошадей;
Женился ли, и бог дает детей -

Им в нянюшки мы ищем англичанку;
Для оперы поставь нам итальянку;
Джонсон – обуи, Дюфо – всчеши нам лоб,
Умрем, и тут – дай немца сделать гроб.

Различных стран изделия везутся,
Меняются, дарятся, продаются;
Край света плыть за ними нужды нет!
Я вокруг себя зрю вкратце целый свет.
Тут легка шаль персидска взор пленяет
И белу грудь от ветра охраняет;
Там английской кареты щегольской
Чуть слышен стук, летя по мостовой.
Все движется, и все живет меной,
В которой нам указчик первый страсти.
Где ни взгляну, торговлю вижу я;
Дальнейшие знакомятся края;
Знакомщик их – причуды, роскошь, сласти.
Ты скажешь мне: «Но редкие умы?»
Постой! Возьмем людей великих мы;
Что было их душою? Алчность славы
И страсть, чтоб их делам весь ахал мир
Там с музами божественный Омир,
Гораций там для шуток и забавы,
Там Апеллес вливает душу в холст,
Там Пракситель одушевляет камень,
Который был нескладен, груб и толст,
А он резцом зажег в нем жизни пламень.
Чтоб приобрести внимание людей,
На трех струнах поет богов Орфей,
А Диоген нагой садится в кадку. -
Не деньги им, так слава дорога,
Но попусту не делать ни шага

Одну и ту ж имеют все повадку.

У мудрецов возьми лишь славу прочь,
Скажи, что их покроет вечна ночь,
Умолкнут все Платоны, Аристоты,
И в школах вмиг затворятся ворота.
Но страсти им движение дают:
Держася их, в храм славы все идут,
Держася их, людей нередко мучат,
Держася их, добру их много учат.
Чтоб заключить в коротких мне словах,
Вот что, мой друг, скажу я о страстях:
Они ведут – науки к совершенству,
Глупца ко злу, философа к блаженству.
Хорош сей мир, хорош; но без страстей
Он кораблю б был равен без снастей.

[az.lib.ru/k/krylow i a/text_0230.shtml](http://az.lib.ru/k/krylow_i_a/text_0230.shtml)

Яков Борисович Княжнин

(1742–1791)

Яков Борисович Княжнин начал свою творческую деятельность, написав несколько трагедий, благодаря которым он стал известным, хотя многое им заимствовано из источников прежде всего французского происхождения. Найдите, как называются самые известные его трагедии и каким темам они посвящены.

Ниже приводимые произведения или их отрывки принадлежат к другим жанрам русской литературы. К которым их можно приурочить? По которым признакам?

СУДЬЯ И ВОР

сказка

Подлез, подкрался вор —
В ворота или на забор,
Нет нужды в этом;
Когда — зимой иль летом —
И в этом нужды нет.
О, как же любопытен свет!
Начни что сказывать, со спросами приступят
И ум рассказчика, хоть что, тотчас притупят
Подробно им скажи о том о сем:
Каков лицом?
Каков кудрями?
Каков бровями?
Велик ли рост?
И даже и о том, у вора есть ли хвост?
Довольно вам: его поймали,
Его связали
И привели к судьи
Судья кричит: «Ах, батюшки мои!..
Так! это он! старинный мой знакомец!
Стреляй, мой прежний сопитомец.
И с ним учился вместе я.
Он вор — а я судья!..
Скажи: товарищи, залетны наши птицы,
Где ныне? как живут? и чем? и кто?
Какие в обществе они играют лица?
Судьи ль они? или иное что?
С тех пор как с ними я расстался,
О них не слышу ничего».

На дружеский вопрос плечами вор пожался,
Сказав: «Повесили их всех до одного;
Лишь только я да ты остался».

ДУБ И ТРОСТЬ

Дуб гордый, головой касаяся до неба,
На гибку Трость смотрел с презрением с высоты.
«Какая, — говорил он ей, — в тебе потреба?
Пастушьей простоты
Игра и шутка,
Бывает из тебя лишь только дудка;
Из ветвий же моих — полубогам венцы
Сплетаются, победы их в награду.
Героям я даю отраду,
А ты — утеха ты барана иль овцы.
Творение, презренно целым миром,
Что дует, ты всему покорная раба;
Ты даже спину гнешь пред слабеньким Зефиром,
А мне ничто Бореева труба».

Как водится, пред знатным господином,
Пред силой коего всё — мелкая черта,
Трепещущая Трость, не разева я рта,
Почтенному дубовым чином,
Чтоб лишних избежать сует,
Дает низжайшими поклонами ответ.
Но вот, нахмуря брови черны
И ветренну Борей разинув хлябь,
С дождем мешая пыль, кричит: «Всё бей, всё грабь!
Все власти лишь моей, все быть должны покорны!»
Тирану этому уклончивая Трость,
Опять согнув хребтову кость,
Покорно бьет челом, ему упавши в ноги.
Не прикоснулася Бореева к ней злость,
Безвредно ей, он мчится по дороге
Туда, где крепкий Дуб стоит;

Он ждет и от него поклона,
Но Дуб от спеси лишь кряхтит, —
Не хочет Дуб нести Бореева закона.
Сильнее ветер там, где более упор,
И гневаться Борей безмерно скор:
С такою яростью на Дуб упрямый дунул,
Что с места он его и с корнем ссунул.

ЛАДНО И ПЛОХО

Разговор двух мужиков — Козовода и Мирохи

«А! кум любезный Козовод!
Давно ли?..» — «Вот лишь только с клячи»
— «Микола как тебя пасет?
В дороге много ли удачи?
Каков здоровьем ты?» — «Здоров.
А ты, Мирохо, сам каков?»
— «Я также. Наши все ль здоровы?»
— «Все, — слава! — кони и коровы;
Хевронья, тетушка моя,
Одна о Покрове дни пала;
Спасибо ей, домком живала,
И после ней с двором и я».
— «Ну, это ладно...» — «Нет, Мирохо,
Хоть ладно видится, да плохо.
Хевроньин дом старенек был.
О ней ли, што ли, он грустил,
От старости ль упал, иль с горя, —
О том, с тобою я не споря,
Скажу, что он меня сдавил
И сделал из меня лепешку».
— «И вправду, плохо.» — «Ни на крошку
Ты, куманек, не угадал.
Не плохо это — очень ладно.
Ведь денежки иметь изрядно?
Лишь только што оклечетал,
То, разбираючи я пади,

Нашел в широкой самой кади,
В капусте, денег жирный клад.
Приказчик дочь свою, Мавруху,
Мне отдал...» — «Ладно!..» — «Плохо, брат!
Жена-сумбурщица не лад.
Однажды эту я воструху,
Как солнце лезло на закат,
Застал в лесочке, за скотиной,
С Петрухой, знаешь, Красиком.
Со мной, он думал, с дураком;
А я вязовою дубиной
Бока как надо отхватал,
И от Маврухи он отстал»...
— «Што ж? Ладно!..» — «Нет, не больно ладно:
Маврухе, видишь, неповадно
С одним со мною только жить,
И ну грустить она, тужить,
Зачахла, сделалась как спичка.
Больных лечить плоха привычка,
Однако, бают, надо так.
Я трёс машинёю, как дурак,
Платил, платил, — не тут-то было.
Упрямое Мавруха рыло,
Хоть што, в могилу уперла;
Незапно подвела мне пешку,
И лекарям, и мне в насмешку,
Вчера как надо умерла».
— «Неужто и теперь не ладно?»
— «Насилу, кум, сказал ты складно!»

ОТРЫВОК ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ

(сокращено)

А

Азбука.

Знание, составляющее всю ученость многих, думающих о себе гораздо более.

Арифметика.

Искусство богатому считать свое, а бедному чужое.

Ах!

Затычка стихотворцев слабых и любовников охолоделых.

Авось.

Словцо, которое всех людей за нос водит.

Автор.

Отголосок древних умов.

Амур.

Проказливый мальчик для молодых красавиц и для набожных старушек.

Аминь.

Словцо, означающее конец. Оно по большей части венчает искусство врачей над участью больных.

Анбар.

Самая тесная комната у богачей, а обширная у бедняков.

Аргус.

Юнонин сторож, который стерег богиню Ио. Он имел у себя сто глаз. Ныне и с тысячию не успел бы в своей должности.

Аврора.

Мачеха плоских стихотворцев.

Архива.

Памятник судейским взяткам.

Б

Бал.

Собрание, в котором молодые люди в танцах выставляют свою фигуру; а старики свою за картами прячут.

Болван.

Вещь, на которую часто головы похожи бывают не одними париками.

Благословение.

То же, что и мешок; без денег ничего не значит.

Бесстыдный.

То же, что и пробошной мужичок, с свинцовой головкой; как его в нос не щелкай, всегда становится в позитуру.

Богатство.

Сильное свидетельство о способностях ко всему.

Божба.

Очень ходячая в свете монета, по большей части фальшивая.

Болтать.

Одно достоинство многих.

Бедность.

Уничтожение всех наших дарований.

Беспристращие.

Качество, весьма сумнительное и редкое.

Бессмертие героев.

Достоинство, покупаемое смертью многих простолюдинов.

Белила.

Подпора увядших красот.

Брак.

Панихида по любви.

Благодарность.

Не нынешнее, но древнее чувствование.

В

Важность.

Маска дураков, а особенно ученых.

Веселие.

По большей части значит перемену одной скуки на другую.

Воскресенье.

День узаконенный опочить от трудов. Простой народ, исполняя сей закон, чтобы крепче опочить, напивается допьяна.

Воспитание.

Блестящий лак, из-под которого и дурная картина бросается в глаза.

Врач.

От слова враг часто отличается только переменою буквы *г* на *ч*.

Война.

Искусство, показывающее правило, как себя порядочнее убивать.

Взятки.

Судейский оселок, на котором они пробуются без ошибки.

Воображение.

Огромный анбар, в котором хранятся разного рода придури.

Высокомерие.

Помнится, божество идолопоклонников, творящее и чудеса и глупости.

Вопрос.

Речь, доказывающая и очень умного, и очень глупого человека.

Вселенная.

Театр человеческих деяний.

Г

Гордость.

Огромная вывеска самой маленькой души.

Глупость.

Качество общее, с которым можно быть долговечну.

Гроб.

Предел желаний.

Грех.

В слабомыслящем человеке он рождается каждую минуту, но здравый рассудок принимает его на себя очень редко.

Город.

Место, где всякий, надев маску, старается сыграть свою роль как можно лучше.

Герб.

Замена личного достоинства.

Гость.

Для скупого самая несносная особа.

Гром.

Пробуждение природы и закоснелой в преступлении совести.

Грабить.

Пример, как с помощью силы разживаться.

Гнуть.

Ежели спиною, то в передних знатных господ; ежели совестью, то за судейским столом; ежели языком, то у ног любовницы.

Гулянье.

Место, где красавицы, не смотря ни на кого, заставляют всех на себя смотреть.

Д

Детство.

Возраст человеческий, в котором играют в куклы. Сей возраст во всю жизнь его продолжается -- разница только в куклах.

Добрый человек.

Смирный, не делающий другому вреда. Итак, такая доброта есть и в собаке, которая не кусается.

Дерзость.

Деяние, которое приемлет наиблистательнейшее имя, если есть удача.

Деньги.

Существительное отменных свойств, занимающее одно само собою всевозможные прилагательные.

Дураки.

Они то, что самые темные тени в картинах -- нужны для оттенки.

Дать.

Глагол весьма неупотребительный, а только употребляется там, где нет надежды более взять.

Добродетель.

Епанча, которую на себя надевают честные люди, чтобы чем ни есть от плутов отличиться.

Добросердие, добродушие.

Платье, в котором летом очень жарко; а зимою очень холодно. И для того его ныне, кроме бедняков и простых людей, никто не носит.

Достоинство.

Где оно заключается в степенях богатства, там часто

бывает оно без достоинства.

Дружба.

Душевная свадьба, которая подвержена нередко разводной.

Доволен.

Сие чувство столь же от нас далеко бежит, как должник от заимодавца.

...

az.lib.ru/k/knjazhnin_j_b/text_0200.shtml

Михаил Дмитриевич Чулков

(1744–1792)

Вторая половина XVIII века в русской литературе характерна и тем, что растет количество читателей: это и результат роста грамотности, и заслуга журналов, и следствие того, что книги становились дешевле. Это, однако, и результат нового «стиля» литературы, соединяющего «полезное с приятным», т.е. литературы, которая кроме содержания, приносящего возможность задуматься над данной Темой, приносит читателю и наслаждение. М. Д. Чулков – один из представителей именно такого направления в русской литературе.

Прочитав ниже приводимые тексты, определите, чем именно они могут оказаться привлекательными для тогдашнего читателя. Какие новые темы чулковские произведения приносят?

В ЧУЖОМ ПИРУ ПОХМЕЛЬЕ

Попал и Милозор – неубогие нашей империи дворяне, великие между собою друзья и довольно по городу знатные люди. Милозор был холост, а друг его женат; хотя и сомнительно, чтоб между такими людьми могло быть сохраняемо дружество, однако они довольно старались умножать его и почитали за удовольствие быть верными друзьями. Ревность к жене Попала не запрещала Милозору быть всякий день в его доме и обходиться свободно с его супругою, которая называлась Прекраса. Попал, положась на дружество своего приятеля, нимало не сомневался в его честности. Напротив того, и Милозор хранил ее столько, сколько добродетельный и разумный человек сохранить ее может. Он не только сделать, но и подумать не хотел, чтоб опорочить брачное ложе своего друга и приставить ему рога, хотя и имел в себе довольно достоинства, чтоб поколебать верность его супруги, для того что в нынешние времена всякой постоянной жены добродетель и верность и без ветра шатаются. Однако Милозор не хотел этого и слышать.

А как известно, что в древние времена черти были великие смельчаки и непосредственные нахалы, то некто из оных для разгулки замешался в сие дело, начал дурно и кончил нехорошо, что покажет и последование.

У Попала в доме жила крепостная его девка, она была весьма знакома Ладе, которая дарила ее всякий день новыми прелестями для влюбившегося Милозора, которого сердце раздроблено было стрелами сея красавицы. Впрочем, не обижая Прекрасу, имела она с ней равную красоту. Милозор всякий день старался подцепить сию красотку, склонял ее

деньгами, обещал выпросить ей свободу и, словом, поднимался на всякие мудрости; однако ничто ему не удавалось. Наконец, когда увидел он, что все его поиски и хитрости напрасны, тогда предпринял объявить об этом Попалу, которого дружество, надеялся он, учинит ему помощь. В этом он и не обманулся. Попал обещал ему сделать сию услугу; а что она порочна, то они оба знали, да, думаю, и сочинитель об этом ведаёт, только не знает, как примет ее читатель; ежели он великодушен, то, конечно, простит слабость сию двум молодым друзьям. Начали они советовать таким образом. Попал говорил своему другу:

-- Слушай, Милозор! Я притворюсь в нее влюбленным и начну склонять ее ласкою; а ежели она не склонится, то употреблю в сем случае господскую власть и принужу ее силою. Сегодня ночью в двенадцатом часу прикажу ей прийти в сад, в ту темную беседку, в которой, как ты знаешь, и днем никого почти не видать, не только ночью, и так ты вместо меня можешь пользоваться этим случаем.

Выдумка была похвалена с обеих сторон, и Милозор высыпал благодарности своему приятелю с излишком.

-- Я столько обрадован, -- говорил он ему, будучи в восхищении, -- как будто бы уже все действительно получил.

-- Поезжай домой, -- отвечал ему Попал, -- чтоб лучше избежать подозрения, и в назначенное время явись к одержанию победы.

Потом они расстались. Попал, нимало не мешкая, начал предприятие свое производить в действо; в чем ему очень легко и удалось. Устрашенная прелестница обещала ему все по его воле исполнить.

Когда начала приближаться ночь к нашему Зениту, тогда расплаканная девушка пришла к госпоже Прекрасе и объявила ей происхождение свое подробно. Сколько ни велик был страх, однако сожаление было в ней больше, чтоб поте-

рять свою честь. А правда или нет, что она так много сожалела о своем целомудрии, того я и сам не знаю. Кажется мне, что всякая взрослая девушка охотно согласится поамурится в темной беседке, где никакого стыда на лице приметить не можно; впрочем, я того не утверждаю и оставляю толковать тем людям, которые меня гораздо попостояннее. Прекраса, услышав сие, пришла в превеликое огорчение: бешенство овладело ее сердцем и наполнило ее ненавистью к мужу, вот ему поверить должно без всяких отговорок, потому что ревность все в состоянии Сделать из женщины. Пришед опять в прежнее чувство, благодарила она свою девку от искреннего сердца и обещала ей награждение, а мужу вознамерилась мстить за ого неверность. И так приказала она мнимой своей совместнице куда-нибудь на время спрятаться, а сама пошла на назначенное свидание, нимало не сомневаясь, чтоб кто-нибудь другой туда пришел, выключая ее мужа. И таким образом, будучи в сих мыслях, пришла туда и, дожидая малое время, услышала, что подходит к ней человек, который не хотел ей сказать ни одного слова, затем чтобы его не узнали, а Прекраса также. И таким побытом Милозор, не мешкая нимало, исполнил то, за чем пришел. После, взявшись оба за руки, пошли вон из их сборища, в которое завел их сонный Купидон. В превеликой шли оба радости: один думал открыть свою страсть своей красавице, а другая хотела укорять своего мужа неверностью. Ночь была довольно светла, и без всякой остановки можно было им себя разглядеть. Как скоро они вышли на свет, то, взглянув друг на друга, ахнули и остолбенели; стыд замешался между ними и сделал их неподвижными. Потом Прекраса вскоре увидела своего мужа, а Милозор своего друга, который, проведая все от девки, бежал предупредить нечаянное свое несчастье. Как скоро он к ним подбежал, то оба они стали перед ним на колени и как возможно лучше извинялись в своем погрешении. Вы-

слушав их, бедный рогоносец бросился и сам перед ними на колени и просил у жены своей прощения. Все были правы и все виноваты: Прекраса и Милозор остались в выигрыше, а Попал, желая услужить другу, проиграл свое собственное и сказал: „Быть так, грех да беда на кого не живет“. Впрочем, дружество их сею свалкою не кончилось; хотя они сделались свояками, однако друзьями умерли.

СТАВЛЕННИК

У некоторого дворянина в селе отошел священник к братии аде лежащим и повсюду православным, а простее умер, остался господин, крестьяне и, словом, все словесные овцы без пастыря. В будни могли они обойтись без попа, а в воскресные дни никоим образом было невозможно, потому что они не знали, в которые дни долженствовали быть праздники. Господин имел у себя дьячка, который очень скуден был разумом, однако ж он умел читать и писать по-деревенски, так думали, что для сельского попа таланта этого и довольно. Помещик написал письмо к близкоживущему от них архиерею, чтоб он, проэкзаменовав его дьячка, посвятил бы в попы; и так отправил с письмом дьячка к оному.

Архиерей, прочитав письмо, хотел исполнить просьбу господина и так желал узнать разум дьячка, к нему присланного.

-- Должно, -- говорил ему, -- увериться мне в том, довольно ли ты читал духовных и светских книг и сколько ты об оных имеешь понятия; выпиши мне вкратце, что говорят в своих сочинениях Лукиян, Федр и Плутарх, -- и так отпустил его от себя.

Спустя целые три дня пришел дьячок к архиерею, который спросил его о задаче, приказал читать при всех, кто тут ни был. Дьячок перекрестился и начал:

-- Лукьян говорил, чтоб чужие мужики монастырского лесу не рубили, а коли не так, то высекут их плетьюми; Федор говорит, что он мясом больше торговать не хочет; а плут кричит громче всех: „Не шуми, мати зеленая дубрава“.

Архиерей, услышав это, ужаснулся и не знал, что и говорить такому великому проповеднику; однако, собравшись с силами, спросил его, откуда он это выписал?

-- Это я от них от самих слышал, ваше преосвященство, -- отвечал дьячок. -- Третьего дня, как я от вас пошел, увидел мужика, сидящего на дереве, который кричал, чтоб не рубили монастырского лесу. Я спросил его имя, и он мне сказал, что зовут его Лукьяном. Прошед еще несколько, встретились со мною два прохожих, из которых один говорил, что он мясом торговать больше не хочет; также спросил я и этого об имени, и он мне сказал, что называют его Федором. Подходя к нашей деревне, увидел я нашего охотника, который, сидя под деревом, пел песню „Не шуми, мати зеленая дубрава“; этого я об имени не спрашивал, для того что я знаю, он изо всей нашей деревни первый плут; и так, пришедши домой, записал я все их слова, которые и читал теперь перед вашим преподобием.

Архиерей тотчас отгадал весь его разум и сведение и, желая еще уведомиться о его премудрости, говорил ему:

-- Слушай! У Ноя было три сына, Сим, Хам и Афет, кто им отец?

-- Пожалуйте на три дни сроку, -- отвечал ставленник, -- для того что эта задача весьма трудная.

Архиерей позволил ему три дни о том подумать.

Дьячок, пришедши домой, выгнал жену свою и детей всех вон из избы и, запершись кругом, начал ходить взад и вперед и твердить:

-- У Ноя было три сына, Сим, Хам и Афет, кто им отец, у Ноя было три сына, Сим, Хам и Афет, кто им отец.

Препроводил в сем упражнении день, и на другой твердит все то же. Жена, пришедши к дверям, послушала и узнала еще в первый раз, что муж ее глуп через край, и так начала стучаться. Дьячок, занятый важными мнениями, рассердился на свою жену больше, нежели Юпитер на гигантов; тот побил их всех громом, а этот хотел пришибить жену свою обухом.

-- Куда ты идешь, -- говорил он, -- безмозглая тварь, и мешаешь мне думать о таком важном деле?

-- Не то ли велико, -- спрашивала жена, -- что ты твердишь целые уже два дни?

-- Да, двуножная скотина, -- отвечал муж, -- на что ты мешаешься в такую премудрость, к которой природа произвела меня и мне подобных мужей?

-- Да, я вижу, -- отвечала жена, -- что ты со всею своею премудростью не можешь растолковать безделицы.

-- Что ж ты называешь безделицею, говори, -- закричал дьячок, рассердившись.

-- Ты твердишь, что у Ноя было три сына: Сим, Хам и Афет, в не знаешь, кто им отец?

-- Да, -- отвечал дьячок.

-- Глупый! глупый! -- говорила жена, -- да у нашего кузнеца Василья три сына, Николай, Иван, Алексей; ну, так Василий кузнец им и отец.

Разумный муж усмехнулся и благодарил ее от всего дьячковского сердца, что она растолковала ему столь трудную задачу; и так поутру, не успело еще рассветать, то он и отправился к архиерею в превеликой радости.

Архиерей как скоро его увидел, то и спросил:

-- Ну, решил ли ты свою задачу?

-- С превеликим успехом, ваше преосвященство, -- отвечал он архиерею. -- Вы изволили спрашивать, у Ноя было три сына, Сим, Хам и Афет, кто им отец?

-- Да, -- отвечал ему архиерей.

Дьячок ему говорил:

-- Ну, так я вам сказываю, нашего села Василий кузнец.

Преострая эта голова сделала то, что архиерей захохотал изо всей силы, и все, кто тут ни был, не могли удержаться от смеха.

Пересмеявшись, спросили у него, в каком он летописце сыскал такую правильную родословную.

-- Жена моя мне сказывала,-- отвечал он,-- а она действительно знает этого кузнеца и всех его домашних.

Потом спрашивал архиерей у стоящего тут священника, как должно поступить в таком случае, ежели упадет в дары муха? Священник говорил:

-- Сложив два перста, изъяти ее, вложить во уста, обсосать и выплюнуть в укромное место; а если совесть не зазрит, то и проглотить.

-- Ну, а у тебя ежели случится, что упадет бык в святую воду, -- спрашивал архиерей у ставленника, -- как ты с ним поступишь?

-- Сложив два перста, -- отвечал дьячок, -- изъяти его, вложить во уста, обсосать и выплюнуть в укромное место; а ежели совесть не зазрит, то и проглотить.

Архиерей сказал ему на это, что он опасен будет для общества, ежели станет глотать по целому быку в один раз.

-- Нет, друг мой,-- примолвил он, -- ты имеешь весьма высокое понятие, и так советую тебе лучше быть астрономом, нежели попом, паши ты лучше землю днем, а ночью примечай движение планет, авось-либо какой-нибудь басенный бог вместит тебя в небо и сделает новое созвездие под именем дурака.

И так не велел ему быть и дьячком, не только попом.

ДРАГОЦЕННАЯ ЩУКА

По древнему названию посул, по-нынешнему взятки, а по-иностранному акциденция когда начало свое восприяла, в том все ученые между собой несогласны, да и в гражданской истории эпоху сию не скоро сыскать возможно; а потому и нельзя достоверно утвердить, какой народ преимущество в том изобретении взять должен.

Не заимствуя в истории других государств, удоволимся мы бытием дел и случаев своего отечества. В древние времена позволены были у нас взятки, что доказывается челобитными, подаванными от тех людей, которые желали определиться в город воеводою, в них писали обыкновенно: „Надежа-государь, отпусти в город покормиться“. А потом и от дел акциденция была дозволена; но как государственные доходы приведены в совершенную известность и меру, а потому учинены штаты и определено всем находящимся у дел жалованье, то взятки, или, учтивее, акциденция, вовсе отменены и строго запрещены.

Великая сия перемена учинилась причиною великих изобретений, и заботливые умы к накоплению имени дробными правилами не давали себе покоя и составили из себя целые академии проектов, каким образом подкопаться под храмину, сооруженную та твердом и глубоком каменном фундаменте. Многим было предприятие сие неудачно, а другие, поосновательнее их в изобретениях, получили довольные успехи. Явно брать взятки не дерзнули, но направили их течение потайным каналом, прикрыв его таким покрывалом, что иногда и самые прозорливые люди увидеть и дойти до того никак не могут. Исчисление коих хитростей, ежели оные описывать, составит петь частей „Пересмешника“, а нам недостает здесь только двадцатой главы; следовательно,

описание их должны мы оставить до другого случая, а теперь удовольимся одною только из них хитростию, а именно похождением драгоценной щуки.

Около того времени некто основательный человек, с расчетом эконома, приказан, прозорлив, искателен и заботлив, отставной надворный советник, определен был воеводою в город, стоящий подле реки, из знатных в России, из которого обыватели отправляли торговлю к портам и были нарочито зажиточны, не токмо собственно для себя, но могли служить и начальникам, что вновь определенному воеводе небезызвестно было. Он прибыл в город со своею свитою в половине дня и поместился в доме, нарочно для него заготовленном, убранном и всею домашнею утварью снабженном. Магистрат, испросив дозволение, пришли к нему на поклон с хлебом и солью. Хлеб лежал на серебряном блюде и соль в золотой солонке. Воевода, приняв хлеб и высыпав на оный соль, блюдо и солонку отдавал им назад. Купцы, не принимая, кланялись и говорили, что хлеб от посуды не отлучается и они кланяются всем его высокоблагородию; который, приняв на себя суровый вид, говорил им гневно, чтобы они и впредь так поступать не отваживались, и когда до него приучены к таким неблагопристойным поступкам, то во время правления его должны отвыкнуть. Купцы, как громом поражены будучи, взяв блюдо и солонку, пошли в магистрат и, уподобясь черной земле, не могли друг другу и сообщить своего отчаяния по причине той, что воевода уже не но них, который не принимает от них таких поклонов, а особливо при нервом случае; каковое их сердечное предчувствование вскоре потом и сбылось.

На другой день поутру разлилась великая и непомерная строгость по городу. Мещане, кои были попростев купечества, думали, что правительство вместо воеводы впустило к ним в город неученого лесного медведя, с которым они сла-

дить не могут; а поразумнее обыватели пришли от того в отчаяние и не знали, что начать: собрались в магистрат, сидели, повеся головы, и один другому не говорили ни слова. Старик, лет семидесяти, подошед в то время к собранию, говорил:

-- Не отчаивайтесь, друзья, не вешайте голов и не печальте хозяина; огладится зверек -- ручнее будет. Я уже доживаю седьмой десяток и воевод здесь много видал; тут есть, может быть, какая-нибудь уловка: сыщите кого-нибудь из его домашних на свою сторону и выпросите, не охотник ли его высокоблагородие до чего-нибудь особо; так дело все и перевернется на другой манер.

Совет стариков принят был за благо, и отряжен в ту комиссию молодой купец, человек проворный, говорун, торгующий виноградными напитками: то с помощью их и пятидесяти рублей серебряной монеты на другой день, ко удовольствию всего города, купечества, мещанства, ремесленных и прочих обывателей, объявлено было от него, что он чрез камердинера воеводского проведал, что его высокоблагородие неслыханный охотник до щук. Без всякого промедления найдена была в городе самая большая щука, заплачено за нее без ряда, и поднесена воеводе, который с превеликим восторгом принял ее своими руками и сказал магистрату:

-- Вот подарок, которым вы меня крайне одолжили, и я вам должен чистосердечно признаться, что я такой до них охотник, что все то, что вам ни угодно, делать буду, и вы от меня ни в чем отказу не получите.

Догадка изрядная, опыт с успехом, и купцы были весьма обрадованы, что они такую милостию могут иметь воеводу всегда па своей стороне. На другой день купец, имевший домашнее дело свое в канцелярии еще не решенным, вознамерился утруждать о том новоопределенного воеводу; просьбы же своей никогда они без приносу не употребляют; а известен уже будучи, что судья кроме щук ничего не при-

нимает, пошел он на садки и спрашивал отменной величины щуки; ему показана была похожая на вчерашнюю, за какую от магистрата заплачено было четыре рубля, но с пего просили уже восемьдесят рублей. Знал он верно, что нужда закон переменяет; а притом, может быть, имел уже и сию догадку, что для воеводы малоценная щука невкусна; заплатил требуемую сумму и отнес к градодержателю, которым он и щука приняты были благосклонно, и продолжавшееся дело обещано было кончить. На третий день магистрат, собравшись попросить воеводу о некотором общественном деле, за такую же щуку заплатили уже триста рублей. Наконец дошло до сведения всего города и уезда, что щуки, подносимые воеводе, не составляют из себя множества, но есть она одна, которая по принесении к нему отправляема была обратно в садок; и продавалась различными ценами, потому что дела просителей имели разные качества: например, магистрат, прося об общественных делах, всякий раз покупал ее по триста рублей, купцы для собственных своих дел, кои побогачее, по сту, а понедостаточнее по пятидесяти рублей; дворяне также покупали ее разными ценами для подносу воеводе, смотря по состоянию своего дела; а откупщик, или коронный поверенный того города и уезда, когда случалась ему по откупу надобность, которая нередко бывала, а особливо для выемок корчемного вина, генерально платил за нее по пяти-сот рублей, а иногда и более, смотря на надобность собственного своего прибытка.

К сей отменной продаже определен был от воеводы самый исправный приказный служитель, знающий совершенную цену подаваемых челобитен и дел нерешенных, сверх того состояния и капиталы все в городе и уезде живущих. Он для каждого покупателя назначал цену щуке и посылал записку на садок, где она хранилась, за содержание и сбережение которой платили за каждый месяц рыбаку по десяти

рублей, и сей рыбак был крепостной воеводский, выписанный для того нарочно из другой губернии, дабы дело содер-
жать в тайне.

Сия тварь орудием взяток избрана была, как кажется, потому: первое, что имеет она острые и многочисленные зубы, в которые если случится какой-нибудь другой рыбе или иному животному попасться, то уже спасения живота и возврату на сей свет не ожидай; второе, столь прожорлива, что втрое больше себя животное съедает и опустошает целые пруда другой рыбы, не спуская и своему роду; третье, жизнь продолжает долее всех ей подобных, и мне кажется, можно бы назначить ее изображением ехидной ябеды, а не правосудия.

В пять лет воеводства надворного советника, по собственным его выкладкам и достоверным приказного служителя запискам, щука сия стоила около двадцати тысяч; но превзошла б она и сию цену, ежели б сему добросовестному воеводе не последовала смена, по причине, как сказывают, притеснения неимущих, которым за настоящую цену щуки оной продавать не хотели, а требовали всегда назначенную приказным служителем; но недостатки их лишали той покупки, а оттого, сказывают, многие растеряли деревнишки и дворишки, которые и причислены к селам, сельцам и дворам обширным и знаменитым.

Расставаясь с воеводством, угощал он дворян и знаменитых купцов, где, между прочим, употреблена была в пищу и та драгоценная щука, которой куски, доставшиеся каждому, ценены были в шутку иной в тысячу, иной более и менее, как кому совесть позволяла; но смененный воевода при сем случае, так как и прежде прищучивать умея, отвечивал каждому без застенчивости, что он служил за то чем только мог и умел.

-- А может-де, получите, -- прибавил он, -- какого-нибудь военного безграмотного воеводу, который, не смысля силы законов, ни себе, ни людям добра не сделает; сам будет без хлеба, да и других не накормит; а я оставляю многих здешних обывателей, а особливо приказных служителей до последнего такими, которые неусыпным моим старанием в производстве по большей части трудных и сомнительных дел довольно руки понагрели и запасли не только себе, но и деткам.

az.lib.ru/c/chulkow_m_d/text_0070-1.shtml

ПРИГОЖАЯ ПОВАРИХА, ИЛИ ПОХОЖДЕНИЕ РАЗВРАТНОЙ ЖЕНЩИНЫ

Часть I

Его Высокопревосходительству действительному камергеру и разных орденов кавалеру

Премногомилосердому моему государю[]*

[] – Здесь имени его не будет по причине той, чтоб не ошибиться. Книги приписываются людям, смотря по содержанию их и по сложению тех людей, кому они приносятся. Я же видал весьма много таких книг, которые приносились знатым господам, но вместо того чтобы добродетели их увеличить, послужили они им сатирою. Так как бы кто, желая похвалить своего мецената, но не зная в похвалах толку и умеренности, весьма нелепо его выругал. И так, опасаясь сего и сверх того не зная доброты сочиненной мною книги, никому именно ее не приписываю. Титул же высокопревосходительства украшает человека, того ради и я поставил его для украшения моей книги, однако не высокопревосходительством желая ее украсить, но теми только буквами, из которых слово сие набрано и напечатано; а следующее письмо приношу всякому высокопревосходительному и высокодобродетельному господину генералу, камергеру и кавалеру, которого изрядные качества, снисхождения и милости выхвалять от искреннего моего сердца неусыпно желаю.*

*Ваше Высокопревосходительство
Милостивый Государь!*

Все, что ни есть на свете, составлено из тлена, следовательно, и приписуемая вам сия мною книга сделана из тлена. Все на свете коловратно; и так книга сия теперь есть, несколько времени побудет, наконец истлеет, пропадет и выдет у всех из памяти. Человек рождается на свет обозрети славу, честь и богатство, вкусить радость и утеху, пройти беды, печали и грусти; подобно и книга сия произошла на свет с тем, чтобы снести ей некоторую тень похвалы, переговоры, критику, негодование и поношение. Все сие с нею сбудется, и наконец превратится в прах, как и тот человек, который ее хвалил или порочил.

Под видом и под названием книги желание мое препоручить самого себя под покровительство вашего высокопревосходительства: желание общее всех людей, которые не имеют у себя царских портретов. Производятся люди достойные, следовательно, разум, добродетели и снисхождения ваши возвели вас на сию высокую степень. Вам сродно оказывать милости неимущим, а я удобен заслуживать оные со всяким усердием. Кто же вы таков, о том узнает общество тогда, когда будет иметь счастье пользоваться вашими благодеяниями.

Вашего высокопревосходительства милостивого государя нижайший слуга

Сочинитель сея книжки.

Предуведомление

Ни звери, ни скоты наук не разумеют,
Ни рыбы, ни гады читати не умеют.
Не спорят о стихах между собою мухи
И все летающие духи.
Ни прозой, ни стихом они не говорят,
Так стало, что они и в книгу не глядят.

По сей причине зримой
Читатель мой любимой,
Конечно, будет человек,
Который весь свой век
В науках и делах трудится
И выше облака понятием мостится.
И будто бы того он в мыслях не имел,
Что разуму его и воле есть предел.
Всех тварей оставляю,
К тебе, о человек! я речь мою склоняю,
Ты чтец,
Делец,
Писец.
И словом вымолвить ты много разумеешь,
Вверх дном ты книги взять, конечно, не умеешь,
А станешь с головы рассматривать ее,
И будешь видеть в ней искусство все мое,
Погрешности мои все в одной находи,
Но только ты, мой друг, не строго их суди,
Ошибки сродны нам, а слабости приличны,
Погрешности творить все смертные обычны.
С начала века мы хотя в науках бродим,
Однако мудреца такого не находим,
Который бы в весь век ошибки не имел,
Хотя бы он к тому и танцевать умел,
А я не поучен ни в дудку, ни плясать,
Так, следовательно, могу и промах дать.

ПРИГОЖАЯ ПОВАРИХА

Я думаю, что многие из наших сестер назовут меня нескромною; но как сей порок по большей части женщинам сроден, то, не желая против природы величаться скромною,

пускаюся в него с охотою. Увидит свет, увидев, разберет; а разобрав и взвесья мои дела, пускай наименует меня, какую он изволит.

Известно всем, что получили мы победу под Полтавою], на котором сражении убит несчастный муж мой. Он был не дворянин, не имел за собою деревень, следовательно, осталась я без всякого пропитания, носила на себе титул сержантской жены, однако была бедна. От роду мне было тогда девятнадцать лет, и для того бедность моя казалась мне еще несноснее; ибо не знала я обхождения людского, и не могла приискать себе места, и так сделалась вольною по причине той, что нас ни в какие должности не определяют.

В самое это время наследила я сию пословицу: „Шей-де, вдова, широки рукава, было бы куда класть небыльные слова“. Весь свет на меня опрокинулся и столько в новой моей жизни меня возненавидел, что я не знала, куда приклонить мне голову.

Все обо мне переговаривали, винули и порочили меня тем, чего я совсем не знала. Таким образом, ударилась было я в слезы; но честная старушка, которая известна была всему городу Киеву, ибо в оном я тогда находилась, взяла меня под свое покровительство, и столько сожалела о моем несчастии, что на другой день поутру сыскала молодого и статного человека для моего увеселения. Сперва показалась было я упрочною, по через два дня охотно предприняла следовать ее советам и позабыла совсем свою печаль, которую чувствовала я невступно две недели по кончине моего супруга. Сей человек был больше молод, нежели хорош, а я пригожа довольно, а на „красенький цветочек и пчелка летит“. Он был дворецкий некоторого господина в тратил деньги без остановки потому, что они были прямо господские, а не его собственные. Таким образом, были они доказательством любви его ко мне и служили вечным залогом. В скором времени почти весь гости-

ный двор узнали, что я великая охотница покупать нужные вещи и безделицы, и поминутно почти прирастали в нашем доме пожитки и прибывало имение.

Я твердо знала сию пословицу, что „богатство рождает честь“. Итак, наняла себе служанку и начала быть госпожою. Умела ли я людьми командовать или нет, о том и сама не знаю, да мне и не было тогда нужды входить в такую мелочь, а довольно того, что я ни за что сама приняться не хотела, и ехала на моей служанке так, как дурак на осле. Господин камердинер и сам желал не меньше меня господствовать, того ради нанял мальчишку, чтоб оный прислуживал ему тогда, когда беседует он у меня, а у меня бывал он безвыходно, следовательно, господство наше ни на минуту не прерывалось, и мы кричали на слуг так, как на своих собственных, били их и бранили, сколько нам угодно было, по пословице: „На что этого боля, когда дураку есть воля“. Да мы же поступали так, что „били дубьем, а платили рублем“.

Чем больше имеет убранства женщина, тем больше бывает в ней охоты прохаживаться по городу, и от того наши сестры многие портятся и попадают под худые следствия. Я была довольна всем, и всякий ясный день бывала на гульбищах, многие меня узнали и многие хотели завести со мною знакомство.

Некогда близко полуночи стучался у наших ворот человек, который не столько просился, а больше хотел вломиться силою. Мы бы его и не пустили, однако силы нашей не доставало, а господина камердинера у нас тогда не было; таким образом, послала я слугу отпирать, старуха моя готовилась его встретить и спрашивать, а я тогда спряталась и думала, что не Парис ли приехал за Еленою по причине той, что я была завидная женщина в том городе; или, по крайней мере, так о себе думала.

Отперли им ворота, и вошли они в горницу двое, один казался из них слугою, а другой господин, хотя и одет был похуже первого. Не говоря ни слова, сел он за стол и, немного посидя, вынял табакерку, осыпанную алмазами. Старуха моя тотчас ее обозрела, от чего трусость ее переменялась в радость, и перестала она сих людей почитать неприятелями нашего рода. Молодой этот и пригожий человек спрашивал у нее, не здесь ли живет Мартона, а так называлась я, на что отвечала она: „Я этого не знаю, а спрошу у моего хозяина“. И так, прибежавши ко мне, говорила, чтобы я им показалась и что золотая табакерка уверила ее о некотором счастье, и притом примолвила сию пословицу: „Аз не без глаз, про себя вижу“. В таких случаях и я была не промах, и к счастью моему, что я не была еще тогда раздета, таким образом появилась к новому моему Адониду^[3] с торжественным лицом и благородною пошибкою, и правду сказать, что принята им была хотя не за Венеру, однако за посредственную богиню, по приговорке: „По платью встречают, а по уму провожают“. В самый первый раз показался он мне столько нежен, что в угодность его охотно бы я бросила камердинера, а как подарил он мне ту табакерку, то уже мне и подло показалось иметь сообщение с холопом. По золотому с алмазами подарку заключила я, что сей человек не простого рода, в чем и не ошиблась. Он был господин, и господин не последний. Первое сие свидание было у нас торгом, и мы ни о чем больше не говорили, как заключали контракт, он торговал мои прелести, а я уступала ему оные за приличную цену, и обязались мы потом расписками, в которых была посредником любовь, а содержательница моя свидетелем; а как такие контракты

[3] Адонид -- Адонис -- сын кипрского царя, равный по красоте бессмертным богам; возлюбленный Афродиты (греч. миф.).

не объявляются никогда в полиции, то остался он у нас и без всякого приказного порядка ненарушимым. Господин положил посещать меня часто, а я обещалась принимать его во всякое время, и так с тем расстались.

По выходе его, не столько радовалась Венера данному ей яблоку, сколько любовалась я подаренной мне табакеркою. Перевертывала я ее в руках, сколько хотела, казалась сто раз старухе, слуге и служанке, и когда что говорила, то указывала всегда табакеркою и все примеры делала ею. А когда чрезвычайная сия радость позволила успокоить мне взбешенный от подарка разум и утомленные от неумеренного кривляния члены, тогда положила я ее против кровати на столике и уснула; но впрочем и во сне живо она представлялась передо мною по пословице: „Кто нового не видал, тот и поношенному рад“. Правду сказать, что табакерка была несколько пообита; но для меня казалась она нова, ибо я отроду таких вещей у себя не имела и иметь их никогда не надеялась.

В десятом часу пополуночи пожаловал ко мне прежний мой волокита; признаюсь, что так скоро отбоярить его совесть меня зазрела, а не желая иметь с ним компании, притворилась я больною; а любезный для меня подарок позабыла снять со столика, и как скоро он его увидел, то взял в руку и, посмотрев несколько, спрашивал меня, где я взяла такую вещь; я ему сказала, что я купила.

-- Пстой, моя государыня, -- говорил он мне, -- я с тобой инаково переделаюся. Табакерка эта моего господина, и он вчерась только ее проиграл в карты, как сам мне о том сказал, так скоро купить тебе ее негде, и она тебе подарена каким-нибудь мотом, то это станется. Я по сих пор думал, что я один только знаком тебе, а теперь вижу, что и весь город посещает тебя по очереди. Я тотчас покажу всем, сколько ты великолепна, теперь же пойду и, приведя лошадей, оберу

тебя до нитки, наживай от иного, а мое возврати все до капли.

Выговорив сие, он ушел и оставил меня в ужасном страхе; мы не знали, что тогда делать, бежать нам было некуда, а защитить нас было некому; ибо у таких людей, какова была я тогда, приятелей не бывает, причиною тому неумеренная наша гордость. И так положили ждать непременно несчастья и расставания с нашим господством. На нового любовника еще я столько не надеялась и думала, что когда увидит он меня бедною, то, конечно, бросит. Всякое предвещение тогда для нас было худо, и я бы согласилась тогда лучше умереть, нежели расстаться с моим именем, столько-то я его почитала и любила.

С полчаса времени спустя пришел ко мне новый любовник, к пущему моему несчастью; что мне должно было делать? Я была тогда вся в беспорядке, погибель ко мне приближалась, и еще новый человек должен быть свидетелем несчастья моего и ругательства. Увидев меня в слезах, привязался он ко мне и начал меня спрашивать; я ему ничего не отвечала и бросилась в постелю. В самое то время вошел камердинер во двор и, идучи в горницу, кричал: „Я с тобой переделаюсь!“ Но, увидев стоящего у кровати моей человека, схватил с головы своей шляпу и очень струсил, так что не мог говорить больше ни слова. Новый мой любовник спрашивал его, с кем он поссорился и зачем зашел в такое место. Трусость его не позволяла ему хорошенько изъясниться, и так солгал он раза два или три без правил, а как господин закричал ему, чтобы он пошел домой, то тем дело и кончилось.

В одну минуту, как превеликая гора с плеч моих свалила, и мне казалось, что ужасная туча бед моих так скоро пробежала, что не успела закрыть и солнца. Нетрудно мне было разобрать, что променяла я слугу на господина, и узнала совершенно, что гнев камердинеров в то время не опасен,

когда его же господин держит мою сторону. Мне надобно было совсем переодеться, то есть перевернуться из страха в несказанную радость, а как я часто читывала книжку „Бабы увертки“ и прилежала, чтоб научиться им, то превращение сие казалось мне не весьма мудреным. Начала я помаленьку охоть так, как будто бы еще училась в случае нужды разнемогаться, и сказала Светону, так назывался мой любовник, что сделался мне некоторый припадок. Тут-то узнала я благосклонность его ко мне и рачение. В одну минуту послал он за лекарем, который хотя и приехал, однако совсем мне был ненадобен, а господин Светон и одним словом удобен был исцелить меня от самой сильной горячки. С этих пор определил он мне двух человек своих собственных к моим услугам, прислал мне в тот же день серебряный сервиз, иль попросту посуду; и в самый первый раз, как села я кушать с моею старухою, которая, правду выговорить, не умела сесть к ставцу лицом и приняться за ложку, да и я была тогда немного ее посмысленнее, то выговорила про себя сию пословицу: „Доселева Макар гряды копал, а ныне Макар в воеводы попал“. Счастье никому не дает отчету в своих делах, вольно ему пожаловать и осла губернатором, а филина произвести в воеводские товарищи.

Адонид мой был человек светский и знал действительно, как поступается в делах любовных. Поутру прислал ко мне своего камердинера, а моего прежнего полюбовника -- чего он не ведал, -- с подарками. Оный привез мне целую ношу женских уборов, и кланялся мне так, как госпоже, а не так, как своей любовнице, и когда я просила его, чтобы он сел, то отвечал он мне весьма учтиво, что этой чести для него очень много. Чудно мне было очень, что одна ночь сделала меня госпожою и повелительницею над моим прежде бывшим командиром. Приняла я подарки с важным и благородным видом так, как надлежит любовнице знатного господина, и,

вынув из кармана полуимпериял, дала его камердинеру, который принял у меня и вздохнул весьма от чистого сердца, потом просил, чтобы я выслушала у него нечто наедине, и когда вышли мы в другую комнату, то стал он передо мною на колени и говорил следующее:

-- Государыня моя! теперь, я уже не тот, который намерен был обобрать у вас всё, я вам всё уступаю, владейте им по пословице: „Деньги железо, платье тлен; но кожа всего нам дороже“. Прошу вас об одной только милости, не сказывайте моему господину, что я был вам знаком; а в благодарность за это я буду держать вашу сторону и помогу вам разорять его до конца.

Признаюсь, сколько я ни была бессовестна и сребролюбива, однако такое камердинерово усердие к своему господину показалось мне негодным. Впрочем, добродетель мне была и издали незнакома, и так на двух словах согласились мы с прежним моим любовником проматывать его господину; однако не удалось нам произвести намерения нашего в действие, по пословице: „Не всегда-де коту масленица, бывает и великий пост“. А что воспрепятствовало, то можно увидеть далее, ежели господин читатель не скучил еще читать мое похождение.

С неделю времени наслаждалась я Венериным достоинством и не променяла бы участи моей ни на какое сокровище в свете; но как всем известно, что счастье недолговечно и нет ничего его непостояннее, то фортуна моя поскользнулась и пошла совсем уже другим порядком. Светон получил письмо от отца, который писал ему, чтобы он весьма скоро был по причине той, что отец его чувствовал себя гораздо слабым и отчаянным сей жизни. Письмо сие привело в такую задумчивость моего любовника, что он не знал, что со мною делать; отцовская болезнь была ему чувствительна, но расставание со мною превосходило оную несказанно. Нежно-

сти любовные уступили на время место выдумкам; оные начиналися о мне, о мне и кончилися, я была предметом Светонова беспокойства, и я одна утешала его в сей печали, и он бы охотно желал лишиться отца, только бы не разлучиться со мною.

„Добрый конь не без седока, а честный человек не без друга“. Сосед Светонов, видя его в великой печали, предложил ему такое средство: Светону ехать со мною вместе и, привезя меня, оставить в его деревне, которая от Светоновых деревень отстоит только шестью верстами; а он отпишет к своему брату о принятии меня и о угощении и назовет меня близкою жениною роднею, и что Светон может посещать меня тамо, когда он изволит, без всякого помешательства. Как предложено, так и сделано, и за такую хорошую выдумку подарил любовник мой соседу своему перстень, ценою в пятьсот рублей. В тот же самый день собрались мы и поехали. Питомица моя не хотела за мною следовать, и так оставила я ее на своем месте, и наградила столько щедро, сколько надобно было любовнице знатного господина; а рассталася с нею без слез, ибо я не знала, что то есть на свете благодарность, и о том ни от кого не слыхивала, а думала, что и без нее прожить на свете возможно.

В середине нашего пути объявил мне Светон, что он женат, и женился недавно, и уверил меня, что жены своей не любит, причина тому, что родители часто женят своих детей не на тех, кого захотят дети, но уславливаются сами между собою и приневоливают к тому детей, отчего редко бывает согласие между мужем и женою. Светон уверял меня, что так же и с ним поступлено; однако ведомость сия стоила мне добрых пилюль, и от того я в два дни так похудела, как будто бы с месяц лежала в горячке. Я не грустила о том, что лишуся моего любовника, но боялася я нечего, которое гораздо страшнее было любовной разлуки. Я бы могла, или чувство-

вала себя способною в один день перенести три разлучения с любовником, нежели один такой прием, которым потчевают благородные жены нашу братью за похищение их мужей; а сердце мое прямо предчувствовало такую бурю, и я бы охотно согласилась назад воротиться, нежели следовать за Светоном, но он, любя меня, к несчастью моему, весьма много, не хотел о том и слышать и уговаривал меня, что жена должна ему повиноваться и принимать все то за хорошее, что только ему угодно.

Такая песня была бы мне приятна в городе, но тут чем ближе подъезжала я к деревне, тем больше страх во мне час от часу умножался, по пословице: „Знает-де кошка, чье мясо она съела“. Наконец привезли меня в назначенное мне место, где принята была я с великою радостью, ибо брат того, который писал письмо, подумал и в подлинну, что я жены его родня. Таким образом поблагодарила я Светона, что он делал мне товарищество в дороге, и осталась тут всем довольною.

На другой день поутру, еще не успело рассветнуть, любовник мой пожаловал ко мне для посещения, он меня чрезвычайно обрадовал, сказав, что отец его совсем выздоровел и что мы очень скоро отправимся опять в город.

-- Жена моя хочет со мною ехать, -- говорил он мне еще, -- но это так немудрено переделать, как дважды два четыре, и она опять останется здесь.

Таким образом, готовясь опять в дорогу, имели весьма нередкое свидание, и правду сказать, что господин Светон больше находился со мною, нежели был дома, что и сделалось наконец причиною моего несчастья.

Супруга не умедлила подозревать своего сожителя и, уведав от людей, хотя и накрепко им было заказано сказывать о моем пребывании, послала она за хозяином того дома, в котором я находилась, и без дальних околичностей разобрала тотчас мое достоинство и согласилась с хозяином вы-

ведать то совершенно для того, что и тот уже подозревал меня, по пословице: „Шило в мешке не утаишь“ или: „Виден сокол и по полету“.

В некоторое время, когда сидели мы одни с Светоном и по слабости человеческой впустились в любовь, в самое то время отворился шкаф, который, на беду мою, стоял в той комнате, из оного вышла женщина и сказала нам: „Час добрый, друзья мои!“ Любовник мой спрыгнул, а я вскочила, он ушел из комнаты, а я вытерпела ударов с десятков ладонью по щекам; это было начало; а о конце я не скажу из учтивости к себе. Довольно и того, что в скором времени появилась я на чистом поле, не имея ничего и без проводника. Горько мне тогда было, и чувствовала я прямо свое несчастье, которое окружало меня со всех сторон, но что ж было делать? „Не прав медведь, что корову съел, не права и корова, что в лес забрела“.

Леса и поля мне были незнакомы, они были мне не любовники не прельщались моей красотой и мне ничего не давали, следовательно, находилась я в крайней бедности. К вечеру набрела я на некоторую деревню, где принуждена была променять шелковое платье на крестьянскую одежду; ибо совесть меня зазирала путешествовать в оном, а в то время еще не прижилась я в оной. Таким образом, обмундировалась я терпением и тою одеждою и пустилась в путь. В дороге ничего со мною важного не случилось, выключая того, что я из важных бедных была важная бедная, но такие описания не всякий читает с охотою. Богатый боится обеднеть, а скудному она уже наскучила. Итак, толкование о пути моем отлагаю в сторону; а буду говорить о том, что может увеселить читателя.

По календарным знакам прибыла я в Москву в среду, а день сей означается у нас древним языческим богом Меркурием; Меркурий же был бог плутовства, итак, как будто бы

его помощью определилася я в поварихи к секретарю. Иной веселый человек примолвит, что попался-де огонь к сену; однако нередко и ошибиться можно. Секретарь был человек набожный; он никогда не вставал и не ложился спать, не помоляся богу, перед обедом и перед ужином читал обыкновенные молитвы вслух и умывал завсегда руки, не пропускал ни одного воскресенья и бывал всегда у обедни, а в двенадцатые праздники ездил развозить поклоны или принимал оные сам от челобитчиков. Всякое утро стоял он по два часа на молитве, а жена его в то время в передней горнице упражнялася во взятках и принимала всячиною. Когда же садилися они пить чай, то маленький их сын подавал ему реестр поимянно всех людей, бывших у него в то утро, и кто что и сколько принес, таким образом, смотря по величине приноса, решил он и дела в приказе. В сие время узнала я, что все служители секретарские пользуются взятками так, как и их господин. Когда поедет он в приказ, то сожительница его начинает пересматривать подарки, многие берет себе, а другими делит служителей. В одну неделю получила я платков с восемь, выключая кренделей и яблоков, которыми мы всякий день довольствовались.

Сперва секретарская жена меня полюбила, по причине той, что „рыбак рыбака далеко в плёсе видит“. Она была женщина податливая и чаще изменяла мужу, нежели старалася наблюдать к нему верность, чего, правду сказать, не пристально он и требовал для того, что прибыток наблюдал он больше, нежели свою честность; ибо он думал, что и без чести дом его может быть изобилен так, как полная чаша. Сверх сего похвального дарования супруга его придерживалася различных вин, в которых не имела она никогда нужды, следовательно, была она только тогда трезвою, когда вставала поутру с постели. Я же не имела за собой сего порока, и так не могла делать ей компании в этом; но в прочем во всем

была ее наперсницею. Счастливое мое состояние вышло было у меня совсем из головы, но напомнил мне оное безграмотный канцелярист, который жил у секретаря в доме для переписки с черного набело. Весьма мне было удивительно, что он, не умея грамоте, умел в меня влюбиться, а я прежде думала, что любовь никогда не заходит в подьяческие сердца. Чуден он был в должности канцеляриста, но в должности любовника показался мне еще чудняе. Узнал он любовь, но только не ведал того, с которого конца за нее ухватиться и как к ней пристать. Во-первых, начал он мне примигивать и кивать головою, я поняла его намерение и предприняла над ним посмеяться. Желая прежде уведать его разум, задала я ему три задачи, чтобы он мне оные решил: кто умнее всех в городе, кто учение и кто добродетельнее всех.

На другой день поутру изъяснялся он мне так:

-- Я не нахожу никого умнее нашего секретаря, который решит все дела без остановки и докладывает об них всегда по порядку; а учение нет некоторого стряпчего, который читает почти все указы наизусть и часто заставляет молчать судей; кто же добродетельнее всех, об этом я не ведаю, да думаю, что и многие из канцелярского племени о том тебе не скажут; ибо редко мы слышим о добродетели.

Выслушав его, я усмехнулась, а он продолжал говорить:

-- Что, разве ты думаешь, что стихотворцы умнее всех людей с своими кавыками и точками? Ежели бы попались они к нам в приказ, то позабыли бы ставить точки, когда бы с оными насиделись без хлеба. А намедни не знаю как занесли к нам оду какого-то Ломоносова, так мы всем приказом разобрать ее не умели; да что больше говорить, сам секретарь сказал, что это бредни и не стоит она последней канцелярской записки.

Так толковал любовник мой о ученых людях, а я чаю, первому бы из них не дал он у себя места и в копиях. Разо-

брал же он скоро, что разум его был не на мой вкус, и оним мне он не понравился, таким образом предприял угодить подарками. Чего ради начал прилежать переписывать дела, и правду сказать, то по состоянию его дарил он меня довольно; ибо за всякую переписку брал он всегда тройную цену, и сказывают, что у них так и ведется: когда приказный под покровительством секретарским, то за всё про всё получает втрое. В это время потужила я о Светоне и иногда, сравнивая канцеляриста с ним, плакала горько, а это происходило оттого, что я была глупа, а ныне наши сестры поступают не так, они всегда желают лишиться скорее знатного господина, чтоб отыскать вскорости другого и начать снова разживаться, и для того-то ни одной нашей сестры, то есть такой же пригожей поварихи, как я, в целом государстве не отыщешь верной, чтоб которая не хотела иметь вдруг по три и по четыре любовника.

Попечением и трудами канцеляристовыми имела я на себе платице уже почище, и так приезжающие к госпоже секретарше воздыхатели начали поглядывать на меня поумильнее, нежели на хозяйку, что ей очень не понравилось; таким образом, отказала она мне от своей службы.

Вышедши из этого дома, не тужила я много; ибо не с кем было расставаться, следовательно, ничего я и не лишилась. На другой день пожаловал ко мне сводчик, из лица его увидела я, что он сыскал мне изрядное место, а для него это было прибыльно для того, что каково место, такая ему и плата за отыскание оного. Сказал он мне, чтобы я прибралася получше, ибо там, где я буду жить, не услуги мои потребны, но нужно лицо. Могу сказать, что я одеваться умела, лишь только бы было во что; принарядившись довольно изрядно, отправилися мы в путь, и когда пришли к тому двору, то велел он мне постоять у ворот, а сам пошел уведомить хозяина о моем пришествии и спросить его, можно ли мне войти

к нему, и потом выбежал очень скоро и велел мне идти за собою. Когда вошла я в горницу, то увидела человека совершенных уже лет, имевшего долгие виющиеся усы и орлиный нос. Он был отставной подполковник, служащий в гусарских полках. Тогда сидел он в креслах и считал серебряные деньги; увидев меня, привстал несколько, сказал мне: „Здравствуй, сударыня“, -- и просил, чтобы я села, потом приказал слуге нагреть воды на чай и начал со мною разговаривать.

-- Я, сударыня, человек вдовый, и уже этому будет дней с восемь, как умерла моя жена, мне же лет уже довольно, и доживаю я седьмой десяток, так присматривать за домом великая для меня тягость. Мне непременно потребна женщина таких лет, как вы, чтоб везде могла присмотреть, то есть в кладовой, в погребе, на кухне и в моей спальне, а мне уже, право, не под леты таскаться всякий день по всем этим местам. На слуг я не полагаюсь, правда есть у меня и повариха, но ей более уже сорока лет, следовательно, она не столько проворна, как молодая особа, и многое просмотреть может. Что ж касается до платы, то отнюдь рядиться я не намерен, а смотря по услугам, так и я благодарить буду, мне ведь не Ардovy веки жить, а как умру, то и все останется, и совсем не знаю кому, ибо я человек чужестранный и здесь у меня родни никого нету. А когда же надзирательница моя придет мне по сердцу, то я сделаю ее наследницею всего моего имения. Я слышал, сударыня! -- примолвил он, -- что вы ищите такого места, то если вам угодно, пожалуйста останьтесь в моем доме, я буду вам чрезвычайно рад и не сомневаюсь в том, чтобы вы не знали очень хорошо домашней экономии.

Я не так была глупа, чтоб стала отговариваться от такого предложения. Имение стариково мне понравилось, и я тотчас предприняла угождать его деньгам. Когда же я согласилась на то, то пожаловал он сводчику пять рублей денег, и несколько еще домашнего запаса за то, что приискал он ему

надзирательницу по сердцу; оное заметила я из глаз и из щедрости под-полковничьей.

Сказала я ему, что мне надобно съездить и перевезти маленькое мое имение, но он не хотел на то согласиться и говорил, что мне ничего не надобно.

-- Вот вам ключи, сударыня, ото всего жениного платья, оно вам, конечно, будет впору, употребляйте его, как вы изволите, а его будет довольно.

Таким образом в один час приняла я власть в доме и все его имение к себе на руки, а часа с два спустя получила команду и над хозяином, ибо он не умедлил открыться мне, что чрезвычайно в меня влюбился и что если я его оставлю, -- говорил он мне, -- то он, не дожив века, скончается.

Жадность к нарядам немного времени позволяла мне медлить, пошла я по сундукам, в которых нашла довольно изрядного платья; но более всего жемчугу, которого я еще отроду не видывала и не имела на себе. Обрадовавшись тому слишком и забыв благопристойность, в самый первый день начала его перенизывать по-своему, а господин гусарский подполковник, надевши очки, помогал мне в моей работе и, выбирая крупные зерна, подавал мне для низания и целовал мои руки. Когда приспело время к обеду, я с ним обедала, с ним ужинала и после ужина была с ним вместе.

Дни наши текли в великом удовольствии со стороны моего любовника; правду выговорить, и я была не недовольна: богатство меня веселило, по пословице: „Золото хотя не говорит, однако добра много творит“. Но старость его несколько меня беспокоила; однако сносила я оное терпеливо так, как великодушная и постоянная женщина. Впрочем, из дому мне никуда не позволялось выйти; разве только в церковь, да и то весьма редко, а в одни дванадесятые праздники. Это мне казалось несколько немило по причине той, что женщине таких лет, в каковых я была тогда, не столько по-

требна пища, сколько надобно гулянье, да я же была и всем довольна; а в великом удовольствии домашняя неволя пуще крепкой тюрьмы. Жили мы тогда у Николы (что на курьих ножках). Таким образом, во время праздника собралась я к обедни и нарядилась столько великолепно, сколько мне за-благорассудилось, и так иод смотрением древнего моего любовника пришла в церковь и стала тут, где обыкновенно становятся боярыни. А как провожал меня подполковник с великою учтивостью, то всякий не смел потеснить меня или чем-нибудь обеспокоить, понеже платье и почтение моего любовника делали меня великою госпожою. А я, чтоб не уронить мне к себе людского почтения, смотрела на всех гордо и не говорила ни с кем ни слова.

...

az.lib.ru/c/chulkow_m_d/text_1770_progohaya_povariha.shtml

Федор Александрович Эмин

(1735–1770)

Если заинтересоваться жизнью писателя, Эмина можно считать наиболее загадочным писателем того времени – со дня рождения вплоть до конца 1750-х годов. о его жизни не существует достоверных данных. Предполагают, что он в своем романе «Непостоянная фортуна, или Похождения Мирамонда» описывает отчасти и свои приключения. Он стал издателем журнала «Адская почта», интересовался русской историей, написал довольно большое количество романов. Отыщите названия как минимум двух произведений Эмина кроме тех, которые приводятся в этой хрестоматии.

Эпистолярный роман «Письма Эрнеста и Доравры» написан по образцу произведения одного из выдающихся французских писателей, Жан-Жака Руссо. Попробуйте найти, как называется это произведение.

Обратите внимание на правописание в отрывке из текста «Адской почты» – чем оно отличается от сегодняшнего?

ПИСЬМА ЭРНЕСТА И ДОРАВРЫ

(Отрывки)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не мало будет таких, кои, посмотря на заглавие сей книжки, скажут, что она их чтения недостойна. ... Для ученых людей сия книжка -- безделица; строгие добронравия наблюдатели назовут ее развращенною; очень вольно рассуждающие подумают, что в толь великой любви очень много невозможных добродетелей; замужние женщины, узнав, что Эрнест, будучи женат, любил другую, найдут в ней очень много противного своей политике, а особливо те, которые думают, что быть мужем -- значит любить свою жену вечно, хотя она его и ненавидит. Девицам любовных книг, говорят, читать не надлежит,-- а, по моему мнению, приличнее читать любовные книги девицам, нежели замужним женщинам: ибо девицы должны учиться любить добродетельно, распознавать верность любителей и знать их сложения, дабы после, с ними соединясь, жили благополучно; но, вышед замуж, поздно учиться любви и познавать сложения. Однако я знаю, что и девицам сия книжка причинит досаду по той причине, что описуемая мною любовница не за того вышла замуж, которого любила. Кому ж такое сочинение понравиться может?.. Тому, кто, любя верно, такие в любви своей, как и Эрнест, имел успехи.

Некоторые, в романах и в любовных писаниях хороший вкус познавающие, будут иметь причину сказать, что в некоторых моих начальных письмах есть много излишних нравоучений; но если они рассудят, что врожденное самолюбие каждого любителя побуждает обожаемой особе показать

свое знание, то увидят, что гораздо меньше должно винить тех, кои, имея переписку с любовницами, весьма разумными и, по причине строгого воспитания, добродетель выше всех прав природы поставляющими, -- философствуют и о разных околичностях тонко рассуждают, чтоб, тем способом пленив прежде строгой особы разум, можно было удобнее и к ее приблизиться сердцу.

Можно будет некоторым опорочить мой вкус по причине той, что последние части не соответствуют первым, ибо в первых постоянство в любви почти на высочайшую степень вознесено, а в последней оно вдруг разрушилось. Я и сам то скажу, что такая сильная, добродетельная и разумная любовь не должна бы переменяться. Поверь, благосклонный читатель, что нетрудно бы мне было романическое постоянство еще выше вознести и окончить книгу мою в удовольствие всех, соедини Эрнеста с Дораврою; но такой конец судьбе не понравился, и я принужден написать книгу по ее вкусу...

ЧАСТЬ I

ПИСЬМО I ОТ ЭРНЕСТА К ДОРАВРЕ

Большую часть цветущих моих лет препровед в беспре-
станных злоключениях, наконец, прибыл я в сей град, наде-
ясь в оном желанное сыскать спокойствие. Но когда несчаст-
ных надежда совершается? Без сродственников, без друзей
и без благодетелей бедному человеку везде жить горестно и
едва сносно до тех пор, доколе его способность не отворит
ему пути к началу какого-либо благополучия. Признаюсь ис-
кренно, что временем я роптал противу лютой моего рока;
иногда безрассудно порочил и ту землю, в которой не мог по-
лучить того, чего желал; а иногда, извиняя землю, гнушался

народом, чужих несчастий не чувствующим. Такое безумие свойственно почти всем изрядно воспитанным, просвещенным и после того несчастливым людям. Они, находя в себе некоторые достоинства и в горчайшем бедстве погруженны, к высочайшей благополучия степени мысли свои воздвигают; а когда их намерения вожделенных не имеют успехов, тогда ропщут противу своей участи, противу земли, в которой пребывают, и противу народа, с которым обращаются. Какие странные и противные разуму и в просвещенном человеке нетерпеливость производит рассуждения! За что вина ненавидеть народ, о нашей честности, достоинствах, намерениях и способности ничего не знающий? Мало ли было таких нечестивых и по всему свету скитающихся обманщиков, кои, чрез дерзость свою получа великие благодеяния, наконец неблагодарностию, а чаще того бездельством привели в раскаяние благодетелей, им, недостойным, всевозможное вспоможение оказавших? Виноват ли тому народ, ежели и праведным теперь не скоро верить начинает, будучи толикократно лжецами обманут, а особливо в такое время, когда и истина часто ей неприличную на святое свое лицо ухищренного притворства надевает маску?

Такие рассуждения, притом привычка к злополучию, способен вовали мне терпеливо сносить бедность, от недостатка происходящую. Тогда я начал позабывать мое рождение, мое воспитание а счастье, к которому, мне казалось, что рождение меня назначило; рассуждал беспрестанно, что хотя природа нас почитает за законных своего настоящего благополучия наследников, однако всею природою властвующая судьба часто ее опровергает право, делает то, что ей угодно, препоручая чужое счастье бедному, а чужую бедность счастливому. Все сии рассуждения укрощали лютость бедствия моего, и я по нужде начал философствовать; принял намерение включить себя во общество нижайшей степени, думая,

что, чем меньшим буду во обществе человеком, тем больше нужного к пропитанию моему сыскать могу и буду жить спокойно. Такое мое намерение весьма было скоропостижное, и весьма скоро я оное исполнил, сделавшись слугою некоторого господина; но еще скорее оно начало меня делать несчастным в той жизни, которую я прежде почел за спокойную. Не трогало меня то, что я отправлял самую грубую работу; но не мог я без внутреннего страстей волнения слушать частой брани, ни природе, ниже тогдашнему моему состоянию приличной потому, что я ни в чем пред моим господином не был виноват, -- разве в том, что я был слуга, а он господин.

Тогда я узнал, что благородно воспитанный человек не скоро позабудет о том, чем он был прежде, и что никогда меж подлостью, сколько бы беден ни был, спокойно жить не может. Надобно родиться земледельцем, чтоб оную всем философам завидную жизнь препровождать спокойно; но знатного к оной жизни несчастием приведенного человека не веселят журчащие чрез чистые камни и из прозрачных родников проистекающие воды. Зеленые луга, разными цветами распещренные поля, густые и тихие дубравы, где поселянина ни зной солнечный, ни жестокость ветров беспокоить не может, не могут ему быть уютным местом, блевание невинных овец слуху его противно, и чистое млеко, нежнейшая всех пастухов и пастушек пища, лишь возмутит желудок его. Куда ни обратится, везде находит уныние. Мысли его к прежнему счастливому состоянию стремятся, и то, что другие называют приятностию сельскою, он почитает за горчайшее в своей жизни злополучие. Причиною тому наше самолюбие, которое когда вкоренилось в нашу породу, то его весьма из оной истребить нелегко. Оставляя моего сердитого господина, нанял я угол в слободе за городом, при реке построенной. Купил уду, ловливал рыбу и тем образом кормился несколько дней.

Наступил месяц апрель. От жестокости морозов свободные деревья процветать начали; ветви раскинули свои листочки, и мое восцвело благополучие, жестокою судьбою прежде сего замороженное. Я принят в царскую службу с благопристойным чином и с соответственным оному жалованьем; имел случай узнать вашего родителя и увидеть вас. Но как скоро глаза мои с вашими встретились взорами, в ту самую минуту стали видеть прозрачнее; ибо прежде того никого они так ясно, как вас, не видели. Вы, просветя мой зрак, просветили и разум, и он узнал, что нашел в вас такую важность, которая всех его прежних примечаний была достойнее. Разум, согласясь с глазами, сообщил нечто такое и сердцу, которое вдруг встревожилось, вострепетало, заныло, несколько испустило вздохов и в сем горестном и поныне находится состоянии. Не знаете ли, государыня, какая то болезнь, которую взоры ваши мне причинили? Очей ваших собственность вам должна быть известна. И если имя вами мне причиненной болезни вам известно, то не знаете ли и средства к излечению оной?

...

ПИСЬМО 5 ОТ ЭРНЕСТА К ДОРАВРЕ

Смертию я бы загладил мою дерзость, если бы любил другую, а не Доравру. Но кто полюбит сию всеми святыми добродетелями наполненную особу, того сердце подлым никогда сделаться не может; ибо слабому то свойственно духу, чтоб отчаянием прекращать свое мучение; но сердце, отважившееся обожать Доравру, должно иметь в себе больше крепости и постоянства. Внимай, внимай, святилище добродетели, храм вежливости, любезная Доравра, несчастного любовника намерение, которого долговременное ваше мол-

чание и холодное со мной обхождение причиною. Когда вы одним только меня за мою любовь наградили письмом, то сделали для того, чтоб несчастье мое учинить бесконечным. Пойду отселе в отдаленные страны; зареюсь в дикую пещеру, и письмо ваше, которое никогда не отнесу от моих глаз, будет мне книгою всех уставов. В оной будет написана моя судьба. В оной начертано прошедшее, настоящее и будущее мое злополучие, и с нею я, несчастный, войду во врата вечности.

Я ощущаю тягость вашего негодования больше, нежели силы мои оного снести могут. Но поверь, прекрасная Доравра, естество чистое, что я не ропщу против назначенного мне вами наказания. Свою ошибку узнав, на смерть правосудием осужденный виновник унижается пред определением, у него жизнь отнимающим; с почтением наклоняет свою шею под смертоносный меч и без роптания встречает ту смерть, которая навеки с дражайшею его разлучает жизнью. Толика освященной справедливости есть сила, что и жизнь от оной теряющие правосудие благоговейно почитают. Подобным образом и я почтенно, униженно и благоговейно твое за мою дерзость почитаю истязание. Иду из сего града, куда мне покажет дорогу лютость моего рока. Пролив обильные слезы, оставлю сии места, в которых жизнь души моей останется. Прости, обладательница моей природы, дерзость мою, в коей я признался и за которую уже строжайше, но справедливо наказан. Не негодуй на меня, беспримерная красота, пример вежливости и добродетели. Забудь вину мою и знай, что пожирающая меня любовь наказания, но не презрения достойна. На осужденного на смерть никто не гневается; все о нем сожалеют; и ты, небесная красота, последуя светскому правосудию, сожалея о несчастном, от которого последнее сие получаешь письмо, который тебя больше ничем огорчить не может и который идет на вечное заточение, неся с

собою лютейшую о твоих приятностях память, коя бесконечно все его мысли, все чувства и всю природу мучить не перестанет. Уже корабль, с которым отселе удаляюсь, к пути готовится. Возрадовался кормчий, что путь, от которого он своей корысти надеется, уже перед носом его корабля. Все мореплаватели охотно в своей упражняются работе; один я, на берегу стоя, всеми моими страстями мятуся; дрожу от страха, чтоб сегодня от сего не удалиться града. Куда ни брошу мысль свою, везде встречает она горечь. Предо мною вечная и ужасная с душою души моей разлука, за мною презрение чистейшей склонности, которая ничего иного мне не обещает, кроме беспрестанного томления. О ты, жестокая судьба! Влеку меня отселе поскорее в неизвестные страны! Ты, неудачливая любовь, товарищ моего несчастья, повсюду за мной следуй и соверши то зло, которое я теперь при отъезде моем ощущать начинаю!

...

ЧАСТЬ II

ПИСЬМО 3 ОТ ЭРНЕСТА К ДОРАВРЕ

Теперь я начинаю познавать народ сего государства, но не знаю, успею ли в моем желании. Ежели французов можно назвать людьми, то я совсем не знаю: что есть человек? Но должно признаться, что они больше, нежели люди. Каждый человек имеет почти особый нрав. Сколько земель, столько обыкновений; но во Франции не только всех народов нравы и обыкновения найти можно, но сыщется там и то, чего во всем свете нет и о чем и сама природа не знает. Итак, по справедливости должно их назвать больше, нежели людьми. И подлинно, французу стыдно человеком назваться.

Какое было мое удивление, когда я пришел в первый раз в такое место, где разные юноши для своего увеселения собирались! Я там больше нашел искренних друзей, нежели в нашем городе имею знакомых. Каждый из них посвящал себя самого на мои услуги; иной приказывал мне повелевать своим именем; другие говорили, что и в их государстве буду счастлив; были и такие, которые хвалили мою красоту и сановитость возраста {Фигуры, роста.}. Некоторые утверждали, что нельзя тому стать, чтобы я в первый раз, и то недавно, приехал во Францию; а те, которые важнейший показывали вид и которых я почитал за французских философов, потому что ходили с тростями длинными, в черном коротком платье, с голубыми подшейниками и были ветренее прочих, утверждали, что я с ними шучу и что я, конечно, родился во Франции. Если бы я верил философам, о преселении души утверждавшим, то, конечно бы, подумал, что родился во Франции и что после переродился в другой земле; потом опять достался в прежнее отечество и там нашел всех своих друзей и сограждан, которые толь ласково меня принимают. Я всем моим товарищам, которые приехали с нашим послом, выхвалял сей народ, говоря им, что мы попались в райскую аемлю, в которой все, что ни есть, общественное. „О Франция! -- вскричал я, -- здесь все друзья, и все человеколюбием наполнены. В нашей земле,-- продолжал я,-- двадцать лет живучи с приятелем, нельзя так верно содружиться, как я в один день со многими здешними знатными познакомился юношами так, что каждый из них хочет со мною пополам делить своим именем“. Признаюсь тебе, любезная Доравра, в моей легковёрности; я надеялся скоро быть богаче вашего родителя, думая, что если только часть мне ими обещанного от них получу имения, то всех буду богаче в свете. Но из моего заблуждения вывел меня наш дворянин посольства, который несколько раз был во Франции, сказав, что еще

много я таких сыщу друзей, которые, в первый день со мною видясь, всем своим добром делиться захотят. Но если с ними буду знаться несколько лет, то после меня и в лицо не узнают. И подлинно так: чем чаще я с моими мнимыми друзьями виделся, тем больше они меня позабывать начали. Тогда я начал исследовать такие их странные поступки и сложения и узнал, что они то делают не ради обманывания людей для своей собственной пользы, как то прочим ласкателям свойственно, но единственно от врожденной ветрености и охоты к частным переменам. Они говорят и делают случайно, редко повинуюсь рассуждению. У нас обыкновения зависят от разума, а там разум зависит от обыкновений; что сделано по моде и по-французски, то сделано весьма разумно и общих достойно похвал.

Опорочивание есть вкус, властвующий французами так, как рассудок без заключения есть свойственное оному народу преимущество. Их книги опорочивают нравы, а часто и правления всех прочих народов, и их разговоры по большей части состоят в том, чтоб порочить чужие недостатки. Сею страстию почти их весь воздух заражен; ибо я видел в шальных {Сумасшедших.} домах их сумасшедших, порядочно рассуждающих о сумасшедстве своего товарища в то время, когда сами о себе ничего не помнят и не знают. Я говаривал со многими их вельможами, в государстве знатные чины имеющими. Что же ты о них, любезная Доравра, заключить можешь? Конечно, скажешь, что ежели французские конюха и их повара, в нашу приезжающие землю, люди весьма разумные и учат детей наших знатных господ всем почти наукам, то все их министры должны быть учение Сократа. Но нет, те, которые у нас учат всему, сами ничего не знают; они подобны лживым нашим пророкам, которые предвозвещают будущее, сами того не зная, что в день их пророчества пойдут в полицию под пытку. И здесь есть таких много

обманщиков, которых шарлатанами называют; из которых каждый во Франции графинчиком воды, чем-нибудь заправленной, лечит все болезни и обещает, что сие его лекарство и худые нравы в наилучшие обыкновения переменить может. Сие бесценное лекарство они продают за гривну. Свет теперь таков, что дерзкие и беспутные люди и разумных обманывают. Но шарлатаны и возницы, в наше государство приезжающие, весьма дорого продают свое невежество и за обучение тому, чего сами не знают, получают от наших господ такую плату, которой и достойные люди, во всю жизнь о пользе отечества стараясь, дослужиться случая не имеют.

Знатные и ученые их люди здраво о обращениях светских рассуждать не умеют. Что принадлежит к благополучию общества, того они не знают и не умеют распознавать тех самых людей, с которыми живут. Но все их искусство состоит в том, чтобы ложь острою разума и разными хитрыми доказательствами сделать правдою; они под видом философии стараются затмевать начало добродетели; страсти свои учатся прикрывать притворством ласкового виду; тщатся своим порокам дать имя добродетели и согласуют свой разум с обыкновением времени, того не рассуждая, что разумный человек во всякое время должен стараться, чтобы им управляла добродетель, и что одно только наше тело должно согласоваться со временем. Ежели на дворе дождь, то должно надеть епанчу, а когда сухо и тепло, то оную скинуть. Но дух наш всегда равные должен иметь правила и управлять временем, а не оному повиноваться. Добродетельному сердцу должно быть праведно, хотя бы весь город утопал в пороках. Но во Франции, ежели кто не согласуется с обыкновением времени, того никто за добродетельного не почтет, и многие из них скажут, что таковой развращает народ. Но, по несчастию, сия французская добродетель и во многие иные вкоренилась места.

Здесь никто не имеет попечения, чтобы знать склонность и сложение {Склад характера.} своих сограждан, а стараются только о том, чтоб узнать, кому что надобно, чтоб наперед искусно его уведомить, что знают о том, о чем он им говорить хочет, и чрез такую хитрость представляют себя весьма разумными людьми. Ничего тайного у них нет; о чем говорят тайно в парламенте по утру, о том камердинеры и лакеи после обеда будут разговаривать в трактире, узнав тайну от своих господ в то время, когда им чесали волосы и когда об оной сии вельможи с своими приятелями советовали, как им лучше подкреплять надлежало свои намерения. Башмачники и портные, собравшись в вольный дом, решают министерские дела. Один из них рассуждает, что с Англией война надобна; другой перемирие делает. Иной говорит о науках и бредит наизусть выученные дурные стихи; а прочие духовенскую власть или порочат, либо похваляют, из чего заключить можно, что никто из них ничего не думает, а говорят все о том, о чем в городе слух носится, и делают то, что им случаи предлагают.

Что мне всего чуднее -- что там почти никто своей должности отправлять или не умеет, или оной стыдится. Шуты, которых там очень много, идучи по улице, показывают кавалерский вид. Придворные знатные юноши стараются философствовать. Попы выдумывают моды и изрядные бывают танцмейстеры; они учат по домам по большей части девушек писать, хорошо обращаться в свете, а часто и танцевать. Великие господа живут у них умеренно, без больших экипажей; а монахи и архиереи великолепствуют и множественными окружены служителями. Авторы иное пишут, иное думают. Чернецы, в пустынях {Монастырях.} живущие, сочиняют любовные романы; а иные делают планы и учат, как строить крепости и города. Словом сказать, нет здесь почти такого художника {Здесь: искусник (в любом деле).}, который

бы не представлял себя своим товарищам не тем, что он есть. Я весьма удивляюсь, как многие стараются перенимать нрав у такого народа, который в один час несколько раз переменяет свои мысли, ни о чем не думает основательно и имеет один только вид блистательный, который многие обманывает глазами. Я их по справедливости уподобить могу яблокам в Египте, на земле растущим, которые весьма приятный имеют вид; но когда оные раздавить, то в середине бывает дурная гниль. С кем мне знаться, истинно не знаю. До сих пор я еще все вижу французов; но когда сыщу человека, то о том тебя, любезная Доравра, уведомить не премину.

К Ипполиту я писал письмо и поздравил его с благополучною любовью; но когда себя поздравлю с счастливым к тебе, любезная моя, прибытием!

...

az.lib.ru/e/emin_f_a/text_0020.shtml

АДСКАЯ ПОЧТА ИЛИ КУРИЕРЪ ИЗЪ АДА СЪ ПИСЬМАМИ

сочиненіе ОЕДОРА ЭМИНА

на ижд. П. Б,

въ Санктпетербургѣ, съ дозв. указн. 1788 года.

ПИСЬМО I.

Отъ Криваго къ Хромононому.

Ну, братъ! познакомился я съ такимъ человѣкомъ, которому желаю жить на свѣтѣ множество лѣтъ; ибо ежели онъ скоро умретъ, то пришедъ къ намъ, всѣмъ адомъ ворочать станетъ. Подлинно лукавецъ! Ежели человѣка бѣсомъ назвать можно, то онъ генераль бѣсъ. Въ бытность мою въ домъ его, пришелъ къ нему какой то старичокъ, отставной Офицеръ, съ прозвѣбою, не можетъ ли ему написать крѣпость на мужика, котораго онъ купилъ, и коего хочетъ отдать въ рекруты. Секретарь по подьячески половиною рта отвѣчалъ: „Ваше благородіе! прошу не погнѣваться, что вамъ не въ состояніи нахожусь быть услужнымъ, понеже де имѣется указъ, чтобъ до окончанія рекрутскаго набора никакихъ крѣпостей не писать, не чинить и не давать.“ Какъ же мнѣ быть батюшка, сказалъ старичокъ: я уже далъ и задатокъ, а сторговалъ мужичка за сто рублей: крестьяне же мои заплатили мнѣ три ста рублевъ, чтобъ изъ деревни не брать рекрута. Помилуйте, ежели можно: я вамъ пятью десятками рублевиковъ за труды служить буду. „Премногомилосердый государь, отвѣчалъ хозяинъ, развѣ посмотрѣть въ указную книгу.“ Выговоривъ сіе думалъ нѣсколько минутъ, потомъ

сказаль: „согласны ли ваши благородія оба, то есть, одинъ на поупку, а другой на продажу человѣка?“ Какъ не быть согласнымъ батюшка, отвѣчалъ старичокъ. „Ну, такъ дѣло рѣшено. Продавецъ можетъ будто отпустить на волю продаваемаго крестьянина, и дать ему письмо; потомъ отъ имени мужика написать челобитную, что онъ, по причинѣ дороговизны не могли себя пропитать, желаетъ къ вамъ вступить въ подданство, на что по указамъ дастся вамъ крѣпость; тогда вы вольны съ нимъ дѣлать, что хотите;“ а ежели, сказала Офицеръ, мужикъ донесетъ на насъ, что онъ никогда не былъ уволенъ, не будетъ ли какихъ хлопотъ? „Не велѣно ваше благородіе, отвѣчалъ хозяинъ, принимать доносовъ отъ крестьянъ на своихъ помѣщиковъ; да мужичокъ ничего не можетъ и вѣдать, только бы продавцовой руки было у насъ вольное письмо, а я крѣпость велю написать, и вамъ въ руки отдамъ: тогда къ вамъ приведутъ мужичка, и вы его отдадите въ рекруты. Совѣтъ хитрый сего подьячаго въ скоромъ времени былъ произведенъ въ дѣйство и я весьма тому удивлялся, что многіе приказные, въ свою пользу такъ умѣютъ подбирать указы, какъ игроки карты.

2. Отъ Хромоногаго къ Кривому.

Третьяго дня прибылъ я въ здѣшній городъ около полуночи. На другой день вставши по нашему обыкновенію весьма рано, пошелъ прогуливаться. Проходя мимо женскаго монастыря, недалеко отъ котораго я ночеваль, увидѣлъ старицу лѣтъ двадцати за монастыремъ, недалеко отъ воротъ стоявшую. Она дрожала отъ страха, и на всѣ стороны оглядывалась; но какъ скоро меня увидѣла, то вздрогнувъ ахнула, и остановилась на мѣстѣ, не зная что дѣлать. Я такой прекрасной особѣ желая сдѣлать совѣтами своими помощь, прибавилъ ходу моему костылю, и тотчасъ къ ней подлетѣвъ,

сказалъ: пойдѣмъ преподобная подалѣе. Я думалъ, что большая ея нужда была та, чтобъ удалить ее отъ монастырскихъ воротъ, изъ которыхъ кто нибудь вышедши, могъ бы ее увидѣть, и препятствовать ея намѣреніямъ. Она въ такой находилась робости, что безъ всякаго противорѣчія и ужимокъ свѣтскимъ барынямъ свойственныхъ за мною пошла. Приведши ее въ роцу, объявилъ ей свой чинъ. Она съ великаго къ оному почтенія еще болѣе обробрѣла. Но какъ мы бѣсы скорѣе можемъ испужавшихся барынь освобождать отъ робости, нежели простосердечные и смиренные люди, то не много мнѣ стоило труда укрѣпить сей прекрасной старицы сердце такъ, что она со мною стала разговаривать смѣло. Можетъ статья она отъ меня и помощи въ своемъ намѣреніи надѣялась. И такъ мы сѣли на травѣ другъ отъ друга не далеко. Тогда я просилъ ее о объявленіи мнѣ истинной причины выхода ея изъ монастыря и послѣдующихъ оному замѣшательствъ, которыя прежде на лицѣ ея примѣтилъ. „Г. бѣсъ, сказала молодая старица, передъ вами ничего утаить не смѣю, зная, что вы господа очень прозорливы. Я имѣя шестнадцать лѣтъ отъ роду, вступила въ монастырь. Большая моя сестра просидя до 35 лѣтъ въ дѣвушкахъ, весьма тѣмъ была не довольна, что женихи въ нашъ домъ появляться начали: она почитая за стыдъ, что меньшая сестра прежде ее выдетъ за мужъ, уговорила на то мою матушку, чтобъ отдать меня въ дѣвичей монастырь. Чтобъ лучше успѣть въ своемъ намѣреніи, подговорили онѣ нѣкотораго старца, дабы меня своими наставленіями побудить постричься въ старицы. Сей набожный чернецъ училъ сестру мою Богословіи, и такъ къ своей ученицѣ привыкъ, что не смѣлъ не: выслушать такой ея прозбы. Онъ съ самага начала сталъ мнѣ толковать, что ничего въ свѣтѣ стыднѣе нѣтъ, какъ женщинѣ съ мужчинами соединяться, и что родящей женщинѣ предстоитъ опасность умереть въ безпамятствѣ безъ покаянія, и чрезъ

то погубить свою душу. Потому смоль много мнѣ говорилъ съ правдою сходнаго, что я твердое приняла намѣреніе на другой же день вступить въ монастырь. Наконецъ, чтобъ больше меня утвердить въ моемъ предпріятіи, безъ всякаго доказательства и ума сказалъ старецъ, что женщина, которая родить, погибнетъ на вѣки.

„При разлукѣ съ матушкою очень я плакала, а особливо о томъ, что она должна была по мнѣнію старца за то быть въ адѣ, что меня родила въ свѣтѣ; словомъ сказать, вошла я въ монастырь, гдѣ жила въ ономъ подѣ искусомъ, на конецъ сдѣлалась старицею. Но теперь имѣю двадцать лѣтъ, и не то думаю, что думала будучи шестнадцати. Безпрестанная тоска меня мучить; всякой часъ чего то мнѣ не достаетъ, и когда совѣсть свою изслѣдываю въ томъ, чего она желаетъ и то кажется мнѣ, что желаетъ мужа. Теперь я старицамъ всегда о томъ твержу, что нѣтъ на свѣтѣ женщины щастливѣе той, которая съ мужемъ живетъ хорошо. Иные изъ нихъ нравоученіемъ моимъ наскучивъ по тому, что уже имъ шестой десятокъ лѣтъ, говорятъ, что дѣвица, а особливо старица имѣетъ такого жениха въ вѣчномъ царствіи, которымъ на вѣки будетъ щастлива: онѣ говорятъ правду, но я сколько ихъ истинну ни почитаю, однако по нещастію своему чувствую, что сердце мое захотѣло бы выйти замужъ и за кого другаго. Знаю, что мысли мои часто заблуждаются; но врожденныя мои склонности порокъ свой за щастіе считаютъ. Теперь лучшее мое упражненіе, читать любовныя книги, которыми меня ссужаютъ сестры мои; ибо много въ нашемъ монастырѣ есть старицъ моихъ мыслей. Недавно я отъ самой Игуменіи, которой всего двадцать пять лѣтъ отъ роду, слышала слѣдующее нравоученіе. Какое есть заблужденіе родителей, говорила Игуменья, незрѣлаго разума дочерей отдавать въ монастырь! Коль часто случается, что родители: будучи заражены какимъ либо предрассудкомъ, дочерѣ сво-

ей дѣлають похороны въ монастырѣ, думая, что въ то время во ономъ всѣ ея страсти и желанія погребаютъ; но оныя страсти года черезъ два или три бывають оживлетворяемы случаями. Дѣти, которые могли бы отъ оныхъ дѣвицъ родиться, естли бы онѣ вышли за мужъ, съ оными вмѣстѣ въ монастырѣ погребены. Во обществѣ отъ того убытокъ, а небу изъ того прибыли нѣтъ; ибо часто случается, что нашель старица тайну сдѣлать отъ своего челоуѣчества плодъ, оный отъ стыда погубляетъ. Ахъ! сія премудрая Игуменья говорила правду, продолжала моя старица я сама изъ опытовъ то знаю, и по тому ты меня нашель въ такой робости.“ Она хотѣла болѣе со мною говорить; но колокольный звонъ ее потревожилъ; ей должно было итти къ заутренѣ, и она простясь со мною, побѣжала въ монастырь, обѣщавъ и въ слѣдующій день явиться на то же мѣсто, и увѣдомить меня обстоятельно о другихъ своихъ въ монастырѣ приключеніяхъ. Другъ! чрезъ будущую почту другое получишь отъ меня о жизни сей старицы письмо.

Чтожъ я прежде къ тебѣ началъ писать о дѣвичьихъ монастыряхъ, нежели о старческихъ; то ты самъ догадаешься, какая тому причина. Мы обращаясь въ свѣтѣ, видѣли, что мужъ жену сажаетъ по правую руку, и что женщинамъ дается предъ мущинами преимущество; а ты самъ знаешь, что мы бѣсы не худые политики.

3. Отъ Хромоногова къ Кривому.

Думаю, что ты охотно ожидаешь отъ меня продолженія исторіи молодой старицы. Дѣло братъ тѣмъ кончено, что въ монастырѣ ее больше нѣтъ. Я послѣ перваго своего съ нею свиданія на другой день пришедши подъ монастырь, увидѣлъ, что кругомъ около онаго бѣгають старицы. Одна изъ нихъ ко мнѣ подошедъ, спросила: не видалъ ли ты такой

то лицомъ и ростомъ старицы на дорогѣ идучи къ ихъ монастырю? Я ей отвѣчалъ, что нѣтъ, и догадываясь о всемъ, пошелъ назадъ. Конечно моя старица разсудила за благо, не дожидаясь моего совѣта, удалиться изъ монастыря съ своимъ любовникомъ. Любовники у бѣсовъ рѣдко спрашиваютъ въ своихъ дѣлахъ совѣта: они самаго лучшаго изъ насъ стоятъ въ такихъ случаяхъ

Теперь тебя увѣдомлю о досадѣ П. Я. Къ сему господину пришелъ я съ почтеніемъ. Онъ меня принялъ по старинѣ невесьма ласково, но какъ мы умѣемъ со всякими людьми обращаться, то я отвѣсивъ нѣсколько передъ нимъ поклоновъ, вошелъ въ такую его милость, что онъ приказалъ мнѣ съ собою обѣдать. За столомъ мы ѣли не очень хорошо, но пили преизрядно. Рѣчь у насъ была во все время одна. Сей господинъ не доволенъ былъ отвѣтомъ Камердинера нѣкотораго знатнаго и случайнаго вельможи, къ которому онъ писалъ письмо. Онъ и свое письмо и его отвѣтъ прочелъ намъ за столомъ, кои суть слѣдующаго содержанія.

Милостивый Государь!

Я весьма несчастливъ, что не имѣлъ случая съ вами познакомиться тогда, когда вы были еще въ невеликомъ чину при вашемъ господинѣ; однако надѣюсь, что вы и нынѣшнее хотя позднее, но искреннее мое почтеніе признать не изволите, а особливо узнавъ, что я имѣю честь быть вашимъ родственникомъ. Канцеляристъ у меня живущій, доказательно меня увѣдомилъ, что вашъ прадѣдъ былъ женатъ на троюродной сестрѣ своячины моей прабабки; ежели надобно, то я вамъ пришлю родословное древо, на отрасляхъ котораго всѣ наши родственники процвѣтаютъ. Сдѣлайте милость, извольте попросить Его Высокопревосходительство, дабы постарался, чтобъ сынъ мой былъ отставленъ здѣсь съ своимъ жалованьемъ, и не пошелъ въ походъ. Я самъ никогда не воевалъ, однако хлѣбъ ѣмъ.

Отвѣтъ.

Естьли можно будетъ, то я исполню Вашего Превосходительства повелѣніе, однако въ награду за мои услуги, прошу меня освободить отъ Вашего родственничества, въ которомъ быть съ вами я почитаю себя за недостойнаго.

Видишь другъ, люди не по нашему живутъ въ свѣтѣ. Теперь я вижу, что мы не совсѣмъ еще просвѣщены. У насъ такого господина почли бы за подлеца, однакожъ онъ слыветъ изряднымъ политикомъ. Камердинера же ему отвѣчавшаго, нашъ братъ назвалъ бы честнымъ и свою должность и состояніе знающимъ человѣкомъ; однако г. П. засыпалъ его за столомъ ругательствами.

4. Отъ Хромоногаго къ Кривому.

Сего дня пировалъ я цѣлый день съ здѣшнимъ настоятелемъ. Куда онъ добрый человѣкъ. Естьли правду говорятъ, что тотъ больше работаетъ, кто больше ѣстъ, то не скоро у насъ сыщешь такого какъ онъ трудолюбиваго бѣса. Онъ всячины съѣлъ съ пудъ, выпилъ не знаю сколько, а только я могъ примѣтить, что губы у него во весь день не сохали: наконецъ никакой ѣсты брюхо его больше не принимало, да и ноги были ему не въ пользу; онъ принужденъ былъ лечь на постелю; но сіе событіе тебѣ не въ диковинку; ибо ты много видалъ въ свѣтѣ монаховъ о брюхѣ равно какъ и о душѣ попеченіе имѣющихъ. Вотъ что странно, что онъ сколько былъ пьянъ, столько и набоженъ. Не могли владѣть ни руками ни ногами, сказалъ своему слугѣ: *перекрести меня*. Не успѣлъ онъ его перекрестить, то онъ дремля, приказалъ ему,

чтобъ у его постели прочелъ вмѣсто его вечернія молитвы что было и исполнено.

Многіе скажутъ, что я будучи бѣсъ, не хорошо говорю о монахахъ. Вѣтъ и они же намъ надоѣли; однако я сказалъ истинну, что и въ семъ санѣ много есть разныхъ людей. По крайней мѣрѣ нынѣ экономія и разумное правленіе многихъ ихъ начальниковъ, можетъ статья, спасутъ ихъ отъ излишней жирности и роскоши такъ, что безъ помощи келейника они будутъ въ состояніи креститься и отправлять свою должность.

...

az.lib.ru/e/emin_f_a/text_1788_adskaya_pochta_olorfo.shtml

НАГРАЖДЕННАЯ ПОСТОЯННОСТЬ, ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛИЗАРКА И САРМАНДЫ

Лизарк был мнимой сын Вопсида, славного издревле философа Персидскаго. Он по смерти мнимаго родителя своего, одно только философии знание получа в наследие, вознамерился отправиться из Персии в Египет. Великия Инака Государя Египетскаго добродетели, которым вся Персия чудилась, во всей подсолнечной гремящая мужества его слава и геройские действия, подавали Лизарку великую надежду в сыскании своего щастия в Царстве Египетском. И так Лизарк взяв с собою свою философию, в которой все его состояло имение, пустился морем в путь. О непрозорливые человеческия желания! Лизарк искал своего щастия и Лизарк препоручил жизнь свою морским волнам, которые и самых благополучнейших людей в свои погружают недра.

В несколько недель после его отъезда из Персии, когда уже корабль их к Киприйским приближался брегам, заревело под ними море быстрошумящими волнами обуреваемое, то бездонныя свои открывая челюсти, то недосяжные из пучины своей вознося горы; корабельные снасти зашумели, матрозы бледнеть начали, кормчий утратил свою смелость, повсюду разлилось отчаяние, и каждой близко себя находящаго своего сотоварища и нещастия соучастника, в бессильныя заключал объятия, темными и прерывающимися с ним прощаясь словами.

Сии последния их прощания происходили от предвиденной разлуки. О нещастная разлука! после которой никто не знает, куда ему итти следует. Небо покрылось тьмою, солнце скрыло пред светом свою светлость, ветры сильно

ревели, облака меж собою сражались и их трение страшныя производило молнии, так что казалось, яко бы весь воздух загорелся, а волнующееся море такой вид показывало, что будто весь свет затопить приготавливается! Лизарк с прочими своими сотоварищами слезным оком смотрел на приближающееся нещастие.

Философия в то время его оставила, и он таким был объят страхом, которой в нещастии небывшим философам безъизвестен. То в верх возносил сверкающиеся свои глаза, думая, что оттуда кончина его низлетит, то смотрел в низ, когда корабль в морских волнах погружаться казался, опасаясь чтоб с соленою водою не проглотит ему ужасную смерть свою. Не приходило ему на разум никакое средство, у котораго бы мог искать своего спасения, как для того, что в таком случае никаких почти не бывает средств, так потому, что страх из человеческих мыслей все средства и разсуждения изгоняет, и он ни о чем ином в то время думать не мог, как только о том, что неотменно погибнет.

Но непостоянной рок умилился над их рыданиями, и отложил всю строгость до другого времени. Тогда солнце паки земному шару лице свое показало; ветры укротили свою свирепость на воздухе; приятная воследовала тишина; корабельные парусы побелели, которые прежде морская вода темными сделала; море шуметь перестало; корабль более не шатался, и стал быть уютным жилищем тех, которые прежде оной за орудие своей гибели почитали. Каждый поздравлял своего товарища с превращением лютаго жребия, и один другому желали благополучия и достижения к желаемому месту.

Тогда пошел Лизарк в свой угол, которой он убрал свою епанчею, и уснул своим тюфяком. Там к нему возвратилась философия, и он таким начал разсуждать образом: о превратное щастие! размышлял в себе Лизарк, лице твое под-

румянено теми красками, которые тот смывает. С начала ты желаньям человеческим весьма приятно, цвет твой хорош; но коль скоро судьба на человека низошлет заключение, от которого есть ли он слабеть начнет, то веселой твой цвет с потом исчезнет, так что и знаку не останется, где твоя была красота. В руках твоих несправедливой находится безмен; на которую сторону кто ни положит свою надежду, нигде равновесия сыскать не может. В бедное одетая платье добродетель под твоими ногами стонет, и ты оную безрассудно топчеш и попираеш. Бриллиантами украшенная бледнаго лица женщина богатством владеющая, и от зависти изсохшая сидит возле тебя, и ты на оную приятным оком зриаешь; но и та не веселым глазом на тебя смотрит, или опасаясь, чтоб ты с нею не прекратило дружества, или сомневаясь о твоей постоянности, по тому что когда тебе богатства наскучат, то она бедности препоручаеш. На челе твоём изображено солнце, которое всякаго состояния людям приятно, и коего и те самыя, коих горячестию своею согревает, безпрестанно жадничают, и без онаго пасмурные препровождают дни.

После таких разсуждений вышел он на палубу корабля. Тем новое разъяренной на него судьбы глазам его представило явление. Александрийской морской разбойник на их настигал судно, и в скором времени пресек онаго быстрой бег. Кормчий их судна с отменною храбростию защищал свое водное обиталище; но превосходная сила превозмогла справедливость. С неприятельскаго корабля стрелы наподобие граду падали в их судно, и в малое время большая часть их матрозов была побита.

После сего на море воспоследовали поривистые ветры и сломили у их судна мачты; морской шум и печальные матрозов крики проникали человеческие сердца. Несколько матрозов с мачтами в море низверженных, к оных приценившись, жалостным голосом требовали от сотоварищей своих

вспоможения. Но как может помогать другому тот, которой сам всякой помощи и надежды лишенным находится? Все они подобной судьбины ожидали. Кормчий их облокотясь о кормило, ломал свои руки, и перестал повелевать своими подчиненными, находясь сам в повелениях свирепаго жребия.

Тогда из разбойнического судна подплыла к ним шлюбка, и те, которые от морских волн спаслись, достались в добычу неприятелю. Тяжкая неволя избавила их от смерти. Лизарк был весьма пригож лицом, что приметя разбойнической начальник, надеялся за него не малое число получить денег. Он продавши прочих невольников в Александрии, повез Лизарка в египет, и продал его Инаку, Государю Египетскому.

Сановитость возраста и лица стройность, которою его одарила природа, больше ему годилась в Египте нежели философия. Инак зделал его пажем Изиды, едиnorodной своей дочери. Тогда он неволю свою почитал щастие, понеже он у мнимаго отца своего по нужде вел стоическую жизнь, а при дворе Принцессы всеми роскошами наслаждался.

Изида была удивительной красоты, 17 лет от рождения своего считавшая, и ежели Венера в Греции красотою к божеству достигла будучи включена в число богинь, то Изиды лепотою своего лица всех богинь Греческих превосходившая, могла по справедливости назваться богинею Египта. Длинные и черные ея волосы по златотканной одежде распущенные, больше золоту, нежели золото оным придавали приятностей сияния; белое на подобие чистаго алебастру лице ея, изображало в себе всех богинь красоту; черные очи и брови показывали два приятнейшия полукружия, означивая, что хотя бы два света в натуре находились, каждого из них красота ея была бы центром.

Приятность улыбающихся ее взоров показывала ту радость, коею боги на Олимпе возвеселяются; а богинь Парнаских язык не был столько приятен, сколько удовольствия приносили изрекаемая Изидою слова, всем ее речей слушающим. Что касается до ее возрасту и прекраснаго стану, то могла ли природа в сложении онаго ошибиться? он соответствовал совершенной ее красоте, и превозвышал все то, что есть приятнейшаго в свете.

Лизарк повседневно взирая на совершенности Изидины, думал, что Персы Олимпом называли Египет, и что Инак слыл в свете под именем Юпитера, которой не чрез что иное заслужил старшинство над богами, как что произвел в свет такую дочь, которая одною только красотою превозвышала все достоинства богов. Он себя начал почитать щастливейшим Персидских богов, слонов жертвами наслаждающихся, потому что мог обозреть свободным оком новой своей богини приятности; на то прежнее его щастие, которое он за верх своих почитал желаний, начало мало по малу сердцу его быть несносным.

Любовь начала в нем новыя производить действия, которыя наполнили его скукою и разными желаниями. Лизарк не могши еще узнать, от чего его уныние раждалось, начал исследовать внутреннее свое состояние, сделал прибежище к философическим разсуждениям, однако у оных никакого не нашел вспоможения; но коль скоро обратил разсеянные свои мысли к приятностям Принцессиным, то узнал, что корень любви в сердце его возрастать начинал. Сие мысленное уведомление весьма его потревожило. Устрашался от собственных мыслей; упрекал другими мыслями продерзкия свои желания; но те желания ни о чем ином ему помышлять не позволяли, как только о красоте Принцессинной.

О небеса! разными размышлениями колебаем вскричал сей несчастной: о желания! продерзкия желания! куда вы

простираетесь? к Изиде! к Принцессе! к первой в свете красавице! Ах! можно ли того желать, чему быть не лъзя! Лизарк! опомнися. Вспомни то, что паж Изиды. Знаешь ли ты сам, что предпринимаешь? Ах, ты уже виноват пред законами, когда думать только о толь неприличной твоему состоянию любви начинаешь. Но какие естество имеет законы? по своей философии продолжал рассуждать Лизарк. Может ли кто природе поставлять пределы кроме богов? Они человек создали без различия. Мы все от одного отца приходим; одна всех нас была матерью Это только человеческия неправедныя рассуждения положили между людьми различие. Натура сделала свет для всех людей, а не для одних только Государей; и ежели Изида в природе имеет место, для чего же не обожать сего удивительнаго общей рукодельницы происшества? Можно ли Государям быть без подданных? не должно ли подданным любить своих Государей? А хотя бы и по законам рассуждать, то мне дочь Государя моего любить невозбранно.

Но в чем любви подданнаго состоять должно? далее рассуждал Лизарк; не в том ли, чтоб Государя своего повеления исполнить и быть ему верным подданным? Ах несчастная философия! куда ты мои мысли влечешь? Как мне быть верным дочери, ежели неверным отцу ея становлюся? Кто мне повелевает любить Изиду? Разве любовь, отчаяние и безвластная природа? О несчастная природа, никакого права не имеющая, кроме подчиненности и терпения!

Просвещение вовсе тебя разорило, и только по тебе дозволено, чтоб в мыслях философов пребывать. Они только о тебе помнят, и тебя еще почитают. О маловажное почтение! как может кого почитать тот, кто сам ни какого по чтению не обрящет? Что за корысть наложить на того дань, кто сам себя пропитать не может? О скудная философия! которая только во время крайней нужды человеку благоприятствует. О

злостная природа! которая там только имеет свое право, где его в действие произвести не можно.

После таких размышлений пошел Лизарк к своей Принцессе. Тогда было обеденное время, и ему за Принцессиними креслами стоять надлежало.

Лизарк стоял за Изидою разными мыслями удручаем. Лизарк уже был не тот Лизарк. Тогда он стыдился, что его природа произвела из бедных родителей. Мысли имел к царствованию весьма склонныя, и может быть, что и способныя; но не доставало ему возможности в том намерении.

Пищею, которого Принцесса пользовала себя, он был больше сыт, нежели она. Напитки, которыми она наслаждалась, желал чтоб ей были небесными лекарствами бессмертия приносящими. Казалось ему, что только одна Изид сидела за столом; ибо он кроме ея никого не видел, и только временем представлялся глазам его Инак, на которого он в то время взирал, когда опасался, чтоб не посмотрел на него сей Государь, и не приметил того, что он устремил свой взор на Изиду. И хотя позади стула ему стоящему лице сей красавицы не было видно, однако он мыслями своими безпрестанно на приятность ея смотрел, и конечно тогда больше мысли его нежели глаза, узнавали совершенства Изидины.

После обеда встала Изид из за стола. Лизарк нес за нею порфиру в руках своих, но сердце его несло всю ея особу. Считал все ея шаги, и с такою крепостию, находясь в забвении, держал край ея порфиры, как будто опасался дабы Изид из рук его не вырвалась. Изид пришла в свой кабинет; тогда принужден был Лизарк пустить из рук своих края ея порфиры, и удалиться от той, которая вся в его сердце заключена была.

Отступя на несколько шагов от Принцессы, стоял возле дверей ея кабинета с такою робостию, что казалось ему, будто Принцесса все его сердечныя движения видит; но от

того тщетного страху избавила его Изида, сошед из глаз его в свою спальню для упокоения. Что же после ея отсутствия с Лизарком сделалось? Он больше любил Принцессу, когда ее не видел, потому что любовь в присутствии своего предмета всегда труслива.

Оставшись сам в кабинете Принцессы, жестокими своими вздыханиями ее искал; смотрел рвущимися глазами на ту дверь, которая была границею меж его желаниями и особою Изиды. Сердце его строжайшими было терзаемо уныниями, и сокрушалось о прискорбности его очей, что из виду своего потеряли Принцессу. Они без нее ни чего видеть не могли, и вся солнца ясность земной шар озаривающая, мрачною ему быть казалась тьмою, понеже он ни чего того увидеть не мог, к чему все его мысли стремились.

Взглянув пристально на ту дверь, которая лишила его совершеннейшаго удовольствия, так размышлял: о щастливья вы немья и безчувственные стены, которым Принцесса особу свою поверила. Ах судьба! жестокая судьба! Она тому совершеннейшия препоручает вещи, кто их цены не знает. Уже ли бы я лучше не мог хранить особы обожаемой Принцессы, нежели те безчувственные замки? Ах! я бы жизнь свою посвятил с охотою на ея защиту. Ктож спорить может с отчаянным сердцем? Кто силам его противостоят отважится? и что сильнейшаго есть в свете отчаянной любви? О сильная любовь! любовь чужаго спокойствия хищница! чудныя ты имеешь свойства. Храбрейших героев побеждаеш и своему подвергаеш могуществу. Монархи короны свои, скипетры и самих себя тебе отдают в дань; войны пред тобою полагают оружие; ты всякие ломаеш щиты, никто в крепчайших замках от тебя заключиться не может. Мудрость пред тобою бессильна. Робеет искусство и ржавеют художества; ибо к чему годятся орудия, когда рукодельника сердце заражено любовью.

...

u2.u-strasbg.fr/ici/UMB/site/UserFiles/File/slave/La%20Patience%20r%C3%A9compens%C3%A9e.pdf

Николай Михайлович Карамзин

(1766–1826)

Под конец XVIII века в русской литературе можно наблюдать появление произведений, написанных в духе сентиментализма. Познакомьтесь с его основными характерными чертами. Какие жанры можно считать типичными для сентиментализма?

Карамзин пытается постичь движения души его героев. Как именно это проявляется в тексте рассказов «Бедная Лиза» и «Евгений и Юлия»?

«Письма русского путешественника» – это история знакомства Карамзина с Европой.

Писатель хотел способствовать обмену информацией между Европой и Россией и основал журнал, который выполнял именно эту функцию: найдите, как этот журнал назывался.

БЕДНАЯ ЛИЗА

Может быть, никто из живущих в Москве не знает так хорошо окрестностей города сего, как я, потому что никто чаще моего не бывает в поле, никто более моего не бродит пешком, без плана, без цели – куда глаза глядят – по лугам и рощам, по холмам и равнинам. Всякое лето нахожу новые приятные места или в старых новые красоты. Но всего приятнее для меня то место, на котором возвышаются мрачные, готические башни Си...нова монастыря. Стоя на сей горе, видишь на правой стороне почти всю Москву, сию ужасную громаду домов и церквей, которая представляется глазам в образе величественного амфитеатра: великолепная картина, особенно когда светит на нее солнце, когда вечерние лучи его пылают на бесчисленных золотых куполах, на бесчисленных крестах, к небу возносящихся! Внизу расстилаются тучные, густо-зеленые цветущие луга, а за ними, по желтым пескам, течет светлая река, волнуемая легкими веслами рыбачьих лодок или шумящая под рулем грузных стругов, которые плывут от плодоноснейших стран Российской империи и наделяют алчную Москву хлебом.

На другой стороне реки видна дубовая роща, подле которой пасутся многочисленные стада; там молодые пастухи, сидя под тению дерев, поют простые, унылые песни и сокращают тем летние дни, столь для них единообразные. Подальше, в густой зелени древних вязов, блистает златоглавый Данилов монастырь; еще ,далее, почти на краю горизонта, синеются Воробьевы горы. На левой же стороне видны обширные, хлебом покрытые поля, лесочки, три или четыре деревеньки и вдали село Коломенское с высоким дворцом своим.

Часто прихожу на сие место и почти всегда встречаю там весну; туда же прихожу и в мрачные дни осени горевать вместе с природою. Страшно воют ветры в стенах опустевшего монастыря, между гробов, заросших высокою травою, и в темных переходах келий. Там, опершись на развалинах гробных камней, внимаю глухому стону времен, бездною минувшего поглощенных, – стону, от которого сердце мое содрогается и трепещет. Иногда вхожу в келий и представляю себе тех, которые в них жили, – печальные картины! Здесь вижу седого старца, преклонившего колена перед распятием и молящегося о скором разрешении земных оков своих, ибо все удовольствия исчезли для него в жизни, все чувства его умерли, кроме чувства болезни и слабости. Там юный монах – с бледным лицом, с томным взором – смотрит в поле сквозь решетку окна, видит веселых птичек, свободно плавающих в море воздуха, видит – и проливает горькие слезы из глаз своих. Он томится, вянет, сохнет – и унылый звон колокола возвещает мне безвременную смерть его. Иногда на воротах храма рассматриваю изображение чудес, в сем монастыре случившихся, там рыбы падают с неба для насыщения жителей монастыря, осажденного многочисленными врагами; тут образ богоматери обращает неприятелей в бегство. Все сие обновляет в моей памяти историю нашего отечества – печальную историю тех времен, когда свирепые татары и литовцы огнем и мечом опустошали окрестности российской столицы и когда несчастная Москва, как беззащитная вдовица, от одного бога ожидала помощи в лютых своих бедствиях.

Но всего чаще привлекает меня к стенам Си...нова монастыря воспоминание о плачевной судьбе Лизы, бедной Лизы. Ах! Я люблю те предметы, которые трогают мое сердце и заставляют меня проливать слезы нежной скорби!

Саженьях в семидесяти от монастырской стены, подле березовой рощицы, среди зеленого луга, стоит пустая хижина, без дверей, без окончнн, без полу; кровля давно сгнила и обвалилась. В этой хижине лет за тридцать перед сим жила прекрасная, любезная Лиза с старушкою, матерью своею.

Отец Лизин был довольно зажиточный поселянин, потому что он любил работу, пахал хорошо землю и вел всегда трезвую жизнь. Но скоро по смерти его жена и дочь обediaли. Ленивая рука наемника худо обрабатывала поле, и хлеб перестал хорошо родиться. Они принуждены были отдать свою землю внаем, и за весьма небольшие деньги. К тому же бедная вдова, почти беспрестанно проливая слезы о смерти мужа своего – ибо и крестьянки любить умеют! – день ото дня становилась слабее и совсем не могла работать. Одна Лиза, которая осталась после отца пятнадцати лет, – одна Лиза, не щадя своей нежной молодости, не щадя редкой красоты своей, трудилась день и ночь – ткала холсты, вязала чулки, весною рвала цветы, а летом брала ягоды – и продавала их в Москве. Чувствительная, добрая старушка, видя неутомимость дочери, часто прижимала ее к слабо бьющемуся сердцу, называла божескою милостию, кормилицею, отрадою старости своей и молила бога, – чтобы он наградил ее за все то, что она делает для матери.

„Бог дал мне руки, чтобы работать, – говорила Лиза, – ты кормила меня своею грудью и ходила за мною, когда я была ребенком; теперь пришла моя очередь ходить за тобою. Перестань только крушиться, перестань плакать; слезы наши не оживят батюшки“.

Но часто нежная Лиза не могла удержать собственных слез своих – ах! она помнила, что у нее был отец и что его не стало, но для успокоения матери старалась таить печаль сердца своего и казаться покойною и веселою. „На том свете, любезная Лиза, – отвечала горестная старушка, – на том

свете перестану я плакать. Там, сказывают, будут все веселы; я, верно, весела буду, когда увижу отца твоего. Только теперь не хочу умереть – что с тобою без меня будет? На кого тебя покинуть? Нет, дай бог прежде пристроить тебя к месту! Может быть, скоро сыщется добрый человек. Тогда, благословя вас, милых детей моих, перекрещусь и спокойно лягу в сырую землю“.

Прошло два года после смерти отца Лизина. Луга покрылись цветами, и Лиза пришла в Москву с ландышами. Молодой, хорошо одетый человек, приятного вида, встретился ей на улице. Она показала ему цветы – и покраснелась. „Ты продаешь их, девушка?“ – спросил он с улыбкою. „Продаю“, – отвечала она. „А что тебе надобно?“ – „Пять копеек“. – „Это слишком дешево. Вот тебе рубль“. Лиза удивилась, осмелилась взглянуть на молодого человека, – еще более заскраснелась и, потупив глаза в землю, сказала ему, что она не возьмет рубля. „Для чего же?“ – „Мне не надобно лишнего“. – „Я думаю, что прекрасные ландыши, сорванные руками прекрасной девушки, стоят рубля. Когда же ты не берешь его, вот тебе пять копеек. Я хотел бы всегда покупать у тебя цветы; хотел бы, чтоб ты рвала их только для меня“. Лиза отдала цветы, взяла пять копеек, поклонилась и хотела идти, но незнакомец остановил ее за руку: „Куда же ты пойдешь, девушка?“ – „Домой“. – „А где дом твой?“ Лиза сказала, где она живет, сказала и пошла. Молодой человек не хотел удерживать ее, может быть для того, что мимоходящие начали останавливаться и, смотря на них, коварно усмехались.

Лиза, пришедши домой, рассказала матери, что с нею случилось. „Ты хорошо сделала, что не взяла рубля. Может быть, это был какой-нибудь дурной человек...“ – „Ах нет, матушка! Я этого не думаю. У него такое доброе лицо, такой голос...“ – „Однако ж, Лиза, лучше кормиться трудами своими и ничего не брать даром. Ты еще не знаешь, друг мой,

как злые люди могут обидеть бедную девушку! У меня всегда сердце бывает не на своем месте, когда ты ходишь в город; я всегда ставлю свечу перед образ и молю господа бога, чтобы он сохранил тебя от всякой беды и напасти“. У Лизы навернулись на глазах слезы; она поцеловала мать свою.

На другой день нарвала Лиза самых лучших ландышей и опять пошла с ними в город. Глаза ее тихонько чего-то искали.

Многие хотели у нее купить цветы, но она отвечала, что они непродажные, и смотрела то в ту, то в другую сторону. Наступил вечер, надлежало возвратиться домой, и цветы были брошены в Москву-реку. „Никто не владей вами!“ – сказала Лиза, чувствуя какую-то грусть в сердца своем.

На другой день ввечеру сидела она под окном, пряла и тихим голосом пела жалобные песни, но вдруг вскочил“ и закричала: „Ах!..“ Молодой незнакомец стоял под окном.

„Что с тобой сделалось?“ – спросила испугавшаяся мать, которая подле нее сидела. „Ничего, матушка, – отвечала Лиза робким голосом, – я только его увидела“. – „Кого?“ – „Того господина, который купил у меня цветы“. Старуха выглянула в окно.

Молодой человек поклонился ей так учтиво, с таким приятным видом, что она не могла подумать об нем ничего, кроме хорошего. „Здравствуй, добрая старушка! – сказал он. – Я очень устал; нет ли у тебя свежего молока?“ Услужливая Лиза, не дождавшись ответа от матери своей – может быть, для того, что она его знала наперед, – побежала на погреб – принесла чистую кринку, покрытую чистым деревянным кружком, – схватила стакан, вымыла, вытерла его белым полотенцем, налила и подала в окно, но сама смотрела в землю. Незнакомец выпил – и нектар из рук Гебы не мог бы показаться ему вкуснее. Всякий догадается, что он после того

благодарил Лизу, и благодарил не столько словами, сколько взорами.

Между тем добродушная старушка успела рассказать ему о своем горе и утешении – о смерти мужа и о милых свойствах дочери своей, об ее трудолюбии и нежности, и проч. и проч. Он слушал ее со вниманием, но глаза его были – нужно ли сказывать где? И Лиза, робкая Лиза посматривала изредка на молодого человека; но не так скоро молния блеснит и в облаке исчезает, как быстро голубые глаза ее обращались к земле, встречаясь с его взором. – „Мне хотелось бы, – сказал он матери, – чтобы дочь твоя никому, кроме меня, не продавала своей работы. Таким образом, ей незачем будет часто ходить в город, и ты не принуждена будешь с нею расставаться. Я сам по временам могу заходить к вам“. Тут в глазах Лизиных блеснула радость, которую она тщетно сокрыть хотела; щеки ее пылали, как заря в ясный летний вечер; она смотрела на левый рукав свой и щипала его правою рукою. Старушка с охотою приняла сие предложение, не подозревая в нем никакого худого намерения, и уверяла незнакомца, что полотно, вытканное Лизой, и чулки, вывязанные Лизой, бывают отменно хороши и носятся долее всяких других.

Становилось темно, и молодой человек хотел уже идти. „Да как же нам называть тебя, добрый, ласковый барин?“ – спросила старуха. „Меня зовут Эрастом“, – отвечал он. „Эрастом, – сказала тихонько Лиза, – Эрастом!“ Она раз пять повторила сие имя, как будто бы стараясь затвердить его. Эраст простился с ними до свидания и пошел. Лиза провожала его глазами, а мать сидела в задумчивости и, взяв за руку дочь свою, сказала ей: „Ах, Лиза! Как он хорош и добр! Если бы жених твой был таков!“ Все Лизино сердце затрепетало. „Матушка! Матушка! Как этому стать? Он барин, а между крестьянами...“ – Лиза не договорила речи своей.

Теперь читатель должен знать, что сей молодой человек, сей Эраст был довольно богатый дворянин, с изрядным разумом и добрым сердцем, добрым от природы, но слабым и ветреным. Он вел рассеянную жизнь, думал только о своем удовольствии, искал его в светских забавах, но часто не находил: скучал и жаловался на судьбу свою. Красота Лизы при первой встрече сделала впечатление в его сердце. Он читывал романы, идиллии, имел довольно живое воображение и часто переселялся мысленно в те времена (бывшие или не бывшие), в которые, если верить стихотворцам, все люди беспечно гуляли по лугам, купались в чистых источниках, целовались, как горлицы, отдыхали под розами и миртами и в счастливой праздности все дни свои провождали. Ему казалось, что он нашел в Лизе то, чего сердце его давно искало. „Натура призывает меня в свои объятия, к чистым своим радостям“, – думал он и решился – по крайней мере на время – оставить большой свет.

Обратимся к Лизе. Наступила ночь – мать благословила дочь свою и пожелала ей кроткого сна, но на сей раз желание ее не исполнилось: Лиза спала очень худо. Новый гость души ее, образ Эрастов, столь живо ей представлялся, что она почти всякую минуту просыпалась, просыпалась и вздыхала. Еще до восхождения солнечного Лиза встала, сошла на берег Москвы-реки, села на траве и, подгорюнившись, смотрела на белые туманы, которые волновались в воздухе и, подымаясь вверх, оставляли блестящие капли на зеленом покрове природы. Везде царствовала тишина. Но скоро восходящее светило дня пробудило все творение: рощи, кусточки оживились, птички вспорхнули и запели, цветы подняли свои головки, чтобы напиться животворными лучами света. Но Лиза все еще сидела подгорюнившись. Ах, Лиза, Лиза! Что с тобою сделалось? До сего времени, просыпаясь вместе с птичками, ты вместе с ними веселилась утром, и чистая, ра-

достная душа светилась в глазах твоих, подобно как солнце светится в каплях росы небесной; но теперь ты задумчива, и общая радость природы чужда твоему сердцу. – Между тем молодой пастух по берегу реки гнал стадо, играя на свирели. Лиза устремила на него взор свой и думала: „Если бы тот, кто занимает теперь мысли мои. рожден был простым крестьянином, пастухом, – и если бы он теперь мимо меня гнал стадо свое: ах! я поклонилась бы ему с улыбкою и сказала бы приветливо: „Здравствуй, любезный пастушок! Куда гонишь ты стадо свое? И здесь растет зеленая трава для овец твоих, и здесь алеют цветы, из которых можно сплести венок для шляпы твоей“. Он взглянул бы на меня с видом ласковым – взял бы, может быть, руку мою... Мечта!“ Пастух, играя на свирели, прошел мимо и с пестрым стадом своим скрылся за ближним холмом.

Вдруг Лиза услышала шум весел – взглянула на реку и увидела лодку, а в лодке – Эраста.

Все жилки в ней забились, и, конечно, не от страха. Она встала, хотела идти, но не могла. Эраст выскочил на берег, подошел к Лизе и – мечта ее отчасти исполнилась: ибо он _ взглянул на нее с видом ласковым, взял ее за руку_... А Лиза, Лиза стояла с потупленным взором, с огненными щеками, с трепещущим сердцем – не могла отнять у него руки, не могла отворотиться, когда он приближался к ней с розовыми губами своими... Ах! Он поцеловал ее, поцеловал с таким жаром, что вся вселенная показалась ей в огне горящею! „Милая Лиза! – сказал Эраст. – Милая Лиза! Я люблю тебя!“, и сии слова отозвались во глубине души ее, как небесная, восхитительная музыка; она едва смела верить ушам своим и...

Но я бросаю кисть. Скажу только, что в сию минуту восторга исчезла Лизина робость – Эраст узнал, что он любим, любим страстно новым, чистым, открытым сердцем.

Они сидели на траве, и так, что между ими оставалось не много места, – смотрели друг другу в глаза, говорили друг другу: „Люби меня!“, и два часа показались им мигом. Наконец Лиза вспомнила, что мать ее может об ней беспокоиться. Надлежало расстаться. „Ах, Эраст! – сказала она. – Всегда ли ты будешь любить меня?“ – „Всегда, милая Лиза, всегда!“ – отвечал он. „И ты можешь мне дать в этом клятву?“ – „Могу, любезная Лиза, могу!“ – „Нет! Мне не надобно клятвы. Я верю тебе, Эраст, верю. Ужели ты обманешь бедную Лизу? Ведь этому нельзя быть?“ – „Нельзя, нельзя, милая Лиза!“ – „Как я счастлива, и как обрадуется матушка, когда узнает, что ты меня любишь!“ – „Ах нет, Лиза! Ей не надобно ничего сказывать“. – „Для чего же?“ – „Старые люди бывают подозрительны. Она вообразит себе что-нибудь худое“. – „Нельзя статься“. – „Однако ж прошу тебя не говорить ей об этом ни слова“. – „Хорошо: надобно тебя послушаться, хотя мне я, не хотелось бы ничего таить от нее“.

Они простились, поцеловались в последний раз и обещались всякий день ввечеру видеться или на берегу реки, или в березовой роще, или где-нибудь близ Лизиной хижинки, только верно, непременно видеться. Лиза пошла, но глаза ее сто раз обращались на Эраста, который все еще стоял на берегу и смотрел вслед за нею.

Лиза возвратилась в хижину свою совсем не в таком расположении, в каком из нее вышла. На лице и во всех ее движениях обнаруживалась сердечная радость. „Он меня любит!“ – думала она и восхищалась сею мыслию. „Ах, матушка! – сказала Лиза матери своей, которая лишь только проснулась. – Ах, матушка! Какое прекрасное утро! Как все весело в поле! Никогда жаворонки так хорошо не певали, никогда солнце так светло не сияло, никогда цветы так приятно не пахли!“ Старушка, подпираясь клюкою, вышла на луг, чтобы насладиться утром, которое Лиза такими прелестны-

ми красками описывала. Оно в самом деле показалось ей отменно приятным; любезная дочь весельем своим развеселяла для нее всю натуру. „Ах, Лиза! – говорила она. – Как все хорошо у господина бога! Шестой десяток доживаю на свете, а все еще не могу наглядеться на дела господни, не могу наглядеться на чистое небо, похожее на высокий шатер, и на землю, которая всякий год новою травой и новыми цветами покрывается. Надобно, чтобы царь небесный очень любил человека, когда он так хорошо убрал для него здешний свет. Ах, Лиза! Кто бы захотел умереть, если бы иногда не было нам горя?.. Видно, так надобно. Может быть, мы забыли бы душу свою, если бы из глаз наших никогда слезы не капали“. А Лиза думала: „Ах! Я скорее забуду душу свою, нежели милого моего друга!“

После сего Эраст и Лиза, боясь не сдержать слова своего, всякий вечер виделись (тогда, как Лизина мать ложилась спать) или на берегу реки, или в березовой роще, но всего чаще под тению столетних дубов (саженях в осьмидесяти от хижины) – дубов, осеняющих глубокий чистый пруд, еще в древние времена ископанный. Там часто тихая луна, сквозь зеленые ветви, посребряла лучами своими светлые Лизины волосы, которыми играли зефиры и рука милого друга; часто лучи сии освещали в глазах нежной Лизы блестящую слезу любви, осушаемую всегда Эрастовым поцелуем. Они обнимались – но целомудренная, стыдливая Цинтия не скрывалась от них за облако: чисты и непородны были их объятия. „Когда ты, – говорила Лиза Эрасту, – когда ты скажешь мне: „Люблю тебя, друг мой!“, когда прижмешь меня к своему сердцу и взглянешь на меня умильными своими глазами, ах! тогда бывает мне так хорошо, так хорошо, что я себя забываю, забываю все, кроме Эраста. Чудно! Чудно, мой друг, что я, не зная тебя, могла жить спокойно и весело! Теперь мне это непонятно, теперь думаю, что без тебя жизнь

не жизнь, а грусть и скука. Без глаз твоих темен светлый месяц; без твоего голоса скупен соловей поющий; без твоего дыхания ветерок мне неприятен“. Эраст восхищался своей пастушкой – так называл Лизу – и, видя, сколь она любит его, казался сам себе любезнее. Все блестящие забавы большого света представлялись ему ничтожными в сравнении с теми удовольствиями, которыми страстная дружба невинной души питала сердце его. С отвращением помышлял он о презрительном сладострастии, которым прежде упивались его чувства. „Я буду жить с Лизою, как брат с сестрою, – думал он, – не употреблю во зло любви ее и буду всегда счастлив!“ Безрассудный молодой человек! Знаешь ли ты свое сердце? Всегда ли можешь отвечать за свои движения? Всегда ли рассудок есть царь чувств твоих?

Лиза требовала, чтобы Эраст часто посещал мать ее. „Я люблю ее, – говорила она, – и хочу ей добра, а мне кажется, что видеть тебя есть великое благополучие для всякого“. Старушка в самом деле всегда радовалась, когда его видела. Она любила говорить с ним о покойном муже и рассказывать ему о днях своей молодости, о том, как она в первый раз встретила с милым своим Иваном, как он полюбил ее и в какой любви, в какой согласии жил с нею. „Ах! Мы никогда не могли друг на друга наглядеться – до самого того часа, как лютая смерть подкосила ноги его. Он умер на руках моих!“ Эраст слушал ее с непритворным удовольствием. Он покупал у нее Лизину работу и хотел всегда платить в десять раз дороже назначаемой ею цены, но старушка никогда не брала лишнего.

Таким образом прошло несколько недель. Однажды ввечеру Эраст долго ждал своей Лизы. Наконец пришла она, но так невесела, что он испугался; глаза ее от слез покраснели. „Лиза, Лиза! Что с тобою сделалось?“ – „Ах, Эраст! Я плакала!“ – „О чем? Что такое?“ – „Я должна сказать тебе все.

За меня сватается жених, сын богатого крестьянина из соседней деревни; матушка хочет, чтобы я за него вышла“. – „И ты соглашаешься?“ – „Жестокий! Можешь ли об этом спрашивать? Да, мне жаль матушки; она плачет и говорит, что я не хочу ее спокойствия, что она будет мучиться при смерти, если не выдаст меня при себе замуж. Ах! Матушка не знает, что у меня есть такой милый друг!“ Эраст целовал Лизу, говорил, что ее счастье дороже ему всего на свете, что по смерти матери ее он возьмет ее к себе и будет жить с нею неразлучно, в деревне и в дремучих лесах, как в раю. „Однако ж тебе нельзя быть моим мужем!“ – сказала Лиза с тихим вздохом. „Почему же?“ – „Я крестьянка“. – „Ты обижаешь меня. Для твоего друга важнее всего душа, чувствительная невинная душа, – и Лиза будет всегда ближайшая к моему сердцу“.

Она бросилась в его объятия – и в сей час надлежало погибнуть непорочности! Эраст чувствовал необыкновенное волнение в крови своей – никогда Лиза не казалась ему столь прелестною – никогда ласки ее не трогали его так сильно – никогда ее поцелуи не были столь пламенны – она ничего не знала, ничего не подозревала, ничего не боялась – мрак вечера питал желания – ни одной звездочки не сияло на небе – никакой луч не мог осветить заблуждения. – Эраст чувствует в себе трепет – Лиза также, не зная, отчего, не зная, что с нею делается... Ах, Лиза, Лиза! Где ангел-хранитель твой? Где – твоя невинность?

Заблуждение прошло в одну минуту. Лиза не понимала чувств своих, удивлялась и спрашивала. Эраст молчал – искал слов и не находил их. „Ах, я боюсь, – говорила Лиза, – боюсь того, что случилось с нами! Мне казалось, что я умираю, что душа моя... Нет, не умею сказать этого!.. Ты молчишь, Эраст? Вздыхаешь?.. Боже мой! Что такое?“ Между тем блеснула молния и грянул гром. Лиза вся задрожала. „Эраст, Эраст! – сказала она. – Мне страшно! Я боюсь, чтобы гром

не убил меня, как преступницу!“ Грозно шумела буря, дождь лился из черных облаков – казалось, что натура сетовала о потерянной Лизииной невинности. Эраст старался успокоить Лизу и проводил ее до хижины. Слезы катились из глаз ее, когда она прощалась с ним. „Ах, Эраст! Уверь меня, что мы будем по-прежнему счастливы!“ – „Будем, Лиза, будем!“ – отвечал он. – „Дай бог! Мне нельзя не верить словам твоим: ведь я люблю тебя! Только в сердце моем... Но полно! Прости! Завтра, завтра увидимся“.

Свидания их продолжались; но как все переменялось! Эраст не мог уже доволен быть одними невинными ласками своей Лизы – одними ее любви исполненными взорами – одним прикосновением руки, одним поцелуем, одними чистыми объятиями. Он желал больше, больше и, наконец, ничего желать не мог, – а кто знает сердце свое, кто размышлял о свойстве нежнейших его удовольствий, тот, конечно, согласится со мною, что исполнение всех желаний есть самое опасное искушение любви. Лиза не была уже для Эраста сим ангелом непорочности, который прежде воспалял его воображение и восхищал душу. Платоническая любовь уступила место таким чувствам, которыми он не мог гордиться и которые были для него уже не новы. Что принадлежит до Лизы, то она, совершенно ему отдавшись, им только жила и дышала, во всем, как агнец, повиновалась его воле и в удовольствии его полагала свое счастье. Она видела в нем перемену и часто говорила ему: „Прежде бывал ты веселее, прежде бывали мы покойнее и счастливее, и прежде я не так боялась потерять любовь твою!“ Иногда, прощаясь с ней, он говорил ей: „Завтра, Лиза, не могу с тобою видеться: мне встретилось важное дело“, – и всякий раз при сих словах Лиза вздыхала.

Наконец пять дней сряду она не видела его и была в величайшем беспокойстве; в шестой пришел он с печальным

лицом и сказал: „Любезная Лиза! Мне должно на несколько времени с тобою проститься. Ты знаешь, что у нас война, я в службе, полк мой идет в поход“. Лиза побледнела и едва не упала в обморок.

Эраст ласкал ее, говорил, что он всегда будет любить милую Лизу и надеется по возвращении своем уже никогда с нею не расставаться. Долго она молчала, потом залилась горькими слезами, схватила руку его и, взглянув на него со всею нежностью любви, спросила: „Тебе нельзя остаться?“ – „Могу, – отвечал он, – но только с величайшим бесславием, с величайшим пятном для моей чести. Все будут презирать меня; все будут гнушаться мною, как трусом, как недостойным сыном отечества“. – „Ах, когда так, – сказала Лиза, – то поезжай, поезжай, куда бог велит! Но тебя могут убить“. – „Смерть за отечество не страшна, любезная Лиза“. – „Я умру, как скоро тебя не будет на свете“. – „Но зачем это думать? Я надеюсь остаться жив, надеюсь возвратиться к тебе, моему другу“. – „Дай бог! Дай бог! Всякий день, всякий час буду о том молиться. Ах, для чего не умею ни читать, ни писать. Ты бы уведомлял меня обо всем, что с тобою случится, а я писала бы к тебе – о слезах своих!“

- „Нет, береги себя, Лиза, береги для друга твоего. Я не хочу, чтобы ты без меня плакала“. – „Жестокий человек! Ты думаешь лишить меня и этой отрады! Нет! расставшись с тобою, разве тогда перестану плакать, когда высохнет сердце мое“. – „Думай о приятной минуте, в которую опять мы увидимся“. – „Буду, буду думать о ней! Ах, если бы она пришла скорее! Любезный, милый Эраст! Помни, помни свою бедную Лизу, которая любит тебя более, нежели самое себя!“

Но я не могу описать всего, что они при сем случае говорили. На другой день надлежало быть последнему свиданию.

Эраст хотел проститься и с Лизиною матерью, которая не могла от слез удержаться, слыша, что ласковый, пригожий

барин ее должен ехать на войну. Он принудил ее взять у него несколько денег, сказав: „Я не хочу, чтобы Лиза в мое отсутствие продавала работу свою, которая, по уговору, принадлежит мне“. Старушка осыпала его благословениями. „Дай господи, – говорила она, – чтобы ты к нам благополучно возвратился и чтобы я тебя еще раз увидела в здешней жизни! Авось-либо моя Лиза к тому времени найдет себе жениха по мыслям. Как бы я благодарила бога, если б ты приехал к нашей свадьбе! Когда же у Лизы будут дети, знай, барин, что ты должен крестить их! Ах! Мне бы очень хотелось дожить до этого!“ Лиза стояла подле матери и не смела взглянуть на нее. Читатель легко может вообразить себе, что она чувствовала в сию минуту.

Но что же чувствовала она тогда, когда Эраст, обняв ее в последний раз, в последний раз прижав к своему сердцу, сказал: „Прости, Лиза!..“ Какая трогательная картина! Утренняя заря, как алое море, разливалась по восточному небу. Эраст стоял под ветвями высокого дуба, держа в объятиях свою бедную, томную, горестную подругу, которая, прощаясь с ним, прощалась с душою своею. Вся натура пребывала в молчании.

Лиза рыдала – Эраст плакал – оставил ее – она упала – стала на колени, подняла руки к небу и смотрела на Эраста, который удалялся – далее – далее – и, наконец, скрылся – воссияло солнце, и Лиза, оставленная, бедная, лишилась чувств и памяти.

Она пришла в себя – и свет показался ей уныл и печален. Все приятности природы сокрылись для нее вместе с любезным ее сердцу. „Ах! – думала она. – Для чего я осталась в этой пустыне? Что удерживает меня лететь вслед за милым Эрастом? Война не страшна для меня; страшно там, где нет моего друга. С ним жить, с ним умереть хочу или смертью своею спасти его драгоценную жизнь. Постой, постой, лю-

безный! Я лечу к тебе!“ Уже хотела она бежать за Эрастом, но мысль: „У меня есть мать!“ – остановила ее. Лиза вздохнула и, преклонив голову, тихими шагами пошла к своей хижине. С сего часа дни ее были днями тоски и горести, которую надлежало скрывать от нежной матери: тем более страдало сердце ее! Тогда только облегчалось оно, когда Лиза, уединяясь в густоту леса, могла свободно проливать слезы и стенать о разлуке с милым. Часто печальная горлица соединяла жалобный голос свой с ее стенанием. Но иногда – хотя весьма редко – золотой луч надежды, луч утешения освещал мрак ее скорби. „Когда он возвратится ко мне, как я буду счастлива! Как все переменится!“ От сей мысли прояснялся взор ее, розы на щеках освежались, и Лиза улыбалась, как майское утро после бурной ночи. Таким образом прошло около двух месяцев.

В один день Лиза должна была идти в Москву, затем чтобы купить розовой воды, которою мать ее лечила глаза свои. На одной из больших улиц встретила ей великолепная карета, и в сей карете увидела она Эраста. „Ах!“ – закричала Лиза и бросилась к нему, но карета проехала мимо и поворотила на двор. Эраст вышел и хотел уже идти на крыльцо огромного дома, как вдруг почувствовал себя в Лизиних объятиях. Он побледнел – потом, не отвечая ни слова на ее восклицания, взял ее за руку, привел в свой кабинет, запер дверь и сказал ей: „Лиза! Обстоятельства переменились; я помолвил жениться; ты должна оставить меня в покое и для собственного своего спокойствия забыть меня. Я любил тебя и теперь люблю, то есть желаю тебе всякого добра. Вот сто рублей – возьми их, – он положил ей деньги в кармай, – позволь мне поцеловать тебя в последний раз – и поди домой“. Прежде нежели Лиза могла опомниться, он вывел ее из кабинета и сказал слуге: „Проводи эту: девушку со двора“.

Сердце мое обливается кровью в сию минуту. Я забываю человека в Эрасте – готов проклинать его – но язык мой не движется – смотрю на него, и слеза катится по лицу моему. Ах! Для чего пишу не роман, а печальную быль?

Итак, Эраст обманул Лизу, сказав ей, что он едет в армию? Нет, он в самом деле был в армии, но, вместо того чтобы сражаться с неприятелем, играл в карты и проиграл почти все свое имение. Скоро заключили мир, и Эраст возвратился в Москву, отягченный долгами. Ему оставался один способ поправить свои обстоятельства – жениться на пожилой богатой вдове, которая давно была влюблена в него. Он решился на то и переехал жить к ней в дом, посвятив искренний вздох Лизе своей. Но все сие может ли оправдать его?

Лиза очутилась на улице, и в таком положении, которого никакое перо описать не может. „Он, он выгнал меня? Он любит другую? Я погибла!“ – вот ее мысли, ее чувства! Жестокий обморок перервал их на время. Одна добрая женщина, которая шла по улице, остановилась над Лизою, лежавшею на земле, и старалась привести ее в память. Несчастная открыла глаза – встала с помощью сей доброй женщины – благодарила ее и пошла, сама не зная куда. „Мне нельзя жить, – думала Лиза, – нельзя!.. О, если бы упало на меня небо! Если бы земля поглотила бедную!.. Нет! Небо не падает; земля не колеблется! Горе мне!“ Она вышла из города и вдруг увидела себя на берегу глубокого пруда, под тению древних дубов, которые за несколько недель перед тем были безмолвными свидетелями ее восторгов. Сие воспоминание потрясло ее душу; страшнейшее сердечное мучение изобразилось на лице ее. Но через несколько минут погрузилась она в некоторую задумчивость – осмотрелась вокруг себя, увидела дочь своего соседа (пятнадцатилетнюю девушку), идущую по дороге – кликнула ее, вынула из кармана десять имперялов и, подавая ей, сказала: „Любезная Анюта, любез-

ная подружка! Отнеси эти деньги к матушке – они не краденые – скажи ей, что Лиза против нее виновата, что я таила от нее любовь свою к одному жестокому человеку, – к Э... На что знать его имя? – Скажи, что он изменил мне, – попроси, чтобы она меня простила, – бог будет ее помощником, поцелуй у нее руку так, как я теперь твою целую, скажи, что бедная Лиза велела поцеловать ее, – скажи, что я...“ Тут она бросилась в воду. Анюта закричала, заплакала, но не могла спасти ее, побежала в деревню – собрались люди и вытащили Лизу, но она была уже мертвая.

Таким образом скончала жизнь свою прекрасная душою и телом. Когда мы там, в новой жизни увидимся, я узнаю тебя, нежная Лиза!

Ее погребли близ пруда, под мрачным дубом, и поставили деревянный крест на ее могиле. Тут часто сижу в задумчивости, опершись на вместилище Лизина праха; в глазах моих струится пруд; надо мною шумят листья.

Лизина мать услышала о страшной смерти дочери своей, и кровь ее от ужаса охладела – глаза навек закрылись. Хижина опустела. В ней воет ветер, и суеверные поселяне, слыша по ночам сей шум, говорят: „Там стонет мертвец; там стонет бедная Лиза!“

Эраст был до конца жизни своей несчастлив. Узнав о судьбе Лизиной, он не мог утешиться и почитал себя убийцею. Я познакомился с ним за год до его смерти. Он сам рассказал мне сию историю и привел меня к Лизиной могиле. Теперь, может быть, они уже примирились!

ЕВГЕНИЙ И ЮЛИЯ

Русская истинная повесть

Cessez et retenez ces clameurs lamentables
Faible soulagement aux maux des miserables!
Flechi'ssons sous un Dieu, que veut nous éprouver,
Oui d'un mot peut nous perdre, et d'un mot nous sauver! {*}
{* Удержите и прекратите ваши жалобные вопли,
Слабое утешение в беде всех несчастных!
Покоримся богу, который хочет нас испытать,
Который единым словом может нас погубить или спасти!
(франц.)}

Госпожа Л*, проведшая все время своей молодости в Москве, удалилась наконец в деревню и жила там почти в совершенном уединении, утешаясь своею воспитанницею, дочью покойной ее приятельницы, которая в последний час жизни своей, пожав ее руку, сказала: „Будь матерью моею Юлии!“

Подобно тихой прозрачной реке текла мирная жизнь их, струившаяся невинными удовольствиями и чистыми радостями. Праздность и скука, которые угнетают многих деревенских жителей, не смели к ним приблизиться. Они всегда чем-нибудь занимались; сердце и разум их были всегда в действии. Едва мрачные ночные тени исчезать начинали, едва румяный свет зари начинал разливаться по воздуху, госпожа Л*, пробуждаясь вместе с природою, нежными ласками прерывала покойный сон Юлии и призывала ее пользоваться приятностями утра. Обнявшись, выходили они из дому, дожидались солнца, сидя на высоком холме, и встре-

чали его с благословением. Насладясь сим великолепным зрелищем природы, возвращались они домой с чувством веселия, ходили по саду, осматривали цветы, любовались их освеженною красотою и питались амброзическими испарениями. Госпожа Л*, посмотрев на пышную розу, часто с улыбкою обращала взор свой на Юлию, находя между ими великое сходство. Но Юлия любила более всех цветов фиалку. „Миленький цветочек! -- говаривала она, прикасаясь нежными устами своими к се листочкам.-- Миленький цветочек! Напрасно скрываешься в густоте травы: я везде найду тебя“. Говоря сие, клялась внутренне быть всегда смиренною подобно любезной своей фиалочке. После обеда хаживали они смотреть полевые работы поселян, которые в присутствии их трудились с радостью. Вечер приносил с собою новые удовольствия. Смотрели на заходящее солнце, смотрели, как кроткие овечки при звуках пастушеской свирели бегут домой, блеют и прыгают, как утружденные поселяне один за другим возвращаются в деревню, и слушали, как они, быв довольны успехом работ своих, в простых песнях благословляют мать-натуру и участь свою.

Когда же наступала пасмурная осень и густым мраком все творение покрывала или свирепая зима, от севера несущаяся, потрясала мир; бурями своими, когда в нежное Юлино сердце вкрадывалась томная меланхолия и тихими вздохами колебала грудь ее, тогда брались за книги, бессмертные творения истинных философов, писавших для пользы рода человеческого, тогда читали и перечитывали письма любезного Евгения, сына госпожи Л*, учившегося в чужих краях. Иногда при чтении сих писем глаза Юлины наполнялись слезами, приятными слезами любви и почтения к благоразумному и добросердечному юноше. „Ах! Когда он к нам приедет? -- часто говаривала госпожа Л*.-- Как

счастлива буду я, когда его увижу, прижму к своему сердцу и тебя вместе с ним, Юлия!“

Так текли месяцы и годы. Настало время, в которое молодому Л* надлежало возвратиться в отечество и в объятия своей матери. Всякий день ждали его, и все о нем говорили. Гуляя по цветущим лугам -- тогда было еще начало лета,-- беспрестанно посматривали на большую дорогу. Когда поднималась вдали Пыль, сердца, ожиданием томимые, трепетать начинали. Прогуливались долее обыкновенного, медлили обедать, медлили ужинать, надеялись, что приедет сын, приедет братец -- с самого детства Юлия привыкла называть Евгения сим именем.

Наконец он приехал. Восклицания, восторг, радостные слезы -- кто сие описать может? Несколько дней не могли они от радости опомниться. Юлия -- по скромности, свойственной молодой благодетельной девушке,-- старалась удерживать сильные движения своего сердца, но не всегда могла удержать их. Молодой, пылкий человек, воспитанный с нею вместе и любивший ее, как сестру свою, после такой долговременной разлуки требовал от нее все новых уверений в любви. Юлия должна была обходиться с ним так же вольно, так же просто, как и в детстве. Он непременно хотел, чтобы она всегда говорила ему ты, а не вы; сего последнего слова не мог он терпеть в устах своей Юлии. „Как бы я был несчастлив,-- говорил он трогательным голосом,-- если бы разлука хотя несколько прохладила твою любовь ко мне, тот нежный жар дружбы, который составлял счастье моего младенчества!.. Нет, сестрица! Ты меня, конечно, так же любишь, как и прежде, собственное мое сердце меня в том уверяет. Хотя, расставшись с вами, перешел я совсем в новый мир, где меня все занимало, все изумляло; однако ж мысль о вас -- о матушке и о тебе -- была всегда первою и приятнейшею моею мыслию. Помнишь, как мы прощались, когда Евгений, про-

ливая слезы, сказал тебе прерывающимся голосом: „Юлия! Я буду всегда нежнейшим другом твоим!“ Эта сцена никогда не выходила из памяти моей“. Юлия отвечала ему одною улыбкою, но сия улыбка сказывала ему все. Госпожа Л* в радости обнимала сына своего и Юлию.

Хозяйки водили Евгения по всем лучшим местам в окрестности своей деревни и показывали ему прекрасные виды, открывающиеся с вершины зеленых холмов. „Под этим высоким вязом,-- говорила ему госпожа Л*,-- ты часто сиживал с Юлиею; часто бегивал с нею по этому дугу, в этом леску брали мы землянику, и когда Юлия, не умея искать ягод, грустила, ты тихонько подбегал к ней и пересыпал свои ягоды в ее корзинку. На этой долине вы заставили меня однажды плакать и благодарить бога. Помнишь ли? Нет, ты уже все забыл. Так я расскажу тебе. Мы гуляли по роще. Вышедши на долину, увидели мы лежащего на траве старика, который едва дышал от усталости и зноя. Ты тотчас бросился к нему, схватил с себя шляпу, почерпнул воды, возвратился к старику, напоил его и смыл у него с лица пыль, а Юлия обтерла его платком своим. Боже мой! Как я радовалась вами, видя такие знаки чувствительности вашего сердца!“

Гуляя при свете луны, рассматривали звездное небо и дивились величию божию; внимая шуму водопада, рассуждали о бессмертии. Сколько высоких нежных мыслей сообщали они друг другу, быв оживляемы духом природы! Как возвышалось сердце молодого человека, когда он в лице Юлии рассматривал образ спокойной невинности, освещаемый лучами тихого светила.

Евгений подарил Юлии множество нот, множество французских, италийских, немецких книг. Она прекрасно играла на клавесине и пела. Клопштокова песня „Willkommen, silberner Mond“ {Явись к нам, серебряный месяц (нем.)}, к которой музыку сочинил кавалер Глук, ей отмен-

но полюбилась. Никогда не могла она без сердечного смягчения петь последней строфы, в которой Глух так искусно согласил тоны с чувствами великого поэта. Кроткие, нежные души! Вы одне знаете цену сих виртуозов, и вам единственно посвящены их бессмертные сочинения. Одна слеза ваша есть для них величайшая награда.

15 августа минуло Евгению двадцать два года, а Юлии двадцать один. Утренняя песнь птичек разбудила юношу. Он открыл глаза, и все предметы вокруг него улыбнулись. Встав с веселием, спешил он к своей родительнице. Она сидела в задумчивости, облокотившись на окно, подле которого на молодой яблоне лобызались две горлицы; на челе ее видны были знаки небесных чувств. Евгений смотрел на нее с глубоким почтением, не смев прервать ее размышления. Но сердце ее скоро почувствовало приход любезного сына; она встала, обняла его и благословила день его рождения. Вошла Юлия. Легкое, белое платье с розовыми леутами, распущенные волосы, радостная усмешка -- все сие возвышало красоту ее. Она летела в объятия своей воспитательницы. Едгедай целовал ее руку.

Госпожа Л* села на софу, посадила подле себя детей своих, смотрела на них с умильною любовью и начала говорить: „Бог видит, что я вас равно люблю, сердце мое признает Юлию своею дочерью. Я всегда радовалась взаимною вашею любовью, веселилась, что бог даровал мне таких милых детей. Признаюсь, я боялась, чтобы ты, сын мой, просвещая свой разум, не развратился в сердце, которое у тебя так мягко. Часто на коленях взывала я к богу: спаси моего сына! -- Он услышал молитву мою, и ты возвратился к нам с большими знаниями и с неиспорченными чувствами. Не правда ли, что и в Юлии нашел ты новые достоинства? Она была предметом всех моих попечений, я старалась ее научить всему тому, что сама знала. Богу открыто было мое намерение,

а теперь и вам его открою. Я готовила вас друг для друга. Вы друг друга достойны, друг друга любите: совершите же благополучие мое и соединитесь вечным, священным союзом!“ Евгений вдруг встал, бросился к ногам матери своей и мог сказать только: „Матушка... Матушка!“ Юлия преклонила голову свою на груди ее и в безмолвии жала ее руку. Евгений одною рукою обнял мать свою и Юлию... Блаженные патриархальные времена, в которые добродетельный юноша без всякой боязливой застенчивости, означающей растленную пороком душу, прижимал к груди своей добродетельную девицу! Одна минута излетела из глубины вашей, вырвалась из объятий вечности, вас поглотившей, возвратилась в мир и осчастливила юного Евгения! „Блаженствуйте, дети мои! -- говорила гж. Л*,-- блаженствуйте ко счастью матери вашей!“ -- „Ах! Достойна ли я такого блаженства! -- сказала Юлия.-- Ваши милости...“ -- „Ты для меня небесный дар, Юлия, дар, которого едва смел я желать во глубине своего сердца“;

Если бы Рафаэль увидел сию сцену, то он забыл бы писать картину и в восхищении бросил бы кисть свою.

Все домашние, узнав, что Евгений скоро будет супругом Юлиным, были вне себя от радости, все любили его, все любили ее. Всякий спешил к обедне, всякий хотел от всего сердца молиться о благополучии их. Какое зрелище для ангелов! Евгений и Юлия составляли одно сердце, в пламени молитвы к небесам воспарявшее. Госпожа Л* в жару благоговения многократно упала на колени, поднимая глаза к небу и потом обращая их на детей своих. Надлежало думать, что сии сердечные Прошения будут иметь счастливые следствия для юной четы, что она будет многолетствовать в непрерывном блаженстве, каким только можно смертному на земле сей наслаждаться. Но судьбы всемогущего суть для нас непостижимая тайна. Пребывая искони верен законам

своей премудрости и благости, он творит -- мы изумляемся и благоговеем -- в вере и молчании благоговеть должны.

Будучи в беспрестанном восторге высочайшей радости, Евгений около вечера почувствовал в себе сильный жар. Он не хотел чувствовать его, хотел превозмогать натуру и таить сие бремя; ко внутреннее состояние его скоро открылось пронизательным глазам нежной его родительницы и Юлии. Страх разлился по всем нервам их. Радость, подобно летнему солнцу, скрылась за облако печальных предчувствий; буря и гром таились в недрах оного. Больного положили на постелью -- послали в город за доктором -- все были в смятении, но все старались еще льстить себя надеждою. Так человек по некоторому природному побуждению -- может быть, счастливому -- закрывает глаза свои, когда освещает его луч будущих горестей!

Евгений, несмотря на то что пламя болезни стремилось в нем охватить все протоки жизни, просил печальную мать свою и плачущую Юлию успокоиться, уверяя, что ему становится лучше; но огненные руки его и горящее лицо обличали его в неправде. Три дни, в которые ни гж. Л*, ни Юлия почти не отходили от постели и не смыкали глаз, болезнь его то усиливалась, то уменьшалась. Приехал доктор, осмотрел больного и не сказал ничего решительного. Казалось, что в пятый день было ему гораздо легче: утешение блеснуло в душах печальных. Но в шестой день пришел он в беспамятство, и доктор сказал Юлии за тайну, что нельзя ручаться за жизнь его.-- Оцепенение и обморок!

Больной в беспамятстве своем часто говорил с жаром: „Я не хочу, не хочу с нею расстаться!.. Только с нею хотел бы я царствовать... Оставь меня, искунитель, и не кажись Юлии!“

В девятый день, на самом рассвете, душа Евгениева оставила брренное тело. Исступленной матери казалось, что собор святых духов принял ее в свои объятия и с громогласными

песнями провожал по пространствам эфира. После сей небесной мечты она почувствовала в себе бодрость и могла утешать Юлию, которая упала на грудь мертвого и в отчаянии восклицала: „Друг, супруг мой! Постой, постой! Умрем вместе!“ Насилу могли вывести ее из комнаты.

Через три дни надлежало погребать тело. Все дворовые люди и крестьяне присутствовали при сем печальном обряде и проливали горькие слезы. Всякий хотел нести гроб и тем оказать последний долг покойному. За гробом шла несчастная мать в длинном черном платье. Немая горесть изображалась на лице ее, но сквозь глубокие черты сей горести сияла твердость и всякая надежда на небесное подкрепление. Бледная, изнемогшая Юлия не могла сама идти, ее вели две женщины под руки в некотором отдалении от гроба. Ни одной капли слез не видно было в глазах ее, и никаких жалоб уста ее не произносили, но в сердце своем чувствовала она всю тягость свершившегося удара.

Унылый глас похоронных песней и вид гроба, опускаемого в землю, не могли поколебать мужества гж. Л*. Но Юлия не могла уже вынести сей последней сцены, громко закричала и едва было без чувств не упала в могилу, но гж. Л* успела схватить и удержать ее.

Так скрылся из мира нашего любезный юноша. Прости, цвет добродетели и невинности! Прах твой покоится в объятиях общей матери нашей, но дух, составлявший истинное существо твое, плавает в бесчисленных радостях вечности, ожидая своей любезной, с которою не мог он здесь соединиться вечным союзом. Прости!

Гж. Л* и Юлия лишились в сей жизни всех удовольствий и живут во всегдашнем меланхолическом уединении. Самая природа, бывшая некогда для них источником радостей, представляется им мрачною и запустевшею. Единственную отраду свою находят они в молитве и в помышлении о бу-

дущей жизни. В следующую весну Юлия насадила множество благовонных цветов на могиле своего возлюбленного; будучи орошаемы ее слезами, они распускаются там скорее, нежели в саду и на лугах. Молодые деревенские девушки и мальчики празднуют подле сей могилы пришествие прекрасного мая, но отцы их и матери никогда без тяжелого вздоха мимо ее не проходят.

Один молодой чувствительный человек, проезжавший через деревню гж. Л* и слышавший сию печальную повесть, посетил гроб Евгениев и на белом камне, лежавшем между цветов на могиле, написал карандашом следующую эпитафию, которая после была вырезана на особливом мраморном камне:

Сей райский цвет не мог в сем мире распуститься --
Увял, иссох, опал -- и в рай был пренесен.

az.lib.ru/k/karamzin_n_m/text_0980.shtml

ПИСЬМА РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА (Отрывки)

Я хотел при новом издании многое переменить в сих „Письмах“, и не переменял почти ничего. Как они были писаны, как удостоились лестного благоволения публики, пусть так и остаются. Пестрота, неровность в слоге есть следствие различных предметов, которые действовали на душу молодого, неопытного русского путешественника: он сказывал друзьям своим, что ему приключалось, что он видел, слышал, чувствовал, думал, – и описывал свои впечатления не на досуге, не в тишине кабинета, а где и как случалось, дорогою, на лоскутках, карандашом. Много неважного, мелочи – соглашаюсь; но если в Ричардсоновых, Фильдинговых романах без скуки читаем мы, например, что Грандисон всякий день пил два раза чай с любезною мисс Бирон; что Том Джонес спал ровно семь часов в таком-то сельском трактире, то для чего же и путешественнику не простить некоторых бездельных подробностей? Человек в дорожном платье, с посохом в руке, с котомкою за плечами не обязан говорить с осторожною разборчивостью какого-нибудь придворного, окруженного такими же придворными, или профессора в шпанском парике, сидящего на больших, ученых креслах. – А кто в описании путешествий ищет одних статистических и географических сведений, тому, вместо сих „Писем“, советую читать Бишингову „Географию“.

Тверь, 18 мая 1789

Расстался я с вами, милые, расстался! Сердце мое приязано к вам всеми нежнейшими своими чувствами, а я беспрестанно от вас удаляюсь и буду удаляться!

О сердце, сердце! Кто знает: чего ты хочешь? – Сколько лет путешествие было приятнейшею мечтою моего воображения? Не в восторге ли сказал я самому себе: наконец ты поедешь? Не в радости ли просыпался всякое утро? Не с удовольствием ли засыпал, думая: ты поедешь? Сколько времени не мог ни о чем думать, ничем заниматься, кроме путешествия? Не считал ли дней и часов? Но – когда пришел желаемый день, я стал грустить, вообразив в первый раз живо, что мне надлежало расстаться с любезнейшими для меня людьми в свете и со всем, что, так сказать, входило в состав нравственного бытия моего. На что ни смотрел – на стол, где несколько лет изливались на бумагу незрелые мысли и чувства мои, на окно, под которым сиживал я подгорюнившись в припадках своей меланхолии и где так часто заставало меня восходящее солнце, на готический дом, любезный предмет глаз моих в часы ночные, – одним словом, все, что попадалось мне в глаза, было для меня драгоценным памятником прошедших лет моей жизни, не обильной делами, но зато мыслями и чувствами обильной.

С вещами бездушными прощался я, как с друзьями; и в самое то время, как был размягчен, растроган, пришли люди мои, начали плакать и просить меня, чтобы я не забыл их и взял опять к себе, когда возвращуся. Слезы заразительны, мои милые, а особливо в таком случае.

Но вы мне всегда любезнее, и с вами надлежало расстаться. Сердце мое так много чувствовало, что я говорить забывал. Но что вам сказывать! – Минута, в которую мы

прощались, была такова, что тысячи приятных минут в будущем едва ли мне за нее заплатят.

Милый Птрв. провожал меня до заставы. Там обнялись мы с ним, и еще в первый раз видел я слезы его; там сел я в кибитку, взглянул на Москву, где оставалось для меня столько любезного, и сказал: прости! Колокольчик зазвенел, лошади помчались . и друг ваш осиротел в мире, осиротел в душе своей!

Все прошедшее есть сон и тень: ах! где, где часы, в которые так хорошо бывало сердцу моему посреди вас, милые? – Если бы человеку, самому благополучному, вдруг открылось будущее, то замерло бы сердце его от ужаса и язык его онемел бы в самую ту минуту, в которую он думал назвать себя счастливейшим из смертных!

Во всю дорогу не приходило мне в голову ни одной радостной мысли; а на последней станции к Твери грусть моя так усилилась, что я в деревенском трактире, стоя перед карикатурами королевы французской и римского императора, хотел бы, как говорит Шекспир, выплакать сердце свое. Там-то все оставленное мною явилось мне в таком трогательном виде. – Но полно, полно! Мне опять становится чрезмерно грустно. – Простите! Дай бог вам утешений. – Помните друга, но без всякого горестного чувства!

С.-Петербург, 26 мая 1789

Прожив здесь пять дней, друзья мои, через час поеду в Ригу. В Петербурге я не веселился. Приехав к своему Д*, нашел его в крайнем унынии. Сей достойный, любезный человек {Его уже нет в здешнем свете.} открыл мне свое сердце: оно чувствительно – он несчастлив! „Состояние мое совсем твоему противоположно, – сказал он со вздохом, – главное твое желание исполняется: ты едешь наслаждаться, веселиться;

а я поеду искать смерти, которая одна может окончить мое страдание“. Я не смел утешать его и довольствовался одним сердечным участием в его горести. „Но не думай, мой друг, – сказал я ему, – чтобы ты видел перед собою человека, довольного своею судьбою; приобретая одно, лишаюсь другого и жалею“. – Оба мы вместе от всего сердца жаловались на несчастный жребий человечества или молчали. По вечерам прохаживались в Летнем саду и всегда больше думали, нежели говорили; каждый о своем думал. До обеда бывал я на бирже, чтобы видеться с знакомым своим англичанином, через которого надлежало мне получить векселя. Там, смотря на корабли, я вздумал было ехать водою, в Данциг, в Штетин или в Любек, чтобы скорее быть в Германии. Англичанин мне то же советовал и сыскал капитана, который через несколько дней хотел плыть в Штетин. Дело, казалось, было с концом; однако ж вышло не так. Надлежало объявить мой паспорт в адмиралтействе; но там не хотели надписать его, потому что он дан из московского, а не из петербургского губернского правления и что в нем не сказано, как я поеду; то есть, не сказано, что поеду морем. Возражения мои не имели успеха – я не знал порядка, и мне оставалось ехать сухим путем или взять другой паспорт в Петербурге. Я решился на первое; взял подорожную – и лошади готовы. Итак, простите, любезные друзья! Когда-то будет мне веселее! А до сей минуты все грустно. Простите!

Рига, 31 мая 1789

Вчера, любезнейшие друзья мои, приехал я в Ригу и остановился в „Hotel de Petersbourg“. Дорога меня измучила. Не довольно было сердечной грусти, которой причина вам известна: надлежало еще идти сильным дождям; надлежало, чтобы я вздумал, к несчастью, ехать из Петербурга

на перекладных и нигде не находил хороших кибиток. Все меня сердило. Везде, казалось, брали с меня лишнее; на каждой перемене держали слишком долго. Но нигде не было мне так горько, как в Нарве. Я приехал туда весь мокрый, весь в грязи; насилу мог найти купить две рогожи, чтобы сколько-нибудь закрыться от дождя, и заплатил за них по крайней мере как за две кожи. Кибитку дали мне негодную, лошадей скверных. Лишь только отъехали с полверсты, переломилась ось: кибитка упала и грязь, и я с нею. Илья мой поехал с ящиком назад за осью, а бедный ваш друг остался на сильном дожде. Этого еще мало: пришел какой-то полицейский и начал шуметь, что кибитка моя стояла среди дороги. „Спрячь её в карман!“ – сказал я с притворным равнодушием и вернулся в плащ. Бог знает, каково мне было в эту минуту! Все приятные мысли о путешествии затмились в душе моей. О, если бы мне можно было тогда перенестись к вам, друзья мои! Внутренне проклинал я то беспокойство сердца человеческого, которое влечет нас от предмета к предмету, от верных удовольствий к неверным, как скоро первые уже не новы, – которое настраивает к мечтам наше воображение и заставляет нас искать радостей в неизвестности будущего!

Есть всему предел; волна, ударившись о берег, назад возвращается или, поднявшись высоко, опять вниз упадает – и в самый тот миг, как сердце мое стало полно, явился хорошо одетый мальчик, лет тринадцати, и с милою, сердечною улыбкою сказал мне по-немецки: „У вас изломалась кибитка? Жаль, очень жаль! Пожалуйте к нам – вот наш дом – батюшка и матушка приказали вас просить к себе“. – „Благодарю вас, государь мой! Только мне нельзя отойти от своей кибитки; к тому же я одет слишком по-дорожному и весь мокр“. – „К кибитке приставим мы человека; а на платье дорожных кто смотрит? Пожалуйте, сударь, пожалуйте!“ Тут улыбнулся он так убедительно, что я должен был стряхнуть воду с

шляпы своей – разумеется, для того, чтобы с ним идти. Мы взяли за руки и побежали бегом в большой каменный дом, где в зале первого, этажа нашел я многочисленную семью, сидящую вокруг стола; хозяйка разливала чай и кофе. Меня приняли так ласково, потчевали так сердечно, что я забыл все свое горе. Хозяин, пожилой человек, у которого добродушие на лице написано, с видом искреннего участия расспрашивал меня о моем путешествии. Молодой человек, племянник его, недавно возвратившийся из Германии, сказывал мне, как удобнее ехать из Риги в Кенигсберг. Я пробыл у них около часа. Между тем привезли ось, и все было готово. „Нет, еще постойте!“ – сказали мне, и хозяйка принесла на блюде три хлеба. „Наш хлеб, говорят, хорош: возьмите его“. – „Бог с вами!“ – примолвил хозяин, пожав мою руку, – бог с вами!“ Я сквозь слезы благодарил его и желал, чтобы он и впредь своим гостеприимством утешал печальных странников, расставшихся с милыми друзьями. – Гостеприимство, священная добродетель, обыкновенная во дни юности рода человеческого и столь редкая во дни наши! Если я когда-нибудь тебя забуду, то пусть забудут меня друзья мои! Пусть вечно буду на земле странником и нигде не найду второго Крамера! {Один из моих приятелей, будучи в Нарве, читал Крамеру сие письмо – он был доволен – я еще больше!} Простился со всею любезною семьей, сел в кибитку и поскакал, обрадованный находкой добрых людей! – Почта от Нарвы до Риги называется немецкою, для того что комиссары на станциях немцы. Почтовые дома везде одинакие – низенькие, деревянные, разделенные на две половины: одна для проезжих, а в другой живет сам комиссар, у которого можно найти все нужное для утоления голода и жажды. Станции маленькие; есть по двенадцати и десяти верст. Вместо ямщиков ездят отставные солдаты, из которых иные помнят Миниха; рассказывая сказки, забывают они погонять лошадей, и для того приехал

я сюда из Петербурга не прежде, как в пятый день. На одной станции за Дерптом надлежало мне ночевать: г. З., едущий из Италии, забрал всех лошадей. Я с полчаса говорил с ним и нашел в нем любезного человека. Он настрашал меня песчаными прусскими дорогами и советовал лучше ехать через Польшу и Вену; однако ж мне не хочется переменить своего плана. Пожелав ему счастливого пути, бросился я на постелю; но не мог заснуть до самого того времени, как чухонец пришел мне сказать, что кибитка для меня впряжена.

Я не приметил никакой розницы между эстляндцами и лифляндцами, кроме языка и кафтанов: одни носят черные, а другие серые. Языки их сходны; имеют в себе мало собственного, много немецких и даже несколько славянских слов. Я заметил, что они все немецкие слова смягчают в произношении: из чего можно заключить, что слух их нежен; но видя их неперворство, неловкость и недогадливость, всякий должен думать, что они, просто сказать, глуповаты. Господа, с которыми удалось мне говорить, жалуются на их леность и называют их сонливыми людьми, которые по воле ничего не сделают: и так надобно, чтобы их очень неволили, потому что они очень много работают, и мужик в Лифляндии или в Эстляндии приносит господину вчетверо более нашего казанского или симбирского.

Сии бедные люди, работающие господам со страхом и трепетом во все будничные дни, зато уже без памяти веселятся в праздники, которых, правда, весьма немного по их календарю. Дорога усеяна корчмами, и все они в проезд мой были наполнены гуляющим народом – праздновали троицу. Мужики и господа лютеранского исповедания. Церкви их подобны нашим, кроме того, что наверху стоит не крест, а петух, который должен напоминать о падении апостола Петра. Проповеди говорятся на их языке; однако ж пасторы все знают по-немецки.

Что принадлежит до местоположений, то в этой стороне смотреть не на что. Леса, песок, болота; нет ни больших гор, ни пространных долин. – Напрасно будешь искать и таких деревень, как у нас. В одном месте видишь два двора, в другом три, четыре и церковь. Избы больше наших и разделены обыкновенно на две половины: в одной живут люди, а другая служит хлевом. – Те, которые едут не на почтовых, должны останавливаться в корчмах. Впрочем, я почти совсем не видал проезжих: так пуста эта дорога в нынешнее время.

О городах говорить много нечего, потому что я в них не останавливался. В Ямбурге, маленьком городке, известном по своим суконным фабрикам, есть изрядное каменное строение. Немецкая часть Нарвы, или, собственно, так называемая Нарва, состоит по большей части из каменных домов; другая, отделяемая рекою, называется Иван-город. В первой всё на немецкую статью, а в другой всё на русскую. Тут была прежде наша граница – о, Петр, Петр!

Когда открылся мне Дерпт, я сказал: прекрасный городок! Там все праздновало и веселилось. Мужчины и женщины ходили по городу обнявшись, и в окрестных рощах мелькали гуляющие четы. Что город, то норы; что деревня, то обычай. – Здесь-то живет брат несчастного Л* {Ленца, немецкого автора, который несколько времени жил со мною в одном доме. Глубокая меланхолия, следствие многих несчастий, свела его с ума; но в самом сумасшествии он удивлял нас иногда своими пиитическими идеями, а всего чаще трогал добродушием и терпением.}. Он главный пастор, всеми любим и доход имеет очень хороший. Помнит ли он брата? Я говорил об нем с одним лифляндским дворянином, любезным, пылким человеком. „Ах, государь мой! – сказал он мне, – самое то, что одного прославляет и счастливит, делает другого злополучным. Кто, читая поэму шестнадцатилетнего Л* и все то, что он писал до двадцати пяти лет, не увидит утрен-

ней зари великого духа? Кто не подумает: вот юный Клопшток, юный Шекспир? Но тучи помрачили эту прекрасную зарю, и солнце никогда не воссияло. Глубокая чувствительность, без которой Клопшток не был бы Клопштоком и Шекспир Шекспиром, погубила его. Другие обстоятельства, и Л* бессмертен!“ –

Лишь только въедешь в Ригу, увидишь, что это торговый город, – много лавок, много народа – река покрыта кораблями и судами разных наций – биржа полна. Везде слышишь немецкий язык – где-где русский, – и везде требуют не рублей, а талеров. Город не очень красив; улицы узки – но много каменного строения, есть хорошие дома.

В трактире, где я остановился, хозяин очень услужлив: сам носил паспорт мой в правление и в благочиние и сыскал мне извозчика, который за тринадцать червонцев нанялся довезти меня до Кенигсберга, вместе с одним французским купцом, который нанял у него в свою коляску четырех лошадей; а я поеду в кибитке. – Илью отправлю отсюда прямо в Москву.

Милые друзья! Всегда, всегда о вас думаю, когда могу думать. Я еще не выехал из России, но давно уже в чужих краях, потому что давно с вами расстался.

Курляндская корчма, 1 июня 1789

Еще не успел я окончить письма к вам, любезнейшие друзья, как лошади были впряжены и трактирщик пришел сказать мне, что через полчаса запрут городские ворота. Нужно было дописать письмо, расплатиться, укласть чемодан и приказать кое-что Илье. Хозяин воспользовался моим недосугом и подал мне самый аптекарский счет; то есть за одне сутки он взял с меня около девяти рублей!

Удивляюсь еще, как я в таких торопях ничего не забыл в трактире. Наконец все было готово, и мы выехали из ворот. Тут простился я с добродушным Ильею – он к вам поехал, милые! – Начало смеркаться. Вечер был тих и прохладен. Я заснул крепким сном молодого путешественника и не чувствовал, как прошла ночь. Восходящее солнце разбудило меня лучами своими; мы приближались к заставе, маленькому домику с рогаткою. Парижский купец пошел со мною к майору, который принял меня учтиво и после осмотра велел нас пропустить. Мы въехали в Курляндию – и мысль, что я уже вне отечества, производила в душе моей удивительное действие. На все, что попадалось мне в глаза, смотрел я с отменным вниманием, хотя предметы сами по себе были весьма обыкновенны. Я чувствовал такую радость, какой со времени нашей разлуки, милые! еще не чувствовал. Скоро открылась Митава. Вид сего города некрасив, но для меня был привлекателен! „Вот первый иностранный город“, – думал я, и глаза мои искали чего-нибудь отменного, нового. На берегу реки Аа, через которую мы переехали на плоту, стоит дворец герцога курляндского, не малый дом, впрочем, по своей наружности весьма не великолепный. Стекла почти везде выбиты или вынуты; и видно, что внутри комнат переделывают. Герцог живет в летнем замке, недалеко от Митавы. Берег реки покрыт лесом, которым сам герцог исключительно торгует и который составляет для него немалый доход. Стоявшие на карауле солдаты казались инвалидами. Что принадлежит до города, то он велик, но нехорош. Дома почти все маленькие и довольно неопрятны; улицы узки и худо вымощены; садов и пустырей много.

Мы остановились в трактире, который считается лучшим в городе. Тотчас окружили нас жида с разными безделками. Один предлагал трубку, другой – старый лютеранский молитвенник и Готшедову „Грамматику“, третий – зритель-

ное стекло, и каждый хотел продать товар свой таким добрым господам за самую сходную цепу. Француженка, едущая с парижским купцом, женщина лет в сорок пять, стала оправлять свои седые волосы перед зеркалом, а мы с купцом, заказав обед, пошли ходить по городу – видели, как молодой офицер учил старых солдат, и слышали, как пожилая курноса немка в чепчике бранилась с пьяным мужем своим, сапожником! Возвратясь, обедали мы с добрым аппетитом и после обеда имели время напитаться кофе, чаю и поговорить довольно. Я узнал от спутника своего, что он родом италиянец, но в самых молодых годах оставил свое отечество и торгует в Париже; много путешествовал и в Россию приезжал отчасти по своим делам, а отчасти для того, чтобы узнать всю жестокость зимы; и теперь возвращается опять в Париж, где намерен навсегда остаться. – За все вместе заплатили мы в трактире по рублю с человека.

Выехав из Митавы, увидел я приятнейшие места. Сия земля гораздо лучше Лифляндии, которую не жаль проехать зажмурясь. Нам попались немецкие извозчики из Либав и Пруссии. Странные экипажи! Длинные фуры цугом; лошади пребольшие, и висящие на них погремушки производят неслышимый для ушей шум. Отъехав пять миль, остановились мы ночевать в корчме. Двор хорошо покрыт; комнаты довольно чисты, и в каждой готова постель для путешественников.

Вечер приятен. В нескольких шагах от корчмы течет чистая река. Берег покрыт мягкою зеленою травой и осенен в иных местах густыми деревьями. Я отказался от ужина, вышел на берег и вспомнил один московский вечер, в который, гуляя с Пт. под Андроньевым монастырем, с отменным удовольствием смотрели мы на заходящее солнце. Думал ли я тогда, что ровно через год буду наслаждаться приятностями вечера в курляндской корчме? Еще другая мысль пришла мне

в голову. Некогда начал было я писать роман и хотел в воображении объездить точно те земли, в которые теперь еду. В мысленном путешествии, выехав из России, остановился я ночевать в корчме: и в действительном то же случилось. Но в романе писал я, что вечер был самый ненастный, что дождь не оставил на мне сухой нитки и что в корчме надлежало мне сушиться перед камином; а на деле вечер выдался самый тихий и ясный. Сей первый ночлег был несчастлив для романа; боясь, чтобы ненастное время не продолжилось и не обеспокоило меня в моем путешествии, сжег я его в печи, в благословенном своем жилище на Чистых Прудах. – Я лег на траве под деревом, вынул из кармана записную книжку, чернилицу и перо и написал то, что вы теперь читали.

Между тем вышли на берег два немца, которые в особой кибитке едут с нами до Кенигсберга; легли подле меня на траве, закурили трубки и от скуки начали бранить русский народ. Я, перестав писать, хладнокровно спросил у них, были ли они в России далее Риги? „Нет“, – отвечали они. „А когда так, государи мои, – сказал я, – то вы не можете судить о русских; побывав только в пограничном городе“. Они не рассудили за благо спорить, но долго не хотели признать меня русским, воображая, что мы не умеем говорить иностранными языками. Разговор продолжался. Один из них сказал мне, что он имел счастье быть в Голландии и скопил там много полезных знаний. „Кто хочет узнать свет, – говорил он, – тому надобно ехать в Роттердам. Там-то живут славно, и все гуляют на шлюпках! Нигде не увидишь того, что там увидишь. Поверьте мне, государь мой, в Роттердаме я сделался человеком!“ – „Хорош гусь!“ – думал я – и пожелал им доброго вечера.

...

Гавриил Романович Державин

(1744–1816)

Подобно Карамзину, и Державин связан с постепенным переходом от классицистической эпохи русской литературы к преромантизму. Так как он старше Карамзина, его творчество можно считать свидетельством постепенных изменений в характере (и темы, и формальные признаки) русской литературы того времени.

Кого именует Державин в своих стихах «Фелица»? Чем отличаются стихи, посвященные Фелице, от «Прогулки в Царском Селе»?

Кто такое Анакреон и чем характерны анакреонтические стихи?

РАЗЛУКА

Неизбежным уже роком
Растаешься ты со мной,
Во стенании жестоком
Разлучаюсь я с тобой;
Обливался слезами,
Не могу тоски снести,
Не могу сказать словами,
Сердцем говорю: прости.
Белы руки, милы очи
Я целую у тебя.
Нету силы, нету мочи
Мне уехать от тебя.
Лобызая, обмирая,
Тебе душу отдаю
Иль из уст твоих желаю
Душу взять с собой твою.

СОНЕТ

Красавица, не трать ты времени напрасно
И знай, что без любви все в свете суеты:
Жалей и не теряй прелестной красоты,
Чтоб после не тужить, что век прошел несчастливо.

Любися в младости, доколе сердце страстно;
Как сей век пролетит, ты будешь уж не ты.
Плети себе венки, покуда есть цветы,
Гуляй в садах весной, а осенью ненастно.

Взгляни когда, взгляни на розовый цветок,
Тогда, когда уже завял ее листок:
И красота твоя подобно ей завянет.
Не трать своих ты дней, доколь ты не стара,

И знай, что на тебя никто тогда не взглянет,
Когда, как розы сей, пройдет твоя пора.

ПИКНИКИ

Оставя беспокойство в граде
И всё, смущает что умы,
В простой приятельской прохладе
Свое проводим время мы.

Невинны красоты природы
По холмам, рощам, островам,
Кустарники, луга И воды -
Приятная забава нам.

Мы положили меж друзьями
Законы равенства хранить;
Богатством, властью и чинами
Себя отнюдь не возносить.

Но если весел кто, забавен,
Любезнее других тот нам;
А если скромн, благонравен,
Мы чтим того не по чинам.

Нас не касаются раздоры,
Обидам места не даем;
Но, души всех, сердца и взоры
Совокупя, веселье пьем.

У нас не стыдно и герою
Повиноваться красотам;
Всегда одной дышать войною
Прилично варварам, не нам.

У нас лишь для того собрание,
Чтоб в жизни сладость почерпать;
Любви и дружества желанье -
Между собой цветы срывать.

Кто ищет общества, согласия,
Приди повеселись у нас;
И то для человека счастье,
Когда один приятен час.

ПРАВИЛО ЖИТЬ

Утешь поклоном горделивца,
Уйми пощечиной сварливца,
Засаль подмазкой скрып ворот,
Заткни собаке хлебом рот, – Я бьюся об заклад,
Что все четыре замолчат.

НЕВЕСТЕ

Хотел бы похвалить, но чем начать, не знал.
Как роза ты нежна, как ангел хороша,
Приятна как любовь, любезна как душа;
Ты лучше всех похвал; тебя я обожаю.

Нарядом мнят придать красавице приятство.
Но лъзя ль алмазами милей быть дурноте?
Прелестнее ты всех в невинной простоте:
Теряет на тебе сияние богатство.

Лилеи на холмах груди твоей блистают,
Зефиры кроткие во нрав тебе даны,
Долинки на щеках – улыбки зарь, весны;
На розах уст твоих – соты благоухают.

Как по челу волосы гы рассыпаешь черны,
Румяная заря глядит из темных туч;
И понт как голубый пронзает звездный луч,
Так сердца глубину провидит взгляд твой скромный.

Но я ль, описывать красы твои дерзая,
Все прелести твои изобразить хочу?
Чем больше я прельщен, тем больше я молчу:
Собор в тебе утех, блаженство вижу рай!
Как счастлив смертный, кто с тобой проводит время!

Счастливее того, кто нравится тебе.

В благополучии кого сравню себе,
Когда златых оков твоих несть буду бремя?

НА РОЖДЕНИЕ В СЕВЕРЕ ПОРФИРОРОДНОГО ОТРОКА

С белыми Борей власами
И с седою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжимал рукой;
Сыпал иней пушисты
И метели воздымал,
Налагая цепи льдисты.
Быстры воды оковал.
Вся природа содрогала
От лихого старика;
Землю в камень претворяла
Хладная его рука;
Убегали авери в норы,
Рыбы крылись в глубинах.
Петь не смели птичек хоры,
Пчелы прятались в дуплах;
Засыпали нимфы с скуки
Средь пещер и камышей,
Согревать сатиры руки
Собирались вокруг огней.
В это время столь холодно,
Как Борей был разъярен,
Отроча порфирородно
В царстве Северном рожден.
Родился, – и в ту минуту
Перестал реветь Борей;
Ондохнул, – и зиму люту
Удалил Зефир с полей;

Он воззрел, – и солнце красно
Обратилось к весне;
Он вскричал, – и лир согласно
Звук разнесся в сей стране;
Он простер лишь детски руки, -
Уж порфиру в руки брал;
Раздались Громовы звуки,
И весь Север воссиял.
Я увидел в восхищеньи
Растворен судеб чертог;
И подумал в изумленьи:
„Знать, родился некий бог“.
Гении к нему слетели
В светлом облаке с небес;
Каждый гений к колыбели
Дар рожденному принес:
Тот принес ему гром в руки
Для предбудущих побед;
Тот художества, науки,
Украшающие свет;
Тот обилие, богатство,
Тот сияние порфир;
Тот утехи и приятство,
Тот спокойствие и мир;
Тот принес ему телесну,
Тот душевну красоту;
Прозорливость тот небесну,
Разум, духа высоту.
Словом: все ему блаженства
И таланты подаря,
Все влияли совершенства,
Составляючи царя;
Но последний, добродетель

Зарождаючи в нем, рек:
„Будь страстей твоих владетель,
Будь на троне человек!“
Все крылами всплескали,
Каждый гений восклицал:
„Се божественный, – вещали, –
Дар младенцу он избрал!
Дар, всему полезный миру!
Дар, добротам всем венец!
Кто приемлет с ним порфиру,
Будет подданным отец!“ -
„Будет, – и судьбы гласили, -
Он монархам образец!“
Лес и горы повторили:
„Утешением сердец!“ -
Сим Россия восхищенна
Токи слезны пролила,
На колени преклоненна,
В руки отрока взяла;
Восприяв его, лобзает
В перси, очи и уста;
В нем геройство возрастает,
Возрастает красота.
Все его уж любят страстно,
Всех сердца уж он возжёт:
Возрастай, дитя прекрасно!
Возрастай, наш полубог!
Возрастай, уподобляясь
Ты родителям во всем;
С их ты матерью равняясь,
Соравняйся с божеством.

НА СМЕРТЬ КНЯЗЯ МЕЩЕРСКОГО

Глагол времен! металла звон!
Твой страшный глас меня смущает,
Зовет меня, зовет твой стон,
Зовет – и к гробу приближает.
Едва увидел я сей свет,
Уже зубами смерть скрежещет,

Как молнией, косою блещет
И дни мои, как злак, сечет.
Ничто от роковых когтей,
Никая тварь не убегает:
Монарх и узник – снедь червей,
Гробницы злость стихий снедает;
Зияет время славу стерть:
Как в море льются быстры воды,
Так в вечность льются дни и годы;
Глокает царства алчна смерть.

Скользим мы бездны на краю,
В которую стремглав свалимся;
Приемлем с жизнью смерть свою,
На то, чтоб умереть, родимся.
Без жалости всё смерть разит:
И звезды ею сокрушатся,
И солнца ею потушатся,
И всем мирам она грозит.

Не мнит лишь смертный умирать
И быть себя он вечным чаёт;

Приходит смерть к нему, как тать,
И жизнь внезапно похищает.
Увы! где меньше страха нам,
Там может смерть постичь скорее;
Ее и громы не быстрее
Слетают к гордым вышинам.

Сын роскоши, прохлад и нег,
Куда, Мещерский! ты сокрылся?
Оставил ты сей жизни брег,
К брегам ты мертвых удалился;
Здесь персть твоя, а духа нет.
Где ж он? – Он там. -
Где там? – Не знаем.
Мы только плачем и взываем:
„О, горе нам, рожденным в свет!“

Утехи, радость и любовь
Где купно с здоровьем блистали,
У всех там цепенеет кровь
И дух мятется от печали.
Где стол был яств, там гроб стоит;
Где пиршеств раздавались лики,
Надгробные там воют клики,
И бледна смерть на всех глядит.

Глядит на всех – и на царей,
Кому в державу тесны миры;
Глядит на пышных богачей,
Что в злате и серебре кумиры;
Глядит на прелесть и красы,
Глядит на разум возвышенный,
Глядит на силы дерзновенны

И точит лезвие косы.

Смерть, трепет естества и страх!
Мы гордость, с бедностью совместна;
Сегодня бог, а завтра прах;
Сегодня льстит надежда лестна,
А завтра – где ты, человек?
Едва часы протечь успели,
Хаоса в бездну улетели,
И весь, как сон, прошел твой век.

Как сон, как сладкая мечта,
Исчезла и моя уж младость;
Не сильно нежит красота,
Не столько восхищает радость,
Не столько легкомыслен ум,
Не столько я благополучен;

Желанием честей размучен,
Зовет, я слышу, славы шум.
Но так и мужество пройдет
И вместе к славе с ним стремленье;
Богатств стяжание минет,
И в сердце всех страстей волненье
Прейдет, прейдет в чреду свою.
Подите счастья прочь возможны,
Вы все переменны здесь и ложны:
Я в дверях вечности стою.

Сей день иль завтра умереть,
Перфильев! должно нам конечно:
Почто ж терзаться и скорбеть,

Что смертный друг твой жил не вечно?
Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой ее себе к покою
И с чистою твоей душою
Благословляй судеб удар.

НА МОДНОЕ ОСТРОУМИЕ 1780 ГОДА

Не мыслить ни о чем и презирать сомненье,
На все давать тотчас свободное решение,
Не много разуметь, о многом говорить;
Быть дерзку, но уметь продеозостями льстить;
Красивой пустошью плодиться в разговорах
И другу и врагу являть приятство в взорах;
Блистать учтивостью, но, чтя, пренебрегать,
Смеяться дуракам и им же потакать,
Любить по прибыли, по случаю дружиться,
Душою подличать, а внешностью гордиться;
Казаться богачом, а жить на счет других;
С осанкой важничать в безделицах самих;
Для острого словца шутить и над законом;
Не уважать отцом, ни матерью, ни троном;
И словом, лишь умом в поверхности блистать,
В познаниях одни цветы только срывать;
Тот узел рассекать, что развязать не знаем, -
Вот остроумием что часто мы считаем!

ФЕЛИЦА

Богopodobная царевна
Киргиз-Кайсацкия орды!
Которой мудрость несразненна
Открыла верные следы
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высокоу гору,
Где роза без шипов растет,
Где добродетель обитает:
Она мой дух и ум пленяет,
Подай, найти ее совет.

Подай, Фелица! наставленье:
Как пышно и правдиво жить,
Как укрощать страстей волненье
И счастливым на свете быть?
Меня твой голос возбуждает,
Меня твой сын препровождает;
Но им последовать я слаб.
Мягясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотям я раб.

Мурзам твоим не подражая,
Почасту ходишь ты пешком,
И пища самая простая
Бывает за твоим столом;
Не дорожа твоим покоем,
Читаешь, пишешь пред налоем
И всем из твоего пера

Блаженство смертным проливаешь;
Подобно в карты не играешь,
Как я, от утра до утра.

Не слишком любишь маскарады,
А в клуб не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня парнаска не седлаешь,
К духам в собранье не въезжаешь,
Не ходишь с трона на Восток, -
Но кротости ходя стезею,
Благотворящею душою
Полезных дней проводишь ток.

А я, проспавши до полудни,
Курю табак и кофе пью;
Преображая в праздник будни,
Кружу в химерах мысль мою:
То плен от персов похищаю,
То стрелы к туркам обращаю;
То, возмечтав, что я султан,
Вселенну устрашаю взглядом;
То вдруг, прельщался нарядом,
Скачу к портному по кафтан.

Или в пиру я пребогатом,
Где праздник для меня дают,
Где блещет стол серебром и золотом,
Где тысячи различных блюд:
Там слазный окорок вестфальской,
Там звенья рыбы астраханской,
Там плов и пироги стоят;

Шампанским вафли запиваю
И всё на свете забываю
Средь вик, сластей и аромат.

Или средь рощицы прекрасной
В беседке, где фонтан шумит,
При звоне арфы сладкогласной,
Где ветерок едва дышит,
Где всё мне роскошь представляет,
К утехам мысли уловляет,
Томит и оживляет кровь,
На бархатном диване лежа,
Младой девицы чувства нежа,
Вливаю в сердце ей любовь.

Или великолепным цугом
В карете английской, златой,
С собакой, шутком, или другом,
Или с красавицей какой
Я под качелями гуляю;
В шинки пить меду заезжаю;
Или, как то наскучит мне,
По склонности моей к премене,
Имея шапку набекрене,
Лечу на резвом бегуне.

Или музыкой и певцами,
Органом и волынкой вдруг,
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой дух;
Или, о всех делах заботу
Оставя, ежжу на охоту
И забавляюсь лаем псов;

Или над Невскими берегами
Я тешусь по ночам рогами
И греблей удалых гребцов.

Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя в дураки с женой;
Те с ней на голубятню лажу,
То в жмурки резвимся порой;
То в свайку с нею веселюся,
То ею в голове ищуся;
То в книгах рыться я люблю,
Мой ум и сердце просвещаю,
Полкана и Бову читаю;
За библией, зевая, сплю.

Таков, Фелица, я развратен!
Но на меня весь свет похож.
Кто сколько мудростью ни знатен,
Но всякий человек есть ложь.
Не ходим света мы путями,
Бежим разврата за мечтами.
Между лентяем и брюзгой,
Между тщеславья и пороком
Нашел кто разве ненароком.
Путь добродетели прямой.

Нашел, – но лъзя ль не заблуждаться
Нам, слабым смертным, в сем пути,
Где сам рассудок спотыкаться
И должен вслед страстям идти;
Где нам ученые невежды,
Как мгла у путников, тмят вежды?
Везде соблазн и лесьть живет;

Пашей всех роскошь угнетает.
Где ж добродетель обитает?
Где роза без шипов растет?

Тебе единой лишь пристойно,
Царевна! свет из тьмы творить;
Дея Хаос на сферы стройно,
Союзом целость их крепить.
Из разногласия – согласие
И из страстей свирепых счастье
Ты можешь только созидать.
Так кормщик, через понт плывущий,
Ловя под парус ветр ревущий,
Умеет судном управлять.

Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачества сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхождением правишь,
Как волк овец, людей не давишь,
Ты знаешь прямо цену их.
Царей они подвластны воле, -
Но богу правосудну боле,
Живущему в законах их.

Ты здраво о заслугах мыслишь,
Достойным воздаешь ты честь;
Пророком ты того не числишь,
Кто только рифмы может плесть,
А что сия ума забава -
Калифов добрых честь и слава.
Снисходишь ты на лирный лад:

Поэзия тебе любезна,
Приятна, сладостна, полезна,
Как летом вкусный лимонад.

Слух идет о твоих поступках,
Что ты нимало не горда;
Любезна и в делах и в шутках,
Приятна в дружбе и тверда;
Что ты в напастях равнодушна,
А в славе так великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Еще же говорят неложно,
Что будто всегда возможно
Тебе и правду говорить.

Неслыханное также дело,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смело
О всем, и въявь и под рукой,
И знать и мыслить позволяешь,
И о себе не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самым крокодилам,
Твоих всех милостей зоилам,
Всегда склоняешься простить.

Стремятся слез приятных реки
Из глубины души моей.
О! коль счастливы человеки
Там должны быть судьбой своей,
Где ангел кроткий, ангел мирной,
Сокрытый в светлости порфирной,
С небес ниспослан скиптр носить!

Там можно пошептать в беседах
И, казни не боясь, в обедах
За здоровье царей не пить.

Там с именем Фелицы можно
В строке описку поскоблить
Или портрет неосторожно
Ее на землю уронить.
Там свадеб шутовских не парят,
В ледовых банях их не жарят,
Не щелкают в усы вельмож;
Князья наседками не клохчут,
Любимцы въявь им не хохочут
И сажей не марают рож.

Ты ведаешь, Фелица! правы
И человеков, и царей;
Когда ты просвещаешь нравы,
Ты не дурачишь так людей;
В твои от дел отдохновеньи
Ты пишешь в сказках поученьи
И Хлору в азбуке твердишь:
„Не делай ничего худого,
И самого сатира злого
Лжецом презренным сотворишь“.

Стыдишься слыть ты тем великой,
Чтоб страшной, нелюбимой быть;
Медведице прилично дикой
Животных рвать и кровь их пить.
Без крайнего в горячке бедства
Тому ланцетов нужны ль средства,
Без них кто обойтиса мог?

И славно ль быть тому тираном,
Великим в зверстве Тамерланом,
Кто благостью велик, как бог?

Фелицы слава – слава бога,
Который брани усмирил;
Который сира и убога
Покрыл, одел и на-кормил;
Который оком лучезарным
Шутам, трусам, неблагодарным
И праведным свой свет дарит;
Равно всех смертных просвещает,
Больных покоит, исцеляет,
Добро лишь для добра творит.

Который даровал свободу
В чужие области скакать,
Позволил своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрешает
И лес рубить не запрещает;
Велит и ткать, и пряхсть, и шить;
Развязывая ум и руки,
Велят любить торги, науки
И счастье дома находить.

Которого закон, десница
Дают и милости и суд. -
Вещай, премудрая Фелица!
Где отличён от честных плут?
Где старость по миру не бродит?
Заслуга хлеб себе находит?
Где месть не гонит никого?

Где совесть с правдой обитают?
Где добродетели сияют? -
У трона разве твоего!

Но где твой трон сияет в мире?
Где, ветвь небесная, цветешь?
В Багдаде? Смирне? Кашемире? -
Послушай, где ты ни живешь:
Хвалы мои тебе приметя,
Не мни, чтоб шапки иль бешметя
За них я от тебя желал.
Почувствовать добра приятство
Такое есть души „богатство,
Какого Крез не собирал.

Прошу великого пророка,
Да праха ног твоих коснусь,
Да слов твоих сладчайша тока
И лицезренья на“лаждусь!
Небесные прошу я силы,
Да их простри сафирны крылы,
Невидимо тебя хранят
От всех болезней, зол и скуки;
Да дел твоих в потомстве звуки,
Как в небе звезды, возблестят.

БЛАГОДАРНОСТЬ ФЕЛИЦЕ

Предшественница дня златого,
Весення утрення заря,
Когда из ионта голубого
Ведет к нам звездного царя,
Румяный взор свой ослабляет
На чела гор, на лоно вод,
Багряным златом покрывает
Поля, леса и неба свод.
Крылаты кони по эфиру
Летят и рассекают мрак,
Любезное светало миру
Пресветлый свай возносит зрак,
Бегут толпами тени черны:
Какое зрелище очам!
Там блещет брег в реке зеленый,
Там светят перлы по лугам.
Там степи, как моря, струятся,
Седым волнуясь ковылем;
Там тучи журавлей стадаются,
Валторн с высот пуская гром;
Там небо всюду лучезарно
Янтарным пламенем блестит, -
Мое так сердце благодарно
К тебе усердием горит.
К тебе усердием, Фелица,
О кроткий ангел во плоти!
Которой разум и десница
Нам кажут к счастью пути.
Когда тебе в нелицемерном
Угодна слоге простота,

Внемли. – Но в чувствии безмерном
Мои безмолвствуют уста.
Когда поверх струистой влаги
Благоприятный дунет ветер,
Попутны вострепещут флаги
И ляжет между водных недр
За кораблем серебро грядою, -
Тогда испустят глас пловцы
И с восхищенною душою
Вселенной полетят в концы.
Когда небесный возгорится
В пиите огонь, он будет петь;
Когда от бремя дел случится
И мне свободный час иметь, -
Я праздности оставлю узы,
Игры, беседы, суеты;
Тогда ко мне приидут музы,
И лирой возгласишься ты.

ВИДЕНИЕ МУРЗЫ

На темно-голубом эфире
Златая плавала луна;
В серебряной своей порфире
Блистаючи с высот, она
Сквозь окна дом мой освещала
И палевым своим лучом
Златые стекла рисовала
На лаковом полу моем.
Сон томною своей рукою
Мечты различны рассыпал,
Кропя забвения росую,
Моих домашних усыплял.
Вокруг вся область почивала,
Петрополь с башнями дремал,
Нева из урны чуть мелькала,
Чуть Бельт в брегах своих сверкал;
Природа, в тишину глубоку
И в крепком погруженна сне,
Мертва казалась слуху, оку
На высоте и в глубине;
Лишь веяли одни зефиры,
Прохладу чувствам принося.
Я не спал – и, со звоном лиры
Мой тихий голос соглася,
„Блажен, – воспел я, – кто доволен
В сем свете жребием своим,
Обилен, здрав, покоен, волен
И счастлив лишь собой самим;
Кто сердце чисто, совесть праву
И твердый нрав хранит в свой век

И всю свою в том ставит славу,
Что он лишь добрый человек;
Что карлой он и великаном
И дивом света не рожден
И что не создан истуканом
И оных чтить не принужден;
Что все сего блаженствы мира
Находит он в семье своей;
Что нежная его Пленира
И верных несколько друзей
С ним могут в час уединенный
Делить и скуку и труды! -
Блажен и тот, кому царевны
Какой бы ни было орды
Из теремов своих янтарных
И серебро-розовых светлиц,
Как будто из улусов дальних,
Украдкой от придворных лиц,
За рассказы, за растабары,
За вирши, иль за что-нибудь,
Исподтишка драгие дары
И в досканцах червонцы шлют;
Блажен!“ – Но с речью сей незапно
Мое всё зданье потряслось,
Раздвиглись стены, и стократно
Ярчее молний пролилось
Сиянье вокруг меня небесно;
Сокрылась, побледнев, луна.
Виденье я узрел чудесно:
Сошла со облаков жена, -
Сошла – и жрицей очутилась
Или богиней предо мной.
Одежда белая струилась

На ней серебряной волной;
Градская на главе корона,
Сиял при персях пояс злат;
Из черно-огненна виссона,
Подобный радуге, наряд
С плеча десного полосою
Висел на левую бедру;
Простертой на алтарь рукою
На жертвенном она жару
Сжигая маки благовонны
Служила вышню божеству.

Орел полунощный, огромный,
Сопутник молний торжеству,
Геройской провозвестник славы,
Сидя пред ней на груди книг,
Священны блюл ее уставы;
Потухший гром в когтях своих
И лавр с оливными ветвями
Держал, как будто бы уснув.
Сафи́ро-светлыми очами,
Как в гневе иль в жару, блеснув,
Богиня на меня воззрела.
Пребудет образ век во мне,
Она который впечатлела!

„Мурза! – она вещала мне, -
Ты быть себя счастливым чаешь,
Когда по дням и по ночам
На лире ты своей играешь
И песни лишь поешь царям.
Вострепещи, Мурза несчастный!
И страшны истины внемли,

Которым стихотворцы страстны
Едва ли верят на земли;
Одно к тебе лишь доброхотство
Мне их открыть велит. – Когда
Поэзия не сумасбродство,
Но вышний дар богов, – тогда
Сей дар богов лишь к чести
И к поученью их путей
Быть должен обращен, не к лести
И тленной похвале людей.
Владыки света люди те же,
В них страсти, хоть на них венцы;
Яд лести их вредит не реже, -
А где поэты не льстецы?
И ты сирен поющих грому
В вред добродетели не строй;
Благотворителю прямому
В хвале нет нужды никакой.
Хранящий муж честные нравы,
Творяй свой долг, свои дела,
Царю приносит больше славы,
Чем всех пиитов похвала.
Оставь нектаром наполненну
Опасну чашу, где скрыт яд“. -
„Кого я зрю столь дерзновению
И чьи уста меня разят?

Кто ты? Богиня или жрица?“ -
Мечту стоящу я спросил.
Она рекла мне: „Я Фелица!“
Рекла – и светлый облак скрыл
От глаз моих ненасыщенных
Божественны ее черты;

Курение мастик бесценных
Мой дом, и место то цветы
Покрыли, где она явилась.
Мой бог! мой ангел во плоти!..
Душа моя за ней стремилась,
Но я за ней не мог идти.
Подобно громом оглушенный,
Бесчувствен я, безгласен был.
Но, током слезным орошенный,
Пришел в себя и возгласил:
„Возможно ль, кроткая царевна!
И ты к Мурзе чтоб своему
Была сурова столь и гневна,
И стрелы к сердцу моему
И ты, и ты чтобы бросала,
И пламени души моей
К себе и ты не одобряла?
Довольно без тебя людей,
Довольно без тебя поэту
За каждую мысль, за каждый стих
Ответствовать лихому свету
И от сатир щититься злых!

Довольно золотых кумиров,
Без чувств мои что песни чли;
Довольно кадиев, факиров,
Которы в зависти сочли
Тебе их неприличной лестью;
Довольно нажил я врагов!
Иной отнес себе к бесчестию,
Что не дерут его усов;
Иному показалось больно,
Что он наседкой не сидит;

Иному – очень своевольно
С тобой Мурза твой говорит;
Иной вменял мне в преступленье,
Что я посланницей с небес
Тебя быть мыслил в восхищенье
И лил в восторге токи слез.
И словом: тот хотел арбуза,
А тот соленых огурцов, -
Но пусть им здесь докажет муза,
Что я не из числа льстецов;
Что сердца моего товаров
За деньги я не продаю
И что не из чужих анбаров
Тебе наряды я крою.
Но, венценосна, добродетель!
Не лесьть я пел и не мечты,
А то, чему весь мир свидетель, -
Твои дела суть красоты.
Я пел, пою и петь их буду
И в шутках правду возвещу;
Татарски песни из-под спуду,
Как луч, потомству сообщу;
Как солнце, как луну, поставлю
Твой образ будущим векам;
Превознесу тебя, прославлю;
Тобой бессмертен буду сам“.

ПРАВЕДНЫЙ СУДИЯ

Я милость воспою и суд
И возглашу хвалу я богу;
Законы, поученье, труд,
Премудрость, добродетель строгу
И непорочность возлюблю.

В моем я доме буду жить
В согласи, в правде, в преподобьи;
Как чад, рабов моих любить,
И сердца моего в незлобьи
Одни пороки истреблю.

И мысленным очам моим
Не предложу я дел преступных;
Ничем не приобщуся к злым,
Возненавижу я распутных
И отвращуся от льстецов.

От своенравных уклонюсь,
Не прилеплюсь в совет коварных,
От порицаний устранюсь,
Наветов, наущений тайных,
И изгоню клеветников.

За стол с собою не пущу
Надменных, злых, неблагодарных;
Моей трапезой угощу
Правдивых, честных, благонравных,
К благим и добрым буду добр.

И где со мною ни сойдутся
Лжецы, мздоимцы, гордецы, -
Отвсюду мною изженутся
В дальнейшие земны концы,
Иль казнь повергнет их во гроб.

ИЗОБРАЖЕНИЕ ФЕЛИЦЫ

Рафаэль! живописец славный,
Творец искусством естества!
Рафаэль чудный, бесприкладкып,
Изобразитель божества!
Умел ты кистию свободной
Непостижимость написать, –
Умей моей богоподобной
Царевны образ начертать.

Изобрази ее мне точно
Осанку, возраст и черты,
Чтоб в них я видел и заочно
Ее и сердца красоты,
И духа чувства возвышенны,
И разума ее дела:
Фелица, ангел воплощенный,
В твоей картине бы жила.

Небесно-голубые взоры
И по ланитам нежна тень
Сквозь мрак времен, стихиев споры
Блистали бы, как ясный день;
Как утремня заря весення,
Так улыбалась бы она;
Как пальма, в рае насажденна,
Так возвышалась бы стройна.

Как пальма клонит благовонву
Вершину и лице свое, -

Так тиху, важну, благородну
Ты поступь напиши ее.
Коричными чело власами,
А перлом перси осени;
Премудрость и любовь устами,
Как розы дышут, изъясни.

Представь в лице ее геройство,
В очах величие души;
Премилосердо, нежно свойство
И онисхожденье напиши.
Не позабудь приятность в нраве
И кроткий глас ее речей;
Во всей изобрази ты славе
Владычицу души моей.

Одень в доспехи, в брони златы
И в мужество ее красы:
Чтоб шлем блистал на ней пернатый,
Зефиры веяли власы;
Чтоб конь под ней главой крутился
И бурно броды опенял;
Чтоб Норд седый ей удивился
И обладать собой избрал.

Избрал – и, падига на колена,
Поднес бы скиптр ей и венец;
Она, мольбой его смягченна
И став владычицей сердец,
Бесстрашно б узы разрешила
Издравле скованных цепьми,
Свободой бы рабов пленила
И нарекла себе детьми.

Престол ее на Скандинавских,
Камчатских и Златых горах,
От стран Таймурских до Кубанских
Поставь на сорок двух столпах;
Как восемь бы зеркал стояли
Ее великие моря;
С полнеба звезды освещали,
Вокруг багряная заря.

Средь дивного сего чертога
И велелепной высоты
В величестве, в сияньи бога,
Ее изобрази мне ты;
Чтоб, сшед с престола, подавала
Скрыжаль заповедей святых;
Чтобы вселенна принимала
Глас божий, глас природы в них.

Чтоб дики люди отдаленны,
Покрыты шерстью, чешуей,
Пернатых перьем испещренны,
Одеты листьем и корой,
Сошедшиися к ее престолу
И кротких вняв законов глас,
По желто-смуглым лицам долу
Струили токи слез из глаз.

Струили б слезы – и, блаженство
Своих проразумея дней,
Забыли бы свое равенство
И были все подвластны ей:
Финн в море, бледный, рыжевласый,
Не разбивал бы кораблей,

И узкоглазый гунн жал класы
Среди седых, сухих зыбей.

Припомни, чтоб она вещала
Бесчисленным ее ордам:
„Я счастья вашего искала,
И в вас его нашла я вам;
Став сами вы себе послушны,
Живите, славьтесь в мой век
И будьте столь багополучны,
Колико может человек.

Я вам даго свободу мыслить
И разуметь себя ценить,
Не в рабстве, а в подданстве числить
И в ноги мне челом не бить.
Даю вам право без препоны
Мне ваши нужды представлять,
Читать и знать мои законы
И в них ошибки замечать.

Даю вам право собираться
И в думах золото копить,
Ко мне послами отправляться
И не всегда меня хвалить.
Даю вам право беспристрастно
В судьи друг друга выбирать,
Самим дела свои всевластно
И начинать и окончать.

Не воспрещу я стихотворцам
Писать и чепуху м леть;

Халдеям, новым чудотворцам,
Махать с духами, пить и есть;
Но я во всем, что лишь не злобно,
Потщуся равнодушной быть,
Великолепно и спокойно
Мои благодеянья лить“.

Рекла, – и взор бы озарился
Величием ее души,
Хаос на сферы б разделился
Ее рукою, – напиши.
Чтоб солнца в путь свой покатались
И тысячи вокруг их планет;
Из праха грады возносились,
Восстали царства, – и был свет.

Изобрази мне мир сей новый
В лице молодого летня дня;
Как рощи, холмы, башни, кровы,
От горнего златясь огня,
Из мрака восстают, блистают
И смотрятся в зеркало вод;
Все новы чувства получают,
И движется всех смертных род.

Представь мне лучезарны храмы
И ангелов поющих лик,
И благовонны фимиамы
Как облака б носились в них;
И чтоб царевна, умиленна,
Вперя свой взор на небеса,
Слезами зрелась окроплеина,
Блещающими как роса.

Как с синей крутизны эфира
Лучам случится ниспадать, –
От вседержителя так мира
Чтоб к ней сходила благодать
И в виде счастья земного
Чтоб сыпала пред ней цветы,
И купно века бы драгого
Катилися часы златы.

Чтоб видел я в рога зовущих
Там пастухов стада на луг;
На рощах липовых, цветущих
Рои жужжащих пчел вокруг:
Шумя, младых бы класов волны
Переливались ветерком,
Граненых бриллиантов холмы
В след сыпались за кораблем.

Чтобы с ристалища мне громы
И плески доходили в слух,
И вихрем всадники несомы
Поспешно б натягали лук,
И стрелу, к облакам пущенну,
Пересекали бы другой;
И всю в стязаньи бы вселенну
Я пред Фелицей зрел молодой.

И зрел бы я ее на троне
Седящу в утварях царей:
В порфире, бармах и короне,
И взглядом вдруг одним очей
Объемлющу моря и сушу
Во всем владычестве своем,

Всему дающую жизнь и душу
И управляющую всем.

Чтоб свыше ею вдохновенны
Мурзы, паши и визири,
Сединой мудрости почтенны,
В диване зрелись как цари;
Закон бы свято сохраняли
И по стезям бы правды шли,
Носить ей скипетр пособляли
И пользу общую блюли.

Она б пред ними председадала,
Как всемогущий царь царей,
Свои наказания подтверждала
Для благоденствия людей.
Рекла б: „Почто писать уставы,
Коль их в диванах не творят?
Развратные вельможей нравы -
Народа целого разврат.

Ваш долг монарху, богу, царству
Служить, и клятвой не играть;
Неправде, злобе, мзде, коварству
Пути повсюду пресекать;
Пристрастный суд разбоя злее, -
Судьи – враги, где спит закон:
Пред вами гражданина шея
Протянута без оборон“.

Представь, чтоб глас сей светозарный,
Как луч с небес, проник сердца,

Извлек бы слезы благодарны,
И все монарха, и отца,
И бога бы в Фелице зрели,
Который праведен и благ;
Из уст бы громы лишь гремели,
Которы у нее в руках.

Соделай, чтоб судебны храмы
Ее лугами обросли,
Весы бы в них стояли прямы
И редко к таим бы люди шли;
Чтоб совесть всюду председадала
И обнимался с ней закон,
Чтоб милость истину лобзала
И миру поставляла трон.

Представь, чтоб все царевма средства
В пособие себе брала
Предупреждать народа бедствы
И сохранять его от зла;
Чтоб отворила всем дороги
Чрез почту письма к ней писать,
Велела бы в свои чертоги
Для объясненья допускать.

Как молния, ее бы взоры
Сверкали быстро в небесах,
Проникнуть мысли были скоры
И в самых скрытнейших сердцах;
Чтоб издалече познавала
Она невинного ни в чем,
Как ангел бы к нему блистала
Благоволения лицом.

Дерзни мне кистию волшебной
Святилище изобразить,
Где взора смертных удаленной
Благоволит Фелица быть;
Где тайна перстом помавает
И на уста кладет печать,
Где благочестье председатель
И долг велит страстям молчать.

Представь ее облокоченну
На Зороастров истукан,
Смотрящу там на всю вселену,
На огнезвездный океан,
Вещающу: „О ты, превечный!
Который волею своей
Колеса движешь быстротечны
Вращающейся природы всей!

Когда ты есть душа едина
Движенью сих огромных тел, -
То ты ж, конечно, и причина
И нравственных народных дел;
Тобою царствы возрастают,
Твое орудие цари;
Тобой они и померцают,
Как блеск вечерняя зари.

Наставь меня, миров содетель!
Да воле следуя твоей,
Тебя люблю и добродетель
И зижду счастье людей;
Да век мой на дела полезны
И славу их я посвящу,

Самодержавства скиптр железный
Моей щедротой позлащу.

Да удостоенна любви,
Надзрения твоих очес,
Чтоб я за каждую каплю крови,
За всякую бы каплю слез
Народа моего пролитых
Тебе ответствовать могла
И чувств души моей сокрытых
Тебя свидетелем звала“.

Представь, чтоб тут кидала взоры
Со отвращением она
На те ужасны приговоры,
Где смерть написана, война
Свинцова гряделя чертами,
И медленно б крепила их, -
И тут же горькими слезами
Смывала бы слова все с них.

Но милости б определяла
Она с смеющимся лицом,
Златая бы струя бежала
За скоропишущим пером
И проливалась бы с престола
В несчетных тысящах прохлад,
Как в ясный день с крутых гор дол.
Лучистый с шумом водопад.

Чтоб сей рекой благоденний
Покрылась вся ее страна;

Я зрел бы цепь пространных зданий,
Где пользует больных она,
Где бедных пищей насыщает,
Где брошенных берет сирот,
Где их лелеет, возвращает,
Где просвещает свой народ.

Представь мне, в мысли восхищенной,
Сходила бы с небес она;
Как солнце грудь, в ткани зеленой,
Рукой метала семена;
Как искры огненны дождились
Златые б зерна в снедь птенцам;
Орлы молодые разбудились
И воскрилялись бы к лучам.

Яви искусством чудотворным,
Чтоб льды прияли вид лилей;
Весна дыханьем теплотворным
Звала бы с моря лебедей;
Летели б с криком вереницы,
Звучали б трубы с облаков, -
Так в царство бы текли Фелииы
Народы из чужих краев.

Не позабудь ее представить,
Как, вместо алтарей себе,
Царя великого поставить
Велела на мольбу Орде;
Как всюду раздалися клики
И громы света по конец:
„Предстал нам Зороастр великий,
Вюскрес отечества отец!“

Изобрази и то в картине,

Чтоб сей подобный грому клик
В безмерной времени долине,
Как будто бы катясь, затих;
Фелицы ж славою удвоен,
Громчай в потомстве возгласил:
„Велик, кто алтарей достоен,
Но их другому посвятил!“

Представь, сей славой возбужденны,
Чтоб зреть ее цари пришли
И как бы древле, удивленны,
В ней Соломона вновь нашли;
Народ счастливый и блаженный
Великой бы ее нарек,
Поднес бы титлы ей священные;
Она б рекла: „Я человек“.

Возвысь до облак лавр зеленый,
И чтоб он на полях стоял;
Под ним бы, тенью прохлажденный,
Спокойно Исполин дремал;
Как мрамор бела б грудь блистала.
Ланиты бы цвели зарей, -
Фелица так бы услаждала
Полсвета под своей рукой.

И, здравие его спасая,
Без ужаса пила бы яд;
От твердости ее смерть злая
Свой отвратила б смутный взгляд;

Коса ее дала бы звуки,
Преткнувшись о великий дух;
На небеса воздели 6 руки
Младенцев миллионы вдруг.

Супругов чувства благодарны
За оживленье их детей,
Как бы пылинки лучезарны,
Огнистой от стекла струей
Отпрянув, в воздухе сверкали,
Являли 6 пламень их сердец:
„Мы зрим в Фелице, – восклицали, –
Твое подобие, творец!“

Изобрази ты мне царевну
Еще и в подвигах других:
Стоглаву гидру разъяренну
И фуриев с земель своих
Чтобы гнала она геройски;
Как мать, – своих спасала 6 чад;
Как царь, – на гордость двигла войски;
Как бог, – свергала злобу в ад.

На сребролунно государство
Простри крылатый, сизый гром;
В железно-каменное царство
Брось молнии – и поставь вверх дном;
Орел царевнин бы ногою
Вверху рога луны сгибал,
Тогда ж бы на земле другою
У гладна льва он зев сжимал.

Чтобы ее бесстрашны войски
От колыбели до седин
Носили дух в себе геройский,
И отрок будто б исполин
Врагам в сражениях казался;
Их пленник бы сказал о них:
„Никто в бою им не равнялся,
Кроме души великой их“.

Чтобы вселенная владыки
И вдяк ту истину узнал:
Где войски Зороастр великий
Образовал и учреждал
И где великую в них душу
Великая Фелица льет, -
Те войски горы, море, сушу
Пройдут – и им препоны нет.

Чтоб грозный полк их представлялся
Как страшна буря вдалеке,
И Мир в порфире приближался
Тогда б к царевниной руке.
Она б его облобызала
И ветвь его к себе взяла,
„Да будет тишина!“ – сказала,
И к нам бы тишина пришла.

Как ангел в синеве эфира
И милосердия в лице,
Со кротостью в душе зефира,
С сияньем тихим звезд в венце,
Влаголюбивая б царевна
В день зрелась мирна торжества;

Душа моя бы восхищенна
Была делами божества.

Из уст ее текла бы сладость
И утишала стой вдовиц;
Из глаз ее блистала б радость
И освещала мрак темниц;
Рука ее бы награждала
Прямых отечества сынов;
Душа ее в себе прощала
Неблагодарных и врагов.

Приятность бы сопровождала
Ее беседу, дружбу, власть;
Приветливость ее равняла
С монархом подданного часть.
Повсюду музы, в восхищенье,
Ей сыпали б цветы сердец,
И самое Недоуменье
Ей плесков поднесло б венец.

Черты одной – красот ей ложно
Блюдися приписать в твой век;
Представь, каков, коль только можно,
Богopodobный человек!
Исполнь ее величеств, власти,
Бессмертных мудрости даров,
Вдохни, вдохни ей также страсти:
Щедроту, славу и любовь.

И славу моему ты взору
Ее представь как бы в ночи

Возжженну бриллиантов гору,
От коей бы лились лучи
И живо в вечности играли;
На светлу оной крутизну
Калифы многие желали -
Ползли – скользили – пали в тьму.

Как огнемн столп на понте, взорам
К горе сей колебался б путь;
Фелица бы внушала Хлорам:
„Там розы без шипов растут“.
Мурза б, в восторге, в удивленье,
Под золотым ее щитом

В татарском упражнялся пеньи
И восклицал открытым ртом:
„Бросай, кто хочет: остры стрелы
От чистой совести скользят;
Имея сердце, руки белы,
Мне стыдно мстить, стыднее лгать;
Того стыднее – в дни блаженны
За истину страшиться зла:
Моей царевной восхищенный,
Я лишь ее пою дела“.

Но что, Рафаэль! что ты пишешь?
Кого ты, где изобразил?
Не на холсте, не в красках дышишь,
И не металл ты оживил;
Я в сердце зрю алмаэну гору,
На нем божественны черты
Сияют исетупленну взору;
На нем в лучах – Фелица, ты!

ПРОГУЛКА В ЦАРСКОМ СЕЛЕ

В прекрасный майский день,
В час ясных погоды,
Как всюду длинна тень,
Ложась в стеклянны воды,
В их зеркале берегов
Изображала виды
И как между столпов
И зданием Фемиды,
Сооруженных ей
Героев русских в славу,
При гласе лебедей,
В прохладу и забаву,
Вечернею порой
От всех уединяясь,
С Пленирою младой
Мы, в лодочке катаясь,
Гуляли в озерке;
Она в корме сидела,
А посредине я.
За нами вслед летела
Жемчужная струя,
Кристалл шумел от весел.
О, сколько с нею я
В прогулке сей был весел!
Любезная моя! -
Я тут сказал, – Пленира!
Тобой пленен мой дух,
Ты дар всего мне мира.
Взгляни, взгляни вокруг
И виждь, красы природы

Как бы стеклись к нам вдруг:
Сребром сверкают воды,
Рубином облака,
Багряным золотом кровы,
Как огненна река;
Свет ясный, пурпуровый
Объял все воды вокруг;
Смотри в них рыб плесканье,
Плывущих птиц на луг
И крыл их трепетанье.
Весна во всех местах
Нам взор свой ослабляет,
В зеленых муравах
Ковры нам подстиляет;
Послушай рога рев,
Там эха хохотанье;
Тут шепоты ручьев,
Здесь розы воздыханье!
Се ветер помавал
Крылами тихо слуху.
Какая пища духу! -
В восторге я сказал, -
Коль красен взор природы
И памятников вид,
Они где зрятя в воды
И соловей сидит
Где близ и воспевает,
Зря розу иль зарю!
Он будто изъявляет
И богу и царю
Свое благодаренье:
Царю – за память слуг;
Творцу – что влил стремленье

К любви всем тварям в дух.
И ты, сидя при розе,
Так, дней весенних сын,
Пой, Карамзин! – Ив прозе
Глас слышен соловьин.

АНАКРЕОН В СОБРАНИИ

Нежный, нежный воздыхатель,
О певец любви и неги!
Ты когда бы лишь увидел
Столько нимф и столько милых,
Без вина бы и без хмелю
Ты во всех бы в них влюбился;

И в мечте иль в восхищеньи
Ты бы видел, будто въяве:
На станице птичек белых
Во жемчужной колеснице,
Как на облачке весеннем
Тихим воздуха дыханьем,
Со колчаном вьется мальчик,
С позлащенным легким луком,
И туда-сюда летает;
И садится он по нимфам,
То на ту, то на иную,
Как садятся желты пчелы
На цветы в полях молодые.

Он у той блистал во взглядах,
У иной блистал в улыбке
И пускал оттуда жалы,
Как лучи пускает солнце.
Жалы были ядовиты,
Но и меду были слаще,
Не летали они мимо,
Попадали они в душу,

И душа б твоя томилась,
Уязвленная любовью;
Лишь Паллады щит небесной
Утолил твои бы вздохи.

СКРОМНОСТЬ

Тихий, милый ветерочек,
Коль порхнешь ты на любезну,
Как вздыханье ей в ушко шепчи.
Если спросит, чье? – молчи.

Чистый, быстрый ручеечек,
Если встретишь ты любезну,
Как слезинка ей в лицо плещи.
Если спросит, чья? – молчи.

Ясный, ведряный денечек,
Как осветишь ты любезну,
Взглядов пламенных ей брось лучи.
Если спросит, чьи? – молчи.
Темный, миртовый лесочек,
Как сокроешь ты любезну,
Тихо веткой грудь ей щекочи.
Если спросит, кто? – молчи.

az.lib.ru/d/derzhawin_g_r/text_0010.shtml

ВЛАСТИТЕЛЯМ И СУДИЯМ

Восстал Всевышний Бог, да судит
Земных богов во сонме их;
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?

Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.

Ваш долг: спасти от бед невинных,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.

Не внемлют! видят – и не знают!
Покрыты мздою очеса:
Злодействы землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.

Цари! Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья,
Но вы, как я подобно, страстны,
И так же смертны, как и я.

И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

Воскресни, Боже! Боже правых!

И их молению внимли:

Приди, суди, карай лукавых,

И будь един царем земли!

БОГ

О Ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц, в трех лицах божества!
Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто всё собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем: Бог.

Измерить океан глубокий,
Сочечь пески, лучи планет
Хотя и мог бы ум высокий, -
Тебе числа и меры нет!
Не могут духи просвещенны,
От света Твоего рожденны,
Исследовать судеб Твоих:
Лишь мысль к Тебе взнестись дерзает
В твоём величьи исчезает,
Как в вечности прошедший миг.

Хаоса бытность довременну
Из бездн Ты вечности воззвал,
А вечность, прежде век рожденну,
В себе самом Ты основал:
Себя собою составляя,
Собою из себя сияя,
Ты свет, откуда свет истек.

Создавший всё единым словом,
В твореньи простираясь новым,
Ты был, Ты есть, Ты будешь ввек!

Ты цепь существ в себе вмещаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конец с началом сопрягаешь
И смертью живот даришь.
Как искры сыплются, стремятся,
Так солнца от Тебя рождаются;
Как в мразный, ясный день зимой
Пылинки инея сверкают,
Вратятся, зыблются, сияют,
Так звезды в безднах под Тобой.

Светил возженных миллионы
В неизмеримости текут,
Твои они творят законы,
Лучи животворящи льют.
Но огненны сии лампы,
Иль рдяных кристалей громады,
Иль волн златых кипящий сонм,
Или горящие эфиры,
Иль вкупе все светящи миры -
Перед Тобой – как ночь пред днем.

Как капля, в море опущенна,
Вся твердь перед Тобой сия.
Но что мной зримая вселенна?
И что перед Тобою я?
В воздушном океане оном,
Миры умножа миллионом
Стократ других миров, – и то,

Когда дерзну сравнить с Тобою,
Лишь будет точкою одною;
А я перед Тобой – ничто.

Ничто! – Но Ты во мне сияешь
Величеством Твоих доброт;
Во мне Себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод.
Ничто! – Но жизнь я ощущаю,
Несытым некаким летаю
Всегда пареньем в высоты;
Тебя душа моя быть чаёт,
Вникает, мыслит, рассуждает:
Я есмь – конечно, есть и Ты!

Ты есть! – природы чин вещает,
Гласит мое мне сердце то,
Меня мой разум уверяет,
Ты есть – и я уж не ничто!
Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей Ты телесных,
Где начал Ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной.

Я связь миров, повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих;
Черта начальна Божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь – я раб – я червь – я Бог!

Но, будучи я столь чудесен,
Отколе произошел? – безвестен;
А сам собой я быть не мог.

Твое создание я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ податель,
Душа души моей и Царь!
Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие;
Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! – в бессмертие Твое.

Неизъяснимый, Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображении бессильны
И тени начертать Твоей;
Но если славословить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почтить,
Как им к Тебе лишь возвышаться,
В безмерной разности теряться
И благодарны слезы лить.

МОЛИТВА

О Боже! чту Твоих пределов светозарность
И льщусь, что я могу в блаженстве вечном жить;
К престолу Твоему взываю благодарность,
Что Ты определил мне в сей надежде быть.

Ты благость льешь свою на грешных всеконечно,
Ты наши слабости щедротой превозмог;
Владение Твое есть благо и предвечно:
Мне все вещает здесь, что Ты прямой есть Бог.

Мне солнце есть Твоих пределов предъявленье,
Могущество Твое со всех я вижу стран;
Природа вся мне в том есть точно уверенье,
Что Твой закон всему пространну миру дан.

Величие Твое, о Боже! воспеваю,
К Тебе стремлю я мысль и чувства и дух,
И сердцем существо Твое я прославляю;
О Боже! преклони к усердным песням слух.

Мне помощь не нужна парнаска Аполлона,
Дабы Создателя усердием почтить;
Не надобно к тому гремящей лиры звона, -
Лишь надобно уметь Создателя любить.

НА ТЩЕТУ ЗЕМНОЙ СЛАВЫ

Услышьте все, живущи в мире,
Убогих и богатых сонм,
Ходящи в рубище, в порфире,
Склонитесь ко мне челом!
Язык мой истину вещает,
Премудрость сердце говорит;
Что свыше дух святой внушает,
Моя то лира днесь звучит.

Не убоюсь во дни я злые,
Коль сильный гнать меня начнет,
Опершись на столпы златые,
Богатств пятой меня поперет;
В день лют – брат брату не спасенье,
Не заменит души душой;
У смерти тщетно искупленье,
Цены нет жизни никакой.

Пускай же князи процветают,
Не чая гибели своей;
Но коль и мудры умирают
И погребаются землей
Равно с безумцами вседневно:
За гробом должен всяк своим
Свой сан, сокровище бесценно,
Оставить по себе другим.

Ах, тщетно смертны мнят в надменье,
Что век их зданья не падут;

Что титл и славы расширение
Потомки в надписях почтут.
Увы! вся власть и честь земная
Минует с нами, будто тень:
Затмит лишь солнце тьма ночная,
Где звук? где блеск? где светлый день?

Где скиптр, – коль только добродетель
Не освещала жизни путь,
И хвал тщеславье лишь содетель,
По нас которые поют?
Ах! глупому равны мы стаду,
Косой что гонит к гробу Смерть:
В ней праведник один в награду
Удобен утро жизни зреть.

Не вечно бездна дух обымет,
Но он ее переживет.
Господь мою как душу примет
И облечет бессмертья в свет:
Воззрит она на долгоденство
Тогда, без зависти, того,
Кто честь, богатство, благоденство
Умножил дому своего.

По смерти не возьмет с собою
Никто вещей своих драгих;
Блаженный жизнью здесь святою
Блажится меж духов благих;
А если здесь не освятится
И в злобе век свой проведет,
Между благими не вселится,
Его не облистает свет.

От нашей воли то зависит,
Чтоб здесь и там блаженным быть,
Себя унижить иль возвысить,
Погребсть во тьме иль осветить.
На высшей степени мы власти
Свою теряем высоту:
В порочные упавший страсти
Подобен человек скоту.

imwerden.de

Александр Николаевич Радищев

(1749–1802)

Радищев стал одним из наиболее известных русских писателей, благодаря произведению «Путешествие из Петербурга в Москву». Власти на книгу реагировали немедленно. Какие последствия это имело для его жизни? В чем можно усмотреть в «Путешествии из Петербурга в Москву» тенденцию продолжать традицию жанров сентиментализма и в чем писатель от нее отходит?

По идеям, выражаемым в произведениях Радищева, можно считать, что он близок другим писателям второй половины XVIII века. Которым именно?

Название радищевской оды «Вольность» напоминает о лозунге французской революции 1789 г. Как звучит этот лозунг по-французски, по-русски и по-чешски?

ВОЛЬНОСТЬ

Ода

1
О дар небес благословенный,
Источник всех великих дел,
О вольность, вольность, дар бесценный!
Позволь, чтоб раб тебя воспел.
Исполни сердце твоим жаром,
В нем сильных мышц твоих ударом
Во свет рабства тьму претвори,
Да Брут и Телль еще проснутся,
Седяй во власти да смятутся^[4]
От гласа твоего цари.

2
Я в свет исшел, и ты со мною;
На мышцах нет моих заклеп;
Свободною могу рукою
Прияти данный в пищу хлеб.
Стопы несу, где мне приятно;
Тому внемлю, что мне понятно;
Вещаю то, что мыслю я.
Любить могу и быть любимым;
Творя добро, могу быть чтимым;
Закон мой – воля есть моя.

[4] Седяй во власти... – пусть будут охвачены смятением сидящие на троне.

3

Но что ж претит моей свободе?
Желаньям зрю везде предел;
Возникла обща власть в народе,
Соборный всех властей удел.
Ей общество во всем послушно,
Повсюду с ней единодушно;
Для пользы общей нет препон.
Во власти всех своей зрю долю,
Свою творю, творя всех волю:
Вот что есть в обществе закон.

4

В середине злачныя долины,
Среди тягченных жатвой нив,
Где нежны процветают крины,
Средь мирных под сеньми олив,
Паросска мрамора белее,
Яснейша дня лучей светлее,
Стоит прозрачный всюду храм;
Там жертва лжива не курится,
Там надпись пламенная зрится:
„Конец невинности бедам“.

5

Оливной ветвию венчанно,
На твердом камени седяй, -
Безжалостно и хладнонравно,
Глухое божество, судяй,
Белее снега во хламиде
И в неизменном всегда виде;
Зерцало, меч, весы пред ним.
Тут истина стрежет десную,
Тут правосудие – ошую:
Се храм Закона ясно зрим.

6

Возводит строгие зеницы,
Льет радость, трепет вокруг себя,
Равно на все взирает лица,
Ни ненавидя, ни любя;
Он лести чужд, лицеприятства,
Породы, знатности, богатства,
Гнушаясь жертвенныя тли;
Родства не знает, ни приязни,
Равно делит и мзду и казни;
Он образ божий на земли.

7

И се чудовище ужасно,
Как гидра, сто имея глав,
Умильно и в слезах всечасно,
Но полны челюсти отрав,
Земные власти попирает,
Главою неба досязает,
„Его отчизна там“, - гласит.
Призраки, тьму повсюду сеет,
Обманывать и льстить умеет
И слепо верить всем велит.

8

Покрывши разум темнотою
И всюду вея ползкий яд,
Троякою обнес стеною
Чувствительность природы чад;
Повлек в ярем порабощевья,
Облек их в броню заблужденья,
Бояться истины велел.
„Закон се божий“, - царь вещает;
„Обман святой, – мудрец взывает, -
Народ давить что изобрел“.

9

Воззрим мы в области обширны,
Где тусклый трон стоит рабства,
Градские власти там все мирны,
В царе зря образ божества.
Власть царска веру сохраняет,
Власть царску вера утверждает,
Союзно общество гнетут:
Одно сковать рассудок тщится,
Другое волю стерть стремится;
„На пользу общую“, – рекут.

10

Покоя рабского под сенью
Плодов златых не возрастет;
Где все ума претит стремленью,
Великость там не прозябет.
Там нивы запустеют тучны,
Коса и серп там несподручны,
В сохе уснет ленивый вол,
Блестящий меч померкнет славы,
Минервин храм стал обветшалый,
Коварства сеть простерлась в дол.

11

Чело надменное вознесши,
Схватив железный скипетр, царь,
На тройном троне властно севши,
В народе зрит лишь подлу тварь.
Живот и смерть в руке имея:
„По воле, – рек, щажу злодея,
Я властью могу дарить;
Где я смеюсь, там все смеется;
Нахмурюсь грозно, все смятется;
Живешь тогда, велю козь жить“.

12

И мы внимаем хладнокровно,
Как крови нашей алчный гад,
Ругался всегда бесспорно,
В веселы дни нам сеет ад.
Вокруг престола все надменно
Стоят коленапреклоненно.
Но мститель, трепещи, грядет.
Он молвит, вольность прорицая, -
И се, молва от край до края,
Глася свободу, протечет.

13

Возникнет рать повсюду бранна,
Надежда всех вооружит;
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит.
Меч остр, я зрю, везде сверкает,
В различных видах смерть летает,
Над гордою главою паря.
Ликуйте, склепанны народы!
Се право мщненное природы
На плаху возвело царя.

14

И нощи се завесу лживой
Со треском мощно разодрав,
Кичливой власти и строптивой
Огромный истукан поправ,
Сковав сторучна исполина,
Влечет его, как гражданина,
К престолу, где народ воссел:
„Преступник власти, мною данной!
Вещай, злодей, мною венчанный,
Против меня восстать как смел?

15

Тебя облек я во порфиру
Равенство в обществе блюсти,
Вдовицу призирать и сиру,
От бед невинность чтоб спасти,
Отцом ей быть чадолюбивым;
Но мстителем непримиримым
Пороку, лже и клевете;
Заслуги честью награждати,
Устройством зло предупреждати,
Хранити нравы в чистоте.

16

Покрыл я море кораблями,
Устроил пристани в брегах,
Дабы сокровища торгами
Текли с избытком в городах;
Златая жатва чтоб бесслезна
Была оратаю полезна;
Он мог вещать бы за сохой:
„Бразды своей я не наемник,
На пажитях своих не пленник,
Я благоденствую тобой“.

17

Своих кровей я без пощады
Гремящую воздвигнул рать;
Я медны изваял громады,
Злодеев внешних чтоб карать;
Тебе велел повиноваться,
С тобою к славе устремляться;
Для пользы всех мне можно все.
Земные недра раздираю,
Металл блестящий извлекаю
На украшение твое.

18

Но ты, забыв мне клятву данну,
Забыв, что я избрал тебя
Себе в утеху быть венчанну,
Возмнил, что ты господь^[5] – не я;
Мечом мои расторг уставы,
Безгласными поверг все правы^[6],
Стыдиться истине велел;
Расчистил мерзостям дорогу.
Взывать стал не ко мне, но к богу,
А мной гнушаться восхотел.

[5] Господь – здесь: господин.

[6] Безгласны ми поверг все правы... – самовластно нарушил законы.

19

Кровавым потом доставая
Плод, кой я в пищу насадил,
С тобою крохи разделяя,
Своей натуги не щадил;
Тебе сокровищей всех мало!
На что ж, скажи, их недостало,
Что рубище с меня сорвал?
Дарить любимца, полна лести!
Жену, чуждающуюся чести!
Иль злато богом ты признал?

20

В отличность знак изобретенный
Ты начал наглости дарить;
В злодея меч мой изощренный
Ты стал невинности сулить;
Сгруженные полки в защиту
На брань ведешь ли знамениту
За человечество карать?
В кровавых борешься долинах,
Дабы, упившись в Афинах,
„Ирой!“ – зевав, могли сказать.

21

Злодей, злодеев всех лютейший!
Превзыде зло твою главу.
Преступник, изо всех первейший!
Предстань, на суд тебя зову!
Злодейства все скопил в едином,
Да ни едином преидет мимо
Тебя из казней, супостат!
В меня дерзнул острить ты жало!
Единой смерти за то мало -
Умри! умри же ты стократ!“

22

Великий муж, коварства полный,
Ханжа, и льстец, и святотать!
Един ты в свет столь благотворный
Пример великий мог подать.
Я чту, Кромвель, в тебе злодея,
Что, власть в руке своей имея,
Ты твердь свободы сокрушил;
Но научил ты в род и роды,
Как могут мстить себя народы:
Ты Карла на суде казнил.

23

Внезапу вихри восшумели,
Прервав спокойство тихих вод,
Свободы гласы так взгремели,
На вече весь течет народ.
Престол чугунный разрушает,
Самсон, как древле, сотрясает,
Исполненный коварств чертог,
Законом строит твердь природы.
Велик, велик ты, дух свободы,
Зиждителей, как сам есть бог!

24

И дал превыспренно стремленье
Скривленному рассудку лжей;
Внезапу мощно потрясенье
Поверх земли уж зрится всей;
В неведомы страны отважно
Летит Колумб чрез поле влажно;
Но чудо Галилей творить
Возмог, протекши пустотою,
Зиждительной своей рукою
Светило дневно утвердить.

25

Так дух свободы, разоряя
Вознесшийся неволи гнет,
В градах и селах пролетая,
К величию он всех зовет,
Живит, родит и созидает,
Препоны на пути не знает,
Вождаем мужеством в стезях;
Нетрепетно с ним разум мыслит,
И слово собственностью числит,
Невежства чтоб развеет прах.

26

Под деревом, зноем упоенный,
Господне стадо^[7] пастырь пас;
Вдруг новым светом озаренный,
Вспрянув, свободы слышит глас;
На стадо зверь, он видит, мчится,
На бой с ним ревностно стремится.
Не чуждый вождь брежет свое;
О стаде сердце не радело,
Как чуждо было, не жалело;
Но ныне, ныне ты мое.

[7] Господне стадо – стадо господина.

27

Господню волю исполняя,
До востока солнца на полях,
Скупую ниву раздирая,
Волы томились на браздах;
Как мачеха к чуждоутробным
Исходит с видом всегда злобным,
Рабам так нива мзду дает.
Но дух свободы ниву греет,
Бесслезно поле вмиг тучнеет:
Себе всяк сеет, себе жнет.

28

Исполнив круг дневной работы,
Свободный муж домой спешит;
Невинно сердце без заботы
В объятиях супружних спит;
Не господу рукой надменной,
Ему для казни подаренной,
Невинных жертв чтоб размножал;
Любовию вождаем нежной,
На сердце брак воздвиг надежный,
Помощницу себе избрал.

29

Он любит, и любим он ею;
Труды – веселье, пот – роса,
Что жизненностию своею
Плодит луга, поля, леса,
Вершин блаженства достигают,
Горячность их плодом стягчают
Всещедре бога; в простоте
Безбедны дойдут до кончины,
Не зная алчной десятины,
Птенцов что кормит в наготе.

30

Возри на беспредельно поле,
Где стерта зверства рать стоит:
Не скот тут согнан поневоле,
Не жребий мужество дарит,
Не груда правильно стремится,
Вождем тут воин каждый зрится,
Кончины славной ищет он.
О воин непоколебимый,
Ты есть и был непобедимый,
Твой вождь – свобода, Вашингтон!

31

Двулична бога^[8] храм закрылся,
Свирепство всяк с себя сложил,
Се бог торжеств средь нас явился
И в рог веселья вострубил.
Стекаются тут громки лики,
Не видят грозного владыки,
Закон веселью кой дает;
Свободы, зрится тут держава;
Награда ей едина слава.
Во храм бессмертья что ведет.

32

Сплетясь веселым хороводом,
Различия надменность сняв,
Се паки под лазурным сводом
Естественный встает устав;
Погрызла в тине властна скверность;
Едина личная отмениость
Венец возможет восхитить^[9];
Но не пристрастию державну,
Лишь опытностью старцу славну,
Его довлеет подарить.

[8] Двуличный бог – древнеримское божество Янус, изображавшийся с двумя лицами. Храм, построенный в его честь, был закрыт в мирное время; здесь: наступил мир.

[9] Восхитить – здесь: добыть.

33

Венец, Пиндару возложенный,
Художества соткан рукой;
Венец, наукой соплетенный;
Носим Невтоновой главой;
Таков, себе когда мечтая,
На крыльях разума взлетая,
Дух бодр и тверд возможет вся;
По всей вселенной пронесется;
Миров до края вознесется:
Предмет его суть мы, не я.

34

Но страсти, изощряя злобу,
Враждебный пламенник стрясут;
Кинжал вонзить себе в утробу
Народы пагубно влекут;
Отца на сына воздвигают,
Союзы бранны раздирают,
В сердца граждан лиют боязнь;
Рождается несытна власти
Алчба, зиждущая напасти,
Чтоб обществу устроить казнь.

35

Крутится вихрем громоносным,
Обвившись облаком густым,
Светилом озарясь поносным,
Сияньем яд прикрыт святым.
Зовя, прельщая, угрожая,
Иль казнь, иль мзду ниспосылая -
Се меч, се злато: избирай!
И, сев на камени ехидны,
Лестей облек в взор миловидный,
Шлет молнию из края в край.

36

Так Марий, Сулла, возмутивши
Спокойство шаткое римлян,
В сердцах пороки возродивши,
В наемну рать вместил граждан,
Ругаяся всем, что есть свято,
И то, что не было отнято,
У римлян откупить возмог;
Весы златые мзды позорной,
Предательству, убийству сродной,
Воздвиг нечестья средь чертог.

37

И се, скончав граждански брани
И свет коварством обольстив,
На небо простирая длани,
Тревожну вольность усыпив,
Чугунный скиптр обвил цветами,
Народы мнили – правят сами,
Но Август выю их давил;
Прикрыл хоть зверство добротой,
Вождаем мягкою душою;
Но царь когда бесстрастен был!

38

Сей был и есть закон природы,
Неизменяемый никогда,
Ему подвластны все народы,
Незримо правит он всегда:
Мучительство, стряся пределы,
Отравы полны свои стрелы
В себя, не ведая, вонзит;
Равенство казнию восставит;
Едину власть, вселясь, раздавит;
Обидой право обновит.

39

Дойдешь до меты совершенство,
В стезях препоны прескочив^[10],
В сожитии найдешь блаженство,
Несчастных жребий облегчив,
И паче солнца возблистаешь,
О вольность, вольность! да скончаешь
Со вечностью ты свой полет;
Но корень благ твой истощится,
Свобода в наглость превратится
И власти под ярмом падет.

40

Да не дивимся превращенью,
Которое мы в свете зрим;
Всеобщему вослед стремленью
Некосненно стремглав бежим.
Огонь в связи со влагой спорит,
Стихия в нас стихию борет,
Начало тленьем тщится дать;
Прекраснейше в миру творенье
В веселии начнет рожденье
На то, чтоб только умирать.

[10] Препоны прескочив – преодолев препятствия на своем пути.

41

О вы! счастливые народы,
Где случай вольность даровал!
Блюдайте дар благой природы,
В сердцах что вечный начертал.
Се хлябь разверстая, цветами
Усыпанная, под ногами
У вас готова вас сглотить.
Не забывай ни на минуту,
Что крепость сил в немощность люту,
Что свет во тьму лъзя претворить.

42

К тебе душа моя вспаленна,
К тебе, словутая страна,
Стремится, гнетом где согбенна
Лежала вольность попрана;
Ликуешь ты! а мы здесь страждем!
Того ж, того ж и мы все жаждем;
Пример твой мету обнажил.
Твоей я славе непричастен -
Позволь, коль дух мой неподвластен,
Чтоб брег твой пепл хотя мой скрыл!

43

Но нет! где рок судил родиться,
Да будет там и дням предел;
Да хладный прах мой осенится
Величеством, что днесь я пел;
Да юноша, взалкавый славы,
Пришед на гробимой обветшалый,
Дабы со чувствием вещал:
„Под игом власти, сей рожденный,
Нося оковы позлащенны,
Нам вольность первый прорицал“.

44

И будет, вслед гремящей славы
Направя бодрственно полет,
На запад, юг, восток державы
Своей ширить предел; но нет
Тебе предела ниотколе,
В счастливой ты ликуя доле, -
Где ты явишься, там твой трон.
Отечество мое драгое,
На чреслах пояс сил в покое,
В окрестность ты даешь закон.

45

Но дале чем источник власти,
Слабее членов тем союз,
Между собой все чужды части,
Всех тяжесть ощущает уз.
Лучу, истекшу от светила,
Сопутствует и блеск и сила;
В пространстве – он теряет мощь;
В ключе – хотя не угасает,
Но бег его ослабевает;
Ползущего глотает ночь.

46

В тебе, когда союз прервется,
Стончает мнений крепка власть;
Когда закона твердь шатнется,
Блюсти всяк будет свою часть;
Тогда, растерзанно мгновенно,
Тогда сложенье твое бренно,
Содрогшись внутренне, падет,
Но праха вихри не коснутся,
Животны семена проснутся,
Затускло солнце вновь даст свет.

47

Из недр развалины огромной,
Среди огней, кровавых рек,
Средь глада, зверства, язвы томной,
Что лютый дух властей возжег, -
Возникнут малые светила;
Незыблемы свои кормила
Украсят дружества венцом,
На пользу всех ладью направят
И волка хищного задавят,
Что чтил слепец своим отцом.

48

Но не пришла еще година,
Не совершились судьбы;
Вдали, вдали еще кончина,
Когда иссякнут все беды,
Встрещат заклепы тяжелой ночи;
Упруга власть, собрав все мочи,
Вкатясь, где потщится пасть,
Да грузным махом все раздавит,
И стражу к словеси приставит,
Да будет горшая напасть.

49

Влача оков несносно бремя,
В вертепе плача возревет
(Приидет вожделенно время),
На небо смертность воззовет;
Направленна к стези свободой,
Десную ополча природой,
Качнется в дол – и страх пред ней;
Тогда всех сил властей сложенье
Развеется в одно мгновенье.
О день избраннейший всех дней!

50

Мне слышится уж глас природы,
Начальный глас, глас божества,
Трясутся вечна мрака своды,
Се миг рожденья вещества.
Се медленно и в стройном чине
Грядет зиждитель воедине -
Рекл – яркий свет пустил свой луч,
И, ложный плена скиптр поправши,
Сгущенную тьму разогнавши,
Блестящий день родил из туч.

az.lib.ru/r/radishew_a_n/text_0020.shtml

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ (Отрывки)

„Чудище обло, озорно, огромно,
стозевно и лайй“.
„Тилемахида“,
том II, кн. XVIII. стих 514.^[11]

А. М. К.^[12]

Любезнейшему другу.

Что бы разум и сердце произвести ни захотели, тебе оно, о! сочувственник мой, посвящено да будет. Хотя мнения мои о многих вещах различествуют с твоими, но сердце твое бьет моему согласно – и ты мой друг.

[11] Обло. – тучно; озорно – нагло, пакостливо; лайй – лающее. Эпиграф – слегка измененный стих поэмы В. К. Третьяковского „Тилемахида“ (1766). Приводя слова, которыми поэт описывал одного из царей, злоупотреблявших властью, Радищев бросает вызов деспотическому русскому самодержавию.

[12] А. М. К. – инициалы Алексея Михайловича Кутузова, товарища Радищева по Лейпцигскому университету, писателя, масона. Посвящение Кутузову – не только дань дружбы, но и акт полемики.

Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала. Обратил взоры мои во внутренность мою – и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы. Ужели, вещал я сам себе, природа толико скупа была к своим чадам, что от блудящего невинно сокрыла истину навеки? Ужели сия грозная мачеха произвела нас для того, чтоб чувствовали мы бедствия, а блаженство николи? Разум мой вострепетал от сея мысли, и сердце мое далеко ее от себя оттолкнуло. Я человеку нашел утешителя в нем самом. „Отыми завесу с очей природного чувствования – и блажен буду „. Сей глас природы раздавался громко в сложении моем. Воспрянул я от уныния моего, в которое повергли меня чувствительность и сострадание; я ощутил в себе довольно сил, чтобы противиться заблуждению; и – веселие неизреченное! – я почувствовал, что возможно всякому соучастником быть во благоденствии себе подобных. Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь. Но если, говорил я сам себе, я найду кого-либо, кто намерение мое одобрит; кто ради благой цели не опорочит неудачное изображение мысли; кто состраждет со мною над бедствиями собратий своей; кто в шествии моем меня подкрепит, – не сугубый ли плод произойдет от подъятого мною труда?.. Пощто, почто мне искать далеко кого-либо? Мой друг! Ты близ моего сердца живешь – и имя твое да озарит сие начало.

ВЫЕЗД

Отужинав с моими друзьями, я лег в кибитку. Ямщик, по обыкновению своему, поскакал во всю лошадиную мочь, и в несколько минут я был уже за городом. Расставаться трудно

хотя на малое время с тем, кто нам нужен стал на всякую минуту бытия нашего. Расставаться трудно; но блажен тот, кто расстаться может не улыбаясь; любовь или дружба стрегут его, утешение. Ты плачешь, произнося прости; но вспомни о возвращении твоём, и да исчезнут слезы твои при сем воображении, яко роса пред лицом солнца. Блажен возрыдавший, надейся на утешителя; блажен живущий иногда в будущем; блажен живущий в мечтании. Существо его усугубляется, веселия множатся, и спокойствие упреждает нахмуренность грусти, распложая образы радости в зеркалах воображения.

Я лежу в кибитке. Звон почтового колокольчика, наскучив моим ушам, призвал наконец благодетельного Морфея^[13]. Горесть разлуки моя, преследуя за мною в смертоподобное мое состояние, представила меня воображению моему уединенна. Я зрел себя в пространной долине, потерявшей от солнечного зноя всю приятность и пестроту зелени; не было тут источника на прохлаждение, не было древесных сени на умерение зноя. Един, оставлен среди природы пустынный! Вострепетал.

- Несчастный, – возопил я, – где ты? Где девалося все, что тебя прельщало? Где то, что жизнь твою делало тебе приятною? Неужели веселости, тобою вкушенные, были сон и мечта? – По счастью моему случившаяся на дороге рытвина, в которую кибитка моя толкнулась, меня разбудила. Кибитка моя остановилась. Приподнял я голову. Вижу: на пустом месте стоит дом в три жилья.

- Что такое? – ~ спрашивал я у повозчика моего.

- Почтовый двор.

- Да где мы?

- В Софии, – и между тем выпрягал лошадей.

[13] Кубарь – подобие волчка, юлы.

СОФИЯ

Повсюду молчание. Погруженный в размышлениях, не заметил я, что кибитка моя давно уже без лошадей стояла. Привезший меня извозчик извлек меня из задумчивости:

- Барин-батюшка, на водку! – Сбор сей хотя не законный, но охотно всякий его платит, дабы не ехать по указу. Двадцать копеек послужили мне в пользу. Кто ездил на почте, тот знает, что^[14] есть сберегательное письмо, без которого всякому кошельку, генеральский, может быть, исключая, будет накладно. Вынув ее из кармана, я шел с нею, как ходят иногда для защиты своей со крестом.

Почтового комиссара нашел я храпящего; легонько взял его за плечо.

- Кого черт давит? Что за манер выезжать из города ночью. Лошадей нет; очень еще рано; взойди, пожалуй, в трактир, выпей чаю или усни. – Сказав сие, г. комиссар отворотился к стене и паки^[15] захрапел. Что делать? Потряс я комиссара опять за плечо.

- Что за пропасть, я уже сказал, что нет лошадей, – и, обернув голову одеялом, г. комиссар от меня отворотился.

„Если лошади все в разгоне, – размышлял я, – то несправедливо, что я мешаю комиссару спать. А если лошади в конюшне...“ Я вознамерился узнать, правду ли г. комиссар говорил. Вышел на двор, сыскал конюшню и нашел в оной лошадей до двадцати; хотя, правду сказать, кости у них были видны, но меня бы дотащили до следующего стана. Из конюшни я опять возвратился к комиссару; потряс его гораз-

[14] Подорожная – документ на получение почтовых лошадей.

[15] Паки – опять, снова.

до покрепче. Казалось мне, что я к тому имел право, нашед, что комиссар солгал. Он второпях вскочил и, не продрав еще глаз, спрашивал:

- Кто приехал? Не... – Но, опомнившись, увидя меня, сказал мне: – Видно, молодец, ты обык так обходиться с прежними ямщиками. Их бивали палками; но ныне не прежняя пора. – Со гневом г. комиссар лег спать в постелю. Мне его так же хотелось попотчевать, как прежних ямщиков, когда они в обмане приличались^[16], но щедрость моя, давая на водку городскому повозчику, побудила софийских ямщиков запрячь мне поскорее лошадей, и в самое-то время, когда я намерялся сделать преступление на спине комиссарской, зазвенел на дворе колокольчик. Я пребыл добрый гражданин. Итак, двадцать медных копеек избавили миролюбивого человека от следствия, детей моих от примера невоздержания во гневе, и я узнал, что рассудок есть раб нетерпеливости.

Лошади меня мчат; извозчик мой затянул песню, по обыкновению заунывную. Кто знает голоса русских народных песен, тот признается, что есть в них нечто, скорбь душевную означающее. Все почти голоса таких песен суть тону мягкого. На сем музыкальном расположении народного уха умеи учреждать бразды правления. В них найдешь образование души нашего народа. Посмотри на русского человека; найдешь его задумчива. Если захочет разогнать скуку или, как то он сам называет, если захочет повеселиться, то идет в кабак. В веселии своем порывист, отважен, сварлив. Если что-либо случится не по нем, то скоро начинает спор или битву. Бурлак, идущий в кабак повеся голову и возвращающийся обгаренный кровию от оплеух, многое может решить доселе гадательное в истории, российской.

[16] Приличались – уличались.

Извозчик мой поет. Третий был час пополуночи. Как прежде колокольчик, так теперь его песня произвела опять во мне сон. О природа, объяв человека в пелены скорби при рождении его, влача его по строгим хребтам боязни, скуки и печали чрез весь его век, дала ты ему в отраду сон. Уснул, и все скончалось. Несносно пробуждение несчастному. О, сколь смерть для него приятна. А есть ли она конец скорби? – Отче всеблагий, неужели отворишь взоры свои от скончающегося бедственное житие свое мужественно? Тебе, источнику всех благ, приносится сия жертва. Ты один даешь крепость, когда естество трепещет, содрогается. Се глас отчий, взывающий к себе свое чадо. Ты жизнь мне дал, тебе ее и возвращаю; на земли она стала уже бесполезна.

ТОСНА

Поехавши из Петербурга, я воображал себе, что дорога была наилучшая. Таковою ее почитали все те, которые ездили по ней вслед государя. Такова она была действительно, но – на малое время. Земля, насыпанная на дороге, сделав ее гладкою в сухое время, дождями разжиженная, произвела великую грязь среди лета и сделала ее непроходимую... Обеспокоен дурною дорогою, я, встав из кибитки, вошел в почтовую избу, в намерении отдохнуть. В избе нашел я проезжающего, который, сидя за обыкновенным длинным кре-

стьянским столом в переднем углу, разбирал бумаги и просил почтового комиссара, чтобы ему поскорее велел дать лошадей. На вопрос мой – кто он был? – узнал я, что то был старого покрою стряпчий, едущий в Петербург с великим множеством изодранных бумаг, которые он тогда разбирал. Я немедля вступил с ним в разговор, и вот моя с ним беседа:

- Милостивый государь! Я, нижайший ваш слуга, быв регистратором при разрядном архиве^[17], имел случаи употребить место мое себе в пользу. Посильными моими трудами я собрал родословную, на ясных доводах утвержденную, многих родов российских. Я докажу княжеское или благородное их происхождение за несколько сот лет. Я восстановлю не редкого в княжеское достоинство, показав от Владимира Мономаха или от самого Рюрика его происхождение.

- Милостивый государь! – продолжал он, указывая на свои бумаги. – Все великороссийское дворянство долженствовало бы купить мой труд, заплатя за него столько, сколько ни за какой товар не платят. Но с дозволения вашего высокородия, благородия или высокоблагородия, не ведаю, как честь ваша, они не знают, что им нужно. Известно вам, сколько блаженный памяти благоверный царь Федор Алексеевич российское дворянство обидел, уничтожив местничество^[18]. Сие строгое законоположение поставило многие честные княжеские и царские роды наравне с ново-

[17] Разрядный архив – хранилище родословных документов боярства и дворянства.

[18] С уничтожением местничества при царе Федоре Алексеевиче (1661-1682) началось назначение на государственные должности в зависимости от личных заслуг и достоинств, а не от древности и заслуг фамилии, рода.

городским дворянством^[19]. Но благоверный же государь император Петр Великий совсем привел их в затмение своею табелью о рангах^[20]. Открыл он путь чрез службу военную и гражданскую всем к приобретению дворянского титула и древнее дворянство, так сказать, затоптал в грязь. Ныне все-милостивейше царствующая наша мать утвердила прежние указы высочайшим о дворянстве положением, которое было всех степенных наших вострежило, ибо древние роды поставлены в дворянской книге ниже всех^[21]. Но слух носится, что в дополнение вскоре издан будет указ и тем родам, которые дворянское свое происхождение докажут за 200 или 300 лет, приложится титул маркиза или другое знатное, и они пред другими родами будут иметь некоторую отличность. По сей причине, милостивейший государь! труд мой должен весьма быть приятен всему древнему благородному обществу; но всяк имеет своих злодеев.

В Москве завернулся я в компанию молодых господчиков и предложил им мой труд, дабы благосклонностию их возвратить хотя истраченную бумагу и чернила; но вместо благоприятства попал в посмеяние и, с горя оставив столичный сей град, вдался пути до Питера, где, известно, гораздо больше просвещения.

[19] Новгородское дворянство вело свою родословную с момента разгрома Новгорода Иваном Грозным (1570) и было сравнительно небогато.

[20] Табель о рангах – система чинов, утвержденная Петром I (1722). Согласно ей, дворянское звание дава лось за выслугу.

[21] Часть родовитых дворян не была удовлетворена екатерининской „Жалованной грамотой дворянству“ (1785), которая в целом расширяла привилегии помещиков.

Сказав сие, поклонился мне об руку и, вытянувшись прямо, стоял передо мною с величайшим благоговением. Я понял его мысль, вынул из кошелька... и, дав ему, советовал, что, приехав в Петербург, он продал бы бумагу свою на вес разносчикам для обвертки; ибо мнимое маркизство скружить может многим голову, и он причиною будет возрождению истребленного в России зла – хвастовства древния породы.

ЛЮБАНИ

Зимою ли я ехал или летом, для вас, думаю, равно. Может быть, и зимою и летом. Нередко то бывает с путешественниками: поедут на санях, а возвращаются на телегах. – Летом. Бревешками вымощенная дорога замучила мои бока; я вылез из кибитки и пошел пешком. Лежа в кибитке, мысли мои обращены были в неизмеримость мира. Отделялся душевно от земли, казалось мне, что удары кибиточные были для меня легче. Но упражнения духовные не всегда нас от телесности отвлекают; и для сохранения боков моих пошел я пешком. В нескольких шагах от дороги увидел я пашущего ниву крестьянина. Время было жаркое. Посмотрел я на часы. Первого сорок минут. Я выехал в субботу. Сегодня праздник. Пашущий крестьянин принадлежит, конечно, помещику, который оброку с него не берет. Крестьянин пашет с великим тщанием. Нива, конечно, не господская. Соху поворачивает с удивительною легкостью.

- Бог в помощь, – сказал я, подошед к пахарю, который, не останавливаясь, доканчивал зачатую борозду. – Бог в помощь, – повторил я.

- Спасибо, барин, – говорил мне пахарь, отряхая сошник и перенося соху на новую борозду.

- Ты, конечно, раскольник, что пашешь по воскресеньям?

- Нет, барин, я прямым крестом крещусь, – сказал он, показывая мне сложенные три перста. – А бог милостив, с голоду умирать не велит, когда есть силы и семья.

- Разве тебе во всю неделю нет времени работать, что ты и воскресенью не спускаешь, да еще и в самый жар?

- В неделе-то, барин, шесть дней, а мы шесть раз в неделю ходим на барщину; да под вечером возим вставшее в лесу сено на господский двор, коли погода хороша; а бабы и девки для прогулки ходят по праздникам в лес по грибы да по ягоды. Дай бог, – крестясь, – чтоб под вечер сегодня дождик пошел. Барин, коли есть у тебя свои мужички, так они того же у господа молят.

- У меня, мой друг, мужиков нет, и для того никто меня не клянет. Велика ли у тебя семья?

- Три сына и три дочки. Первинькому-то десятый годок.

- Как же ты успеваешь доставать хлеб, коли только праздник имеешь свободным?

- Не одни праздники, и ночь наша. Не ленись наш брат, то с голоду не умрет. Видишь ли, одна лошадь отдыхает; а как эта устанет, возьмусь за другую; дело-то и споро.

- Так ли ты работаешь на господина своего?

- Нет, барин, грешно бы было так же работать. У него на пашне сто рук для одного рта, а у меня две для семи ртов, сам

ты счет знаешь. Да хотя растянишь на барской работе, то спасибо не скажут. Барин подушных^[22] не заплатит; ни барана, ни холста, ни курицы, ни масла не уступит. То ли житье нашему брату, как где барин оброк берет с крестьянина, да еще без приказчика. Правда, что иногда и добрые господа берут более трех рублей с души; но все лучше барщины. Ныне еще поверье заводится отдавать деревни, как то называется, на аренду. А мы называем это отдавать головой. Голый наемник {Наемник – помещик-арендатор, приобретающий за плату во временное владение имение с крепостными крестьянами.} дерет с мужиков кожу; даже лучшей поры нам не оставляет. Зимой не пускает в извоз, ни в работу в город; все работай на него, для того что он подушные платит за нас. Самая дьявольская выдумка отдавать крестьян своих чужому в работу. На дурного приказчика хотя можно пожаловаться, а на наемника кому?^[23]

- Друг мой, ты ошибаешься, мучить людей законы за-прещают.

- Мучить? Правда; но небось, барин, не захочешь в мою кожу. – Между тем пахарь. запряг другую лошадь в соху и, начав новую борозду, со мною простился.

Разговор сего земледельца возбудил во мне множество мыслей. Первое представилось мне неравенство крестьянского состояния. Сравнил я крестьян казенных с крестьянами помещичьими. Те и другие живут в деревнях; но одни

[22] Подушные – подушный государственный налог, которым облагалось мужское население, кроме дворян, духовенства и чиновников.

[23] По указу Екатерины (1769) крестьяне не имели даже права жаловаться на помещиков под угрозой ссылки на каторгу.

платят известное, а другие должны быть готовы платить то, что господин хочет. Одни судятся своими равными; а другие в законе мертвы, разве по делам уголовным. Член общества становится только тогда известен правительству, его охраняющему, когда нарушает союз общественный^[24], когда становится злодей! Сия мысль всю кровь во мне воспалила.

- Страшись, помещик жестокосердый, на челе каждого из твоих крестьян вижу твоё осуждение.

Углубленный в сих размышлениях, я нечаянно обратил взор мой на моего слугу, который, сидя на кибитке передо мной, качался из стороны в сторону. Вдруг почувствовал я быстрый мраз, протекающий кровь мою, и, прогоняя жар к вершинам, нудил его распространяться по лицу. Мне так стало во внутренности моей стыдно, что едва я не заплакал.

- Ты во гневе твоём, – говорил я сам себе, – устремляешься на гордого господина, изнуряющего крестьянина своего на ниве своей; а сам не то же ли или еще хуже того делаешь? Какое преступление сделал бедный твой Петрушка, что ты ему воспрещаешь пользоваться усладителем наших бедствий, величайшим даром природы несчастному – сном? Он получает плату, сыт, одет, никогда я его не секу ни плетьюми, ни батожем (о умеренный человек!) – и ты думаешь, что кусок хлеба и лоскут сукна тебе дают право поступать с подобным тебе существом как с кубарем^[25], и тем ты только хвастаешь, что не часто подсекаешь его в его вертении. Ведаешь ли, что в первенственном уложении, в сердце каждого написано? Если я кого ударю, тот и меня ударить может. Вспомни

[24] Радищев, как и другие философы XVIII века, считал, что государство возникло путем добровольного соглашения людей.

[25] Кубарь – подобие волчка, юлы.

тот день, когда Петрушка пьян был и не поспел тебя одеть. Вспомни о его пощечине. О, если бы он тогда, хотя пьяный, опомнился и тебе отвечал бы соразмерно твоему вопросу!

- А кто тебе дал власть над ним?

- Закон.

- Закон? И ты смеешь поносить сие священное имя? Несчастный!.. – Слезы потекли из глаз моих; и в таком положении почтовые клячи дотащили меня до следующего стана.

...

ЗАЙЦОВО

В Зайцове на почтовом дворе нашел я давнышнего моего приятеля г. Крестьянкина. Я с ним знаком был с ребячества. Редко мы бывали в одном городе; но беседы наши, хотя не часты, были, однако же, откровенны. Г. Крестьянкин долго находился в военной службе и, наскучив жестокостями оной, а особливо во время войны, где великие насилия именем права войны прикрываются, перешел в статскую. По несчастию его, и в статской службе не избежал того, от чего, оставляя военную, удалиться хотел. Душу он имел очень чувствительную и сердце человеколюбивое. Догнанные его столь превосходные качества доставили ему место председателя уголовной палаты. Сперва не хотел он на себя принять сего звания, но, помыслив несколько, сказал он мне:

- Мой друг, какое обширное поле отверзается мне на удовлетворение любезнейшей склонности моя души! Какое упражнение для мягкосердия! Сокрушим скипетр жестокости, который столь часто тягчит рамена невинности; да опустеют темницы и да не узрит их оплошная слабость, нерадивая неопытность, и случай во злодеяние да не вменится

николи. О мой друг! Исполнением моея должности источу слезы родителей о чадах, воздыхания супругов; но слезы сии будут слезы обновления во благо; но иссякнут слезы страждущей невинности и простодушия. Колике мысль сия меня восхищает. Пойдем, ускорим отъезд мой. Может быть, скорое прибытие мое там нужно. Замедля, могу быть убийцею, не предупреждая заключения или обвинения прошением или разрешением от уз.

С таковыми мыслями поехал приятель мой к своему месту. Сколь же много удивился я, узнав от него, что он оставил службу и намерен жить всегда в отставке.

- Я думал, мой друг, – говорил мне г. Крестьянкин, – что услаждающую рассудок и обильную найду жатву в исполнении моея должности. Но вместо того нашел я в оной желчь и терние. Теперь, наскучив оною, не в силах будучи делать добро, оставил место истинному хищному зверю. В короткое время он заслужил похвалу скорым решением залежавшихся дел; а я прослыл копотким. Иные почитали меня иногда мздоимцем за то, что не спешил отягчить жребия несчастных, впадающих в преступление нередко поневоле. До вступления моего в статскую службу приобрел я лестное для меня название человеколюбивого начальника. Теперь самое то же качество, коим сердце мое толико гордилось, теперь почитают послаблением или непозволительною поноровкою^[26]. – Видел я решения мои осмеянными в том самом, что их изящными делало; видел их оставляемыми без действия. С презрением взирал, что для освобождения действительно злодея и вредного обществу члена или дабы наказать мнимые преступления лишением имения, чести, жизни начальник мой, будучи не в силах меня преклонить на незаконное очищение злодейства или обвинение невинности, преклонял

[26] Поноровка – потворство.

к тому моих сочленов, и нередко я видел благие мои расположения исчезавшими, яко дым в пространстве воздуха. Они же, во мзду своего гнусного послушания, получили почести, кои в глазах моих столь же были тусклы, сколь их прельщали своим блеском. Нередко в затруднительных случаях, когда уверение в невинности названного преступником меня побуждало на мягкосердие, я прибегал к закону, дабы искати в нем подпору моей нерешимости; но часто в нем находил вместо человеколюбия жестокость, которая начало свое имела не в самом законе, но в его обветшалости. Несоразмерность наказания преступлению часто извлекала у меня слезы. Я видел (да и может ли быть иначе), что закон судит о деяниях, не касался причин, оные производивших. И последний случай, к таковым деяниям относящийся, понудил меня оставить службу. Ибо, не возмогши спасти виновных, мощною судьбы рукою в преступление вовлеченных, я не хотел быть участником в их казни. Не возмогши облегчить их жребия, омыл руки мои в моей невинности и удалился жестокосердия.

В губернии нашей жил один дворянин, который за несколько уже лет оставил службу. Вот его послужной список. Начал службу свою при дворе истопником, произведен лакеем, камер-лакеем, потом мундшенком^[27], какие достоинства надобны для прехождения сих степеней придворная служба, мне неизвестно. Но знаю то, что он вино любил до последнего издыхания. Пробыв в мундшенках лет 15, отослан был в герольдию^[28], для определения по его чину. Но он, чув-

[27] Камер-лакей – старший придворный лакей. Мундшенк – придворный служитель, ведающий напитками (виночерпий).

[28] Герольдия – учреждение, ведавшее делами о дворянах, чиновниках, титулах, гербах.

ствуя свою неспособность к делам, выпросился в отставку и награжден чином коллежского асессора, с которым он приехал в то место, где родился, то есть в нашу губернию, лет шесть тому назад. Отличная привязанность к своей отчизне нередко основание имеет в тщеславии. Человек низкого состояния, добившийся в знатность, или бедняк, приобретший богатство, сотрясши всю стыдливости застенчивость, последний и слабейший корень добродетели, предпочитает место своего рождения на распростертые своею пышности и гордыни. Там скоро асессор нашел случай купить деревню, в которой поселился с немалою своею семьею. Если бы у нас родился Гогард^[29], то бы обильное нашел поле на карикатуры в семействе г. асессора. Но я худой живописец; или если бы я мог в чертах лица читать внутренности человека с Лаватеровою пронизательностию, то бы и тогда картина асессоровой семьи была примечания достойна. Не имея сих свойств, заставлю вещать их деяния, кои всегда истинные суть черты душевного образования. Г. асессор, произошел из самого низкого состояния, зрел себя повелителем нескольких сотен себе подобных. Сие вскружило ему голову. Не один он жаловаться может, что употребление власти вскружает голову. Он себя почел высшего чина, крестьян почитал скотами, данными ему (едва не думал ли он, что власть его над ними от бога проистекает), да употребляет их в работу по произволению. Он был корыстолюбив, копил деньги, жесток от природы, вспыльчив, подл, а потому над слабейшими его надменен. Из сего судить можешь, как он обходился с крестьянами. Они у прежнего помещика были на оброке, он их посадил на пашню; отнял у них всю землю, скотину всю у них купил по цене, какую сам определил, заставил работать всю неделю на себя,

[29] Гогард (Хогарт) Уильям (1697-1764) – английский живописец и гравёр, сатирик.

а дабы они не умирали с голоду, то кормил их на господском дворе, и то по одному разу в день, а иным давал из милости месячину^[30]. Если который казался ему ленив, то сек розгами, плетью, батожьем или кошками^[31], смотря по мере лености; за действительные преступления, как то – кражу не у него, но у посторонних, не говорил ни слова. Казалось, будто хотел в деревне своей возобновить нравы древнего Лакедемона^[32] или Запорожской сечи. Случилось, что мужики его для пропитания на дороге ограбили проезжего, другого потом убили. Он их в суд за то не отдал, но скрыл их у себя, объявляя правительству, что они бежали; говоря, что ему прибыли не будет, если крестьянина его высекут кнутом и сошлют в работу за злодеяние. Если кто из крестьян что-нибудь украл у него, того он сек как за леность или за дерзкий или остроумный ответ, но сверх того надевал на ноги колодки, кандалы, а на шею рогатку. Много бы мог я тебе рассказать его му-
дрых распоряжений; но сего довольно для познания моего ироя^[33]. Сожительница его полную власть имела над бабами.

Помощниками в исполнении ее велений были ее сыновья и дочери, как то и у ее мужа. Ибо сделали они себе правилом, чтобы ни для какой нужды крестьян от работы не

[30] Месячина – ежемесячная выдача продуктов натурой безземельным крестьянам.

[31] Кошка – многохвостая плеть из смоленой пеньки или сыромятных ремней.

[32] Древний Лакедемон (Спарта) – греческий рабовладельческий город-государство. Общественной моралью Спарты особенно ценились личная инициатива, предприимчивость.

[33] Ирой – герой.

отвлекать. Во дворе людей было один мальчик, купленный им в Москве, парикмахер дочернин да повариха-старуха. Купчера у них не было, ни лошадей; разъезжал всегда на пахотных лошадях. Плетями или кошками секли крестьян сами сыновья. По щекам били или за волосы таскали баб и девок дочери. Сыновья в свободное время ходили по деревне или в поле играть и бесчинничать с девками и бабами, и никакая не избегала их насилия. Дочери, не имея женихов, вымещали свою скуку над прядильницами, из которых они многих изувечили.

Суди сам, мой друг, какой конец мог быть таким поступком. Я заметил из многочисленных примеров, что русский народ очень терпелив и терпит до самой крайности; но когда конец положит своему терпению, то ничто не может его удержать, чтобы не преклонился на жестокость. Сие самое и случилось с асессором. Случай к тому подал неистовый и беспутный или, лучше сказать, зверский поступок одного из его сыновей.

В деревне его была крестьянская девка, недурна собою, стоворенная за молодого крестьянина той же деревни. Она понравилась среднему сыну асессора, который употребил все возможное, чтобы ее привлечь к себе в любовь; но крестьянка верна пребывала в данном жениху ее обещании, что хотя редко в крестьянстве случается, но возможно. В воскресенье должно было быть свадьбе. Отец жениха, по введенному у многих помещиков обычаю, пошел с сыном на господский двор и понес повенечные^[34] два пуда меду к своему господину. Сию-то последнюю минуту дворянчик и хотел употребить на удовлетворение своей страсти. Взял с собой обоих своих братьев и, вызвав, невесту чрез посторон-

[34] Повенечные – оброк, уплачиваемый помещику за разрешение вступить в брак.

него мальчика на двор, потащил ее в клеть, зажав ей рот. Не будучи в силах кричать, она сопротивлялась всеми силами зверскому намерению своего молодого господина. Наконец, перевозоженная всеми тремя, принуждена была уступить силе; и уже сие скаредное чудовище начинал исполнением умышленное, как жених, возвратившись из господского дома, вошел на двор и, увидя одного из господчиков у клетки, усумнился о их злом намерении. Кликнув отца своего к себе на помощь, он быстрее молнии полетел ко клету. Какое зрелище представило ему. При его приближении затворилась клеть; но совокупные силы двух братьев немощны были удержать стремления разъяренного жениха. Он схватил близлежащий кол и, вскоча в клеть, ударил вдоль спины хищника своей невесты. Они было хотели его схватить, но, видя отца женихова, бегущего с колом же на помощь, оставили свою добычу, выскочили из клетки и побежали. Но жених, догнав одного из них, ударил его колом по голове и ее проломил.

Сии злодеи, желая отмстить свою обиду, пошли прямо к отцу и сказали ему, что, ходя по деревне, они встретились с невестою, с ней пошутили; что, увидя, жених ее начал их бить, будучи вспомогает своим отцом. В доказательство показывали проломленную у одного из братьев голову. Раздраженный до внутренности сердца болезнию своего рождения, отец воскипел гневом ярости. Немедля велел привести перед себя всех трех злодеев – так он называл жениха, невесту и отца женихова. Представшим им перед него первый вопрос его был о том, кто проломил голову его сыну. Жених в сделанном не отперся, рассказав все происшествие.

„Как ты дерзнул, – говорил старый ассессор, – поднять руку на твоего господина? А хотя бы он с твоею невестою и ночь переспал накануне твоей свадьбы, то ты ему за это

должен быть благодарен. Ты на ней не женишься; она у меня останется в доме, а вы будете наказаны“.

По такому решению жениха велел он сечь кошками немилосердно, отдав его в волю своих сыновей. Побои вытерпел он мужественно; неробким духом смотрел, как начали над отцом его то же производить истязание. Но не мог вытерпеть, как он увидел, что невесту господские дети хотели вести в дом. Наказание происходило на дворе. В одно мгновение выхватил он ее из рук ее похищающих, и освобожденные побежали оба со двора. Сие видя, барские сыновья перестали сечь старика и побежали за ними в погоню. Жених, видя, что они его настигать начали, выхватил заборину и стал защищаться. Между тем шум привлек других крестьян ко двору господскому. Они, соболезнуя о участи молодого крестьянина и имея сердце озлобленное против своих господ, его заступили. Видя сие, ассессор, подбежав сам, начал их бранить и первого, кто встретился, ударил своею тростью столь сильно, что упал бесчувствен на землю. Сие было сигналом к общему наступлению. Они окружили всех четверых господ и коротко сказать, убили их до смерти на том же месте. Толико ненавидели они их, что ни один не хотел миновать, чтобы не быть участником в сем убийстве, как то они сами после призналися.

В самое то время случилось ехать тут исправнику той округи с командою. Он был частию очевидным свидетелем сему происшествию. Взяв виновных под стражу, а виновных было половина деревни, произвел следствие, которое по-

степенно дошло до уголовной палаты. Дело было выведено очень ясно, и виновные во всем признались, в оправдание свое приводя только мучительские поступки своих господ, о которых уже вся губерния была известна. Таковому делу я обязан был по долгу моего звания положить окончательное решение, приговорить виновных к смерти и вместо оной к торговой казни^[35] и вечной работе.

Рассматривая сие дело, я не находил достаточной и убедительной причины к обвинению преступников. Крестьяне, убившие господина своего, были смертоубийцы. Но смертоубийство сие не было ли принужденно? Не причиною ли оногo сам убитый ассессор? Если в арифметике из двух данных чисел третье следует непрекословно, то и в сем происшествии следствие было необходимо. Невинность убийц, для меня по крайней мере, была математическая ясность. Если, идущу мне^[36], нападет на меня злодей и, вознесши над головою моею кинжал, восхочет меня им пронзить, – убийцею ли я почтуса, если я предупрежду его в его злодеянии и бездыханного его к ногам моим повергну? Если нынешнегo века скосырь^[37], привлекший должное на себя презрение, восхочет оногo на мне отомстить и, встретясь со мною в уединенном месте, вынув шпагу, сделает на меня нападение, да лишит меня жизни или по крайней мере да уязвит меня, – виновен ли я буду, если, извлеки мой меч на защищение мое, я избавлю общество от тревожащего спокойствия его члена? Можно ли почесть деяние оскорбляющим сохранность члена общественного, если я исполню его для моего

[35] Торговая казнь – телесные наказания (чаще – кнутом) на городских торговых площадях.

[36] Идущу мне – когда я иду.

[37] Скосырь – наглец, щеголь.

спасения, если оно предупредит мою пагубу, если без того благосостояние мое будет плачевно навеки?

Исполнен таковыми мыслями, можешь сам вообразить терзание души моей при рассмотрении сего дела. С обыкновенною откровенностью сообщил я мои мысли моим сочленам. Все возопили против меня единым гласом. Мягкосердие и человеколюбие почитали они виновным защищением злодеяний; называли меня поощрителем убийства; называли меня сообщником убийцей. По их мнению, при распространении моих вредных мнений исчезнет домашняя сохранность. Может ли дворянин, говорили они, отныне жить в деревне покоен? Может ли он видеть веления его исполняемы? Если ослушники воли господина своего, а паче его убийцы невинными признаваемы будут, то повиновение прервется, связь домашняя рушится, будет паки хаос, в начальных обществах обитающий. Земледелие умрет, орудия его сокрушатся, нива запустеет и бесплодным порастет злаком; поселяне, не имея над собою власти, скитаться будут в лености, тунеядстве и разъидутся. Города почувствуют властнодержавную десницу разрушения. Чуждо будет гражданам ремесло, рукоделие скончает свое прилежание и рачительность, торговля иссякнет в источнике своем, богатство уступит место скаредной нищете, великолепнейшие здания обветшают, законы затмятся и порастут недействительностию. Тогда огромное сложение общества начнет валиться на части и издыхати в отдаленности от целого; тогда престол царский, где ныне опора, крепость и сопряжение общества зиждутся, обветшает и сокрушится; тогда владыка народов почтется простым гражданином, и общество узрит

свою кончину. Сию достойную адския кисти картину тщи-
лися мои сотоварищи предлагать взорам всех, до кого слух
о сем деле доходил.

„Председателю нашему, – вещали они, – сродно защи-
щать убийство крестьян. Спросите, какого он происхож-
дения? Если не ошибаемся, он сам в молодости своей изво-
лил ходить за сохою. Всегда новостатейные сии дворянчи-
ки странные имеют понятия о природном над крестьянами
дворянском праве. Если бы от него зависело, он бы, думаем,
всех нас поверстал в однодворцы^[38], дабы тем уравнивать с
нами свое происхождение“.

Таковыми-то словами мнили сотоварищи мои оскорбить
меня и ненавистным сделать всему обществу. Но сим не удо-
вольствовались. Говорили, что я принял мзду от жены уби-
того асессора, да не лишится она крестьян своих отсылкою
их в работу, и что сия-то истинная была причина странным
и вредным моим мнениям, право всего дворянства вообще
оскорбляющим. Несмысленные думали, что посмеяние их
меня уязвит, что клевета поругает, что лживое представле-
ние доброго намерения от оного меня отвлечет! Сердце мое
им было неизвестно. Не знали они, что нетрепетен всегда
предстою собственному моему суду, что ланиты мой не рде-
ли багровым румянцем совести.

Мздоимство мое основали они на том, что асессорша за
мужнину смерть мстить не желала, а, сопровождаема своею
корыстию и следуя правилам своего мужа, желала крестьян
избавить от наказания, дабы не лишиться своего имения,
как то она говорила. С таковою просьбою она приезжала и
ко мне. На прощение за убиение ее мужа я с ней был согла-

[38] Однодворцы – владельцы небольшого земельного участка, одного двора, частью – дворяне, потомки служилых, частью – государственные крестьяне.

сен; но разнствовали мы в побуждениях. Она уверяла меня, что сама довольно их накажет; а я уверял ее, что, оправдывая убийцев ее мужа, не надлежало их подвергать более той же крайности, дабы паки не были злодеями, как то их называли несвойственно.

Скоро наместник известен стал о моем по сему делу мнении, известен, что я старался преклонить сотоварищей моих на мои мысли и что они начинали колебаться в своих рассуждениях, к чему, однако же, не твердость и убедительность моих доводов способствовали, но деньги ассессорши. Будучи сам воспитан в правилах неоспоримой над крестьянами власти, с моими рассуждениями он не мог быть согласен и вознегодовал, усмотрев, что они начинали в суждении сего дела преимуществовать, хотя ради различных причин. Посылает он за моими сочленами, увещевает их, представляет гнусность таких мнений, что они оскорбительны для дворянского общества, что оскорбительны для верховной власти, нарушая ее законоположения; обещает награждение исполняющим закон, претя мщением не повинующимся оному; и скоро сих слабых судей, не имеющих ни правил в размышлениях, ни крепости духа, преклоняет на прежние их мнения. Не удивился я, увидев в них перемену, ибо не дивился и прежде в них воспоследовавшей. Сродно хвильм, робким и подлым душам содрогаться от угрозы власти и радоваться ее приветствию.

Наместник наш, превратив^[39] мнения моих сотоварищей, вознамерился и ласкал себя, может быть, превратить и мое. Для сего намерения позвал меня к себе поутру в случившийся тогда праздник. Он принужден был меня позвать, ибо я не хаживал никогда на сии безрассудные поклонения, которые гордость почитает в подчиненных должностию,

[39] Превратив – повернув, изменив, переломив.

лесть нужными, а мудрец мерзительными и человечеству поносными. Он избрал нарочно день торжественный, когда у него много людей было в собрании; избрал нарочно для слова своего публичное собрание, надеясь, что тем разительнее убедит меня. Он надеялся найти во мне или боязнь души, или слабость мыслей. Против того и другого устремил он свое слово. Но я за нужное не нахожу пересказывать тебе все то, чем надменность, ощущение власти и предубеждение к своему проницанию и учености одушевляло его витийство. Надменности его ответствовал я равнодушием и спокойствием, власти непоколебимостию, доводам доводами и долго говорил хладнокровно. Но наконец содрогшееся сердце разлило свое избыточество. Чем больше видел я угождения в предстоящих, тем порывистее становился мой язык. Незыблемым гласом и звонким произношением возопил я наконец сице^[40]:

„Человек рождается в мир равен во всем другому. Все одинаковые имеем члены, все имеем разум и волю. Следственно, человек без отношения к обществу есть существо, ни от кого не зависящее в своих деяниях. Но он кладет оным преграду, согласуется не во всем своей единой повиноваться воле, становится послушен велениям себе подобного, словом, становится гражданином. Каким же ради вины обуздывает он свои хотения? Почто поставляет над собою власть? Почто, беспределен в исполнении своей воли, послушания чертою оную ограничивает? Для своей пользы, скажет рассудок; для своей пользы, скажет внутреннее чувство; для своей пользы, скажет мудрое законоположение. Следственно, где нет его пользы быть гражданином, там он и не гражданин. Следственно, тот, кто восхощет его лишить пользы гражданского звания, есть его враг. Против врага своего он защиты и мще-

[40] Сице – так.

ния ищет в законе. Если закон или не в силах его заступить, или того не хочет, или власть его не может мгновенное в предстоящей беде дать вспомоществование, тогда пользуется гражданин природным правом защищения, сохранности, благосостояния. Ибо гражданин, становясь гражданином, не перестает быть человеком, коего первая обязанность, из сложения его происходящая, есть собственная сохранность, защита, благосостояние. Убиенный крестьянами асессор нарушил в них право гражданина своим зверством. В то мгновение, когда он потакал насилию своих сыновей, когда он к болезни сердечной супругов присовокуплял поругание, когда на казнь подвигался, видя сопротивление своему адскому властвованию, – тогда закон, стрегущий гражданина, был в отдаленности, и власть его тогда была неощутительна; тогда возрождался закон природы, и власть обиженного гражданина, не отъемлемая законом положительным в обиде его, приходила в действительность; и крестьяне, убившие зверского асессора, в законе обвинения не имеют. Сердце мое их оправдает, опираясь на доводах рассудка, и смерть асессора, хотя насильственная, есть правильна. Да не возмнит кто-либо искать в благоразумии политики, в общественной тишине довода к осуждению на казнь убиенцев в злобе дух испутившего асессора. Гражданин, в каком бы состоянии небо родиться ему ни судило, есть и пребудет всегда человек; а доколе он человек, право природы, яко обильный источник благ, в нем не иссякнет никогда; и тот, кто дерзнет его уязвить в его природной и ненарушимой собственности, тот есть преступник. Горе ему, если закон гражданский его не накажет. Он замечен будет чертою мерзения в своих согражданах, и всяк, имеяй довольно сил, да отметит на нем обиду, им соделанную“.

Умолк. Наместник не говорил мне ни слова; изредка подымал на меня поникшие взоры, где господствовала

ярость бессилия и мести злоба. Все молчали в ожидании, что, оскорбитель всех прав, я взят буду под стражу. Изредка из уст раболепия слышалось журчание негодования. Все отворачивали от меня свои очи. Казалось, что близстоящих меня объял ужас. Неприметно удалились они, как от зараженного смертоносною язвою. Наскучив зрелищем толикого смешения гордыни с низжайшею подлостью, я удалился из сего собрания льстецов.

Не нашед способов спасти невинных убийц, в сердце моем оправданных, я не хотел быть ни сообщником в их казни, ниже оной свидетелем; подал прошение об отставке и, получив ее, еду теперь оплакивать плачевную судьбу крестьянского состояния и услаждать мою скуку обхождением с друзьями. – Сказав сие, мы расстались и поехали всяк в свою сторону.

...

az.lib.ru/r/radishew_a_n/text_0010.shtml

Русская литература XVIII века
Избранные тексты II.
Хрестоматия

Josef Dohnal

Vydala Masarykova univerzita v roce 2014

1. vydání, 2014

Sazba elektronické verze [Milan Vilímek Jihlavský](#)

ISBN 978-80-210-7066-0